

Элифас Леви:

ВОЗРОЖДЕНИЕ
ФРАНЦУЗСКОГО
ОККУЛЬТИЗМА

*Кристофер
МакИнтош*

КРИСТОФЕР МАКИНТОШ

Элифас Леви:
ВОЗРОЖДЕНИЕ
ФРАНЦУЗСКОГО
ОККУЛЬТИЗМА

2017

УДК 133
ББК 86.42
М 15

Оккультные движения и секретные культы всегда играли значительную роль в обществе. Во Франции оккультизм начал набирать обороты в XVIII веке, не в последнюю очередь благодаря культовой фигуре Элифаса Леви. Эта книга посвящена описанию жизни и магических опытов Леви, а также его предшественников и последователей в истории Французского оккультизма.

Кристофер МакИнтош

M15

ЭЛИФАС ЛЕВИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ОККУЛЬТИЗМА

М.: Клуб Касталия. 2017. — 270 с.

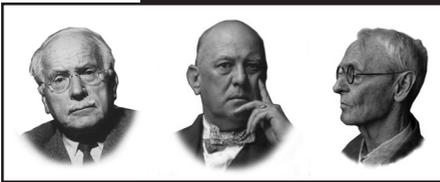
ISBN 978-5-519-60708-7

Перевод: Артем Чурилов

Редактор: Катерина САФОНОВА

Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА

Обложка: Ольга ИВАНОВА

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ — уникальный проект, объединяющий представителей самых разных мировоззрений, начиная от язычества

CASTALIA

и заканчивая гностическими и герметическими традициями. Три объединяющих принципа Касталии — это **Юнгианство, Оккультизм и Нонконформизм**. Быть Юнгианцем — значит иметь мужество познанию своиз самых потаённых глубин. Быть Оккультистом — искать то, что раз и навсегда пресуществит твой дух в тигле трансмутации, быть Нонконформистом — просто быть собой, вне следования каким-либо нормам или обычаям.

НАШ ПРОЕКТ ИМЕЕТ МНОЖЕСТВО ГРАНЕЙ.

Это и ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт www.castalia.ru, над обновлением которого работает целая группа добровольцев. Это и каждую неделю собирающийся в Реале **клуб Касталия**, где члены клуба могут услышать лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях. Это и **школа Касталия**, своего рода внешнее представительство клуба, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары. Для переводчиков Касталии — бесплатные, для всех остальных — недорогие. Это и уникальный **интернет-магазин** эзотерической и психологической литературы по доступным ценам. Переводчики имеют скидки. И, прежде всего — это интегральное мировоззрение, основанное на поиске соединения трёх слагаемых Касталии и стремящееся к оккультному Ренессансу.

КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, А ТАКЖЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
БЛАГОДАРНОСТИ.....	10
ВВЕДЕНИЕ.....	11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЕК АБСУРДА	14
Глава 1. Возрождение магии.....	15
Глава 2. Оккультизм и Революция	36
Глава 3. Революционные Культы.....	47
Глава 4. Истоки Популярного Оккультизма.....	54
Глава 5. Магнетизеры и Медиумы.....	61
Глава 6. Святой Король.....	67
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЭЛИФАС ЛЕВИ.....	77
Глава 7. Ранние годы	78
Глава 8. Основы	91
Глава 9. Проникновение в учение Элифаса Леви	105
Глава 10. Маг.....	117
Глава 11. Ученый Муж.....	137
Глава 12. Последние Годы	151
Глава 13. Элифас Леви: Оценка.....	154
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НАВСТРЕЧУ ЦАРСТВУ УТЕШИТЕЛЯ.....	170
Глава 14. Преемники Элифаса Леви	171
Глава 15. Война Роз.....	187
Глава 16. Магический Поиск Ж-К. Гюисманса	196
Глава 17. Писатели и Оккультное	219
Глава 18. Сатанисты и Антисатанисты.....	230
Глава 19. Индийское Лето Оккультизма	243
ПРИЛОЖЕНИЕ А	249
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	250
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	252

Рис. 1

Изображение Бафомета или Козла Мендеса. Часто ошибочно понимаемый за сатанистский, он по факту является комбинацией образов, представляющих доктрину Леви о противоположностях.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Публикация этой книги снова, спустя четыре с небольшим десятилетия после того как она была впервые опубликована, возродила воспоминания об опыте написания её в поздних шестидесятих — ранних семидесятих годах 20-го столетия. После публикации своей первой книги *The Astrologers and Their Creed* (London: Hutchinson 1969) я искал новый объект для изучения в рамках западной эзотерики — целину, в большинстве своём до сих пор оставшуюся за пределами академических изысканий. В новой истории эзотерики имя Элифаса Леви (псевдоним Альфонса-Луи Констана) все ещё имеет вес. Спустя многие десятилетия после его смерти он остается достаточно легендарной персоной, чтобы обрести пространное упоминание в романе Сомерсета Моэма *The Magician* (1908), или более сдержанные отсылки в повести Лавкрафта *The Case of Charles Dexter Ward* (написанной в 1927 году и впервые изданной в 1941), где Леви упоминается как «таинственная душа, сочившаяся через трещину в потаённой двери, и являвшая ужасающие перспективы пустоты, что за» (ор. cit., Part 3, Ch. 6) Несмотря на то, что на английском языке опубликовано очень мало литературы, рассказывающей о жизни и работе Леви, мне показалось что пришло время заполнить пропуски должным изучением его судьбы. В то время издателем был не кто иной, как Райдер, поэтому часть группы Хатчинсона, и в особенности работы Леви выходили в Англии именно под эгидой его издательства. Мой друг и редактор в Хатчинсон, доктор Даниэль Бростофф, бывший в группе издателей Райдера, хорошо воспринял идею переиздания трудов Леви, но, тем не менее, предлагал в некотором роде расширить границы понимания темы возрождения французского оккультизма, частью которого был Леви. Я последовал его предложению и, начав свои исследования, я вскоре осознал с каким чрезвычайно глубоким объектом исследования я имею дело.

Во многих странах рано или поздно случался свой эзотерический рассвет, но имевший место во Франции в конце 18 — начале 20 веков был наиболее плодородным. У его истоков стояли выдающиеся личности, представляющие вольных каменщиков, иллюминатов, мистиков, алхимиков, и ритуальных магов, из чьей среды вышли такие движения как Мартинизм. В число их преемников в 19-м веке, кроме собственно Леви, входил оккультист Папюс (псевдоним доктора Жерара Анкосса), чье влияние распространилось аж до Санкт-Петербургского дворца, антипапы Эжена Вентра, и яркого розенкрейцеровского волхва Жозефина Пеладана организатора культурного движения включавшего выставки искусства, тесно связанного со школой Символизма в живописи. Каждая из этих фигур заслуживала бы собственную биографию, но я решил отдать лавры Леви за его конструктивную роль как в самой Франции, так и за его международное влияние. Многие из его идей вызывали восторг у Мадам Блаватской и проникли в теософию. Под его сильным влиянием находились маги Герметического Ордена Золотого Заката наряду с такими писателями как Гюисманс, Бодлер, У. Б. Йейтс. Сам Алистер Кроули считал себя реинкарнацией Леви. В истории эзотерики Леви так же занял свое место как художник хотя бы даже из-за своего знаменитого рисунка «Бафомет или Козел Мендеса», претерпевшего бесчисленное количество репродукций в книгах и журналах о магии и оккультизме. Этот рисунок не вошел в первую редакцию книги, но теперь я исправил это упущение, и он показан на рисунке 1. В иконографии эзотеризма этот рисунок стал одним из мгновенно узнаваемых образов, таких как «Витрувианский Человек» Леонардо Да Винчи, «Плавающие Часы» Сальвадора Дали, «Крик» Эдварда Мунка. Я даже видел его исполнение ярко-красной штукатуркой в центре чего-то похожего на алтарь Вуду, выставленного как музейный экспонат. Он часто — довольно ошибочно — интерпретируется как сатанистский образ, и здесь я хочу исправить это недоразумение.

Данный образ символизирует процесс работы с «Астральным Светом», ключевой концепцией Леви. Астральный Свет — это другое имя для невидимой, всепроникающей жидкости или среды на которой могут запечатлеться помыслы и посредством которой явления поддаются влиянию. Для Леви это основание любой магической работы. Для того чтобы работать с Астральным Светом, маг должен находиться в состоянии гармонии с силами и противоположностями,

которые окружают его. Именно этот баланс передан в образе Бафомета. Козел, представляющий плотную земную природу, но имеющий ангельские крылья, представляющие небесную природу. У него женская грудь, но мужской фаллос. Четыре элемента представлены в виде копыт, опирающихся на шар (земля), рыбой чешуи на животе (вода), крыльев (воздух), факела, поднимающегося из головы (огонь). Тьма и свет представлены в виде черного и белого лунного месяца и черного и белого змеев, обвивших кадуцей — как фаллос.

Правая рука указывает вверх, левая вниз, и слова, написанные на руках «SOLVE» и «COAGULA», относящиеся к двум ключевым операциям, необходимы для успешной работы с Астральным Светом. Сначала Свет должен быть постоянен и сконцентрирован (*coagula*), а затем спроецирован как поток энергии (*solve*). Во лбу козла начертана пентаграмма, которая для Леви символизирует владычество воли над Астральным Светом. Чтобы видеть, как скоро рисунок Леви был переистолкован, достаточно взглянуть на пятнадцатую карту в колоде Таро «Дьявол», выпущенную Освальдом Виртом (Oswald Wirth) и опубликованную в 1889 году (рис. 4). Здесь мы видим гротескную карикатуру «Бафомета» Леви, олицетворяющую дьявола. Теперь у него крылья летучей мыши вместо ангельских, и руки, указывающие в неверных направлениях — *coagula* надлежит указывать на землю, а *solve* на небо, как в рисунке Леви. Картинка Вирта явилась предтечей для множества последующих искажений образа, предложенного самим Леви.

Может показаться удивительным тот факт — по крайней мере насколько я знаю — что не возникло ни одного движения или школы, увековечивших идеи Леви. Это может явиться следствием сложности выделить ясное послание из его работ. Рукописи, проистекавшие из-под пера Леви — одухотворенный, но часто беззаботный поток. Едва ли его черновики и распечатки перечитывались или корректировались им самим. Как следствие, его книги часто бессвязны, многословны, плохо структурированы и искажены ошибками. Тем не менее, тот, кто упорствует над ними, находит, что они содержат пленительные идеи, которые должны были оказаться новыми и захватывающими для современников, и которые сегодня продолжают говорить со множеством читателей.

Появление этой редакции дает мне возможность добавить важную библиографическую отсылку. Ко времени первого появления

этой книги она содержала только биографию Леви на английском, но в 1975 году издательство Алабамского университета (*The University of Alabama Press*) опубликовало книгу «Элифас Леви: Мастер Оккультизма» (*Eliphas Levi: Master of Occultism*) под авторством Томаса Вильямса (Thomas A. Williams), превосходное и максимально вовлеченное изучение Леви и его идей. В своем предисловии Вильямс, американский профессор, изучающий романские языки, писал: «Оккультная и эзотерическая мысль стала необходимой частью современного интеллектуального климата. Настало время для каждого из нас выяснить нечто — нечто надежное — по этому поводу... но даже если мы направляемся в сторону самообразования в этой темной сфере, мы сталкиваемся с фундаментальным вопросом: с чего начать? Тропа неясна и лес темен».

Сегодня тропа значительно более ясна, и лес интенсивно исследуется, так как эзотерика все больше и больше воспринимается в качестве законного академического исследования, о чем свидетельствует новое появление этой книги в издательстве *SUNY Press Series in Western Esoterism*. В определенном смысле сегодня эта книга обрела себя, включая академический контекст, недостающий при ее первом появлении. Приятно осознавать, что теперь она снова доступна для соискателей, желающих погрузиться в эру Леви и эзотерических воплощений, которые предшествовали ему и следовали за ним.

БЛАГОДАРНОСТИ

Прежде всего особая благодарность моей бывшей жене Робине (Robina), помогавшей мне с исследованиями для этой книги, чей совет и одобрение были неоценимы. Кроме того, я наиболее признателен Геральду Йорку (Gerald Yorke) за то, что одолжил мне важный документ Леви, за прочтение рукописи книги, ценные комментарии и предложения. Кроме того, я в долгу перед Джофффри Воткинсом (Geoffrey Watkins) который великодушно одолжил мне некоторые редкие рукописи Леви, и Эллику Хову (Ellic Howe) который снабдил меня материалом и дал полезные советы. Мои благодарности так же сотрудникам Института Варбурга (Warburg Institute), Британского музея (British Museum), Национальной библиотеке (Biblioteque Nationale), Библиотеке Арсенал (Biblioteque de L'Arsenale) за их доброе сотрудничество.

Хотел бы так же поблагодарить следующих публицистов за возможность пользоваться цитатами из их книг: Cassell and Co., Honore Champion, Corti, Dorbon, Hamish Hamilton, Jarrolds, Thomas Nelson, Oxford University Press, Plon, Presses Universitaires de France and Rider and Co. Я обязан Британскому музею за использование табличек 1, 2 и 16а и Роберту Шеклону (Robert Shackleton), литературному исполнителю поздней Энид Старки (Enid Starkie) за разрешение цитирования из ее биографии Римбауд (Rimbaud).

ВВЕДЕНИЕ

Оккультные движения и секретные культы всегда играли значительную роль в обществе. Как грунтовые воды они двигались под поверхностью истории, изредка вырываясь наружу, чтобы некоторое время течь при свете дня, в процессе выбрасывая на берег странную и экзотическую рыбу. Эта книга имеет дело с одним из таких прорывов на поверхность и интересной выброшенной рыбой.

Одним из наиболее колоритных из подобных существ был экс-кандидат на священство по имени Альфонс-Луи Констан (Alphonse Louis Constant), привлечший внимание публики в 1850-х под именем Элифас Леви. Именно под этим именем он создал цикл литературных произведений о магии, встретивших небывалый успех и возымевших широкое влияние на умы того столетия. Странно то, что до сих пор в Английском нет ни одной детальной биографии Леви. Единственное полное изучение его жизни осуществлено в произведении «Элифас Леви, реформатор оккультизма во Франции» (*Eliphas Levi, renovateur de L'occultisme en France*), Поля Шакорнака, вышедшего в свет в 1926 г. Конечно из его книги я научился многому по части Леви, но у меня был доступ к определенным документам, которые Шакорнак не упоминает, и я покусился на нечто отсутствующее в его книге, а именно на оценку работы Леви. Единственную другую детальную оценку, известную мне, можно найти в многочисленных предисловиях к переводу произведений Леви, у А. Э. Уэйта (A. E. Waite), высказанных в пренебрежительном тоне, которого, на мой взгляд, Леви не заслуживает. Алистер Кроули осуществил более живое толкование идей Леви, но он ушел в другую крайность, и рассматривал Леви как оккультного гения наивысшего порядка. Я считаю, что пришло время для более взвешенной оценки.

В свете всего этого может возникнуть вопрос, почему в этой книге я не ограничился только Элифасом Леви. Причина в том, что пока я чувствовал необходимость в изучении Леви, я также чувствовал, что

его необходимо поместить в понятный контекст для лучшего понимания, и что обе эти задачи могут быть выполнены в одном объёме. Моим читателям судить, преуспел ли я в этой попытке. Леви, как я уже сказал, необходимо рассматривать в его контексте, так как он был частью оккультного возрождения. Его начало можно отследить в годах, предшествовавших французской революции, а последующее развитие продолжается до первой мировой войны. Есть, конечно, нечто искусственное в разделении континуума истории таким способом, но это единственный путь, которому могут следовать историки, и я верю, что термин «оккультное возрождение» может быть использован и поддаваться толкованию в отношении обсуждаемого периода.

Части земли, освещенные в этой книге, уже достаточно картографированы, но территория никогда не была нанесена на карту во всей полноте. Удивляет то, что французские оккультисты были чрезвычайно влиятельны как в своей стране, так и за границей, и следы этого влияния можно проследить в искусстве, политике и литературе. Они так же внесли свой, очень существенный вклад в оккультную традицию, и он считается заслуживающим безусловного внимания со стороны современных оккультистов. Таро, к примеру, как магическая система, целиком и полностью французское изобретение. Первым, кто представил это оккультное приспособление, был Кур де Жебелен, писавший свои произведения в конце 18 века. Первым же, кто соединил Таро и Каббалу, был Элифас Леви. Книга о Таро, написанная преемником Леви, Папюсом, по сей день является стандартным пособием в данном предмете.

Французское оккультное возрождение интересно так же и с исторической точки зрения. Мы можем задаться вопросом, почему такого рода возрождение началось в скептическом климате Франции 19-го века? Было ли это частично следствием того, что скептик более убеждаем, нежели религиозный человек? Личность, чья сильная вера зиждется на общепринятой религиозной традиции, будет, в некотором смысле, защищена от диковинных верований. Скептик напротив ослабляет свою защиту, отвергая фундаментальную часть своей природы, а именно потребность в религиозной вере; таким образом он становится легкой добычей для самозванного пророка или мессии, предлагающего новый красочный культ.

Это, однако, лишь часть объяснения. Необходимо так же принимать в расчет социальный и политический кризис, во Франции

имевший место во время начала оккультного возрождения — и на самом деле продолжавшийся, время от времени, доходя до точки кипения на протяжении 19-го века. Оккультное возрождение происходило тогда, когда старый порядок трещал по швам. Революция витала в воздухе. Это было время разочарований и неопределенности. Аналогичные условия преобладали и в Риме во времена политической турбулентности, предшествовавшей приходу к власти Юлия Цезаря; и снова, позже, когда Римская Империя рассыпалась на части. Все эти периоды порождали множество экстравагантных культов.

Это изучение может породить обвинения в том, что я слишком долго и упорно барахтаюсь в узком болоте, хотя я думаю, что нахожусь в меньшей опасности встретить эту участь сегодня, нежели десять лет назад. Ко времени написания этой книги предмет оккультных движений начинает приниматься социальными историками с большей серьезностью, и недавно вышло несколько книг, проливающих свет объективного исторического анализа, опирающихся на многочисленные разделы истории оккультизма. Я надеюсь, что данная книга внесет еще больше ясности в изучаемый предмет. Рассказанная мной история красочна и экстраординарна; я так же верю, что она важна.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕК
АБСУРДА

Глава 1

ВОЗРОЖДЕНИЕ МАГИИ

Французская Графиня в своих мемуарах¹ рассказывает о странном персонаже, прибывшем в Париж в 1720-х, и вскоре и при дворе, и в салонах жужжали о его выдающихся деяниях. Говаривали, что он легко изъясняется на любом из европейских языков, равно как на китайском, арабском и санскрите. Он был умелым пианистом и свободно писал маслом, получая блистательные цветовые эффекты, не разглашая свой секрет. Его внешность была поразительной, хотя одет он был просто, за исключением большого количества брильянтов, которые носил на пальцах, пряжках обуви, табакерках и часах.

Его происхождение было окутано тайной, но основное предположение было в том, что он был младшим сыном лишённого привилегий трансильванского принца. Он был известен под разными именами, среди которых и Маркиз де Монферрат, Граф Белламар, Рыцарь Шонинг, Граф Солтыкофф, Граф Цароги. Наиболее же широко известен он был под именем Граф Сен-Жермен. Один инцидент, связанный с мемуарами Графини, дает основание говорить о легенде, окружавшей его персону. На встрече в Париже Сен-Жермен был представлен Графине фон Джоржи, которая пятьдесят лет ранее посещала Венецию, где ее муж числился послом. Припоминая имя Сен-Жермен, она полюбопытствовала, мог ли, его отец посещать Венецию по случаю к тому времени. Ответ Сен-Жермена удивил: нет, но он сам лично посещал Венецию пятьдесят лет назад, и более того оказал почтение Графине.

«Прошу меня простить», — ответила Графиня. — «Но это невозможно; Граф Сен-Жермен, которого я знала в те дни, был лет сорока пяти, а вы, внешне как раз сейчас таковы».

¹ Графиня де В... *Chroniques de l'œil de bœuf*.

«Мадам», — ответил Граф, улыбаясь. — «Я весьма стар».

«Но в таком случае вам должно быть лет за сто».

«Это не невозможно», — ответил Граф и уточнил некоторые подробности, которые убедили Графиню, воскликнувшую:

«Я убеждена. Вы экстраординарный человек, вы дьявол».

«Умоляю Вас!» — громогласно воскликнул Граф. — «Не нужно таких имен!»

«Он казался охваченным судорожной дрожью в каждой конечности, и незамедлительно покинул зал».

Похожие истории о странном Графе возникали по всей Европе. Он, несомненно, находился в Англии во время восстания Якобитов в 1745, был арестован и заключен на какое-то время как шпион. Это следует из письма Хораса Ворпола сиру Хорасу Манну датированного 9 декабря 1745 года:

«На следующий день они задержали странного человека по имени Граф Сен-Жермен, он пробыл здесь последние два года, но не знает, кто он и откуда. Сам он открыто заявляет, что это не его настоящее имя. Он замечательно поёт и играет на скрипке, сумасброд и не совсем благодушен».

Граф Сен-Жермен представляет собой узнаваемый вид полуполюгендарной фигуры, часто мелькающей в истории. Он снискал аналогию в лице Аполлония Тианского, греческого мудреца, целителя и чудотворца первого века от рождения Христова; и в лице Христиана Розенкрейца, оставшейся в тени средневековой фигуры, предположительно положившей начало движению Розенкрейцеров. Как и эти два человека и как множеству других поразительных фигур в истории, Сен-Жермену предстояло путешествие на восток, чтобы пройти цикл посвящений в восточные мистерии. К примеру, при дворе персидского шаха он предположительно собрал чудесные знания о драгоценных камнях, а в Индии — свои познания об Алхимии.

Невозможно сказать точно, сколько историй о Сен-Жермене являются правдой, но само существование такой легенды в этот исторический период имеет большое значение. Может показаться удивительным тот факт, что рациональный 18-й век, и, в частности, ультрарациональная Франция могли одобрять такого рода легенду. Но факт состоит в том, что человеческий разум не терпит недостаток иррациональной веры, равно как природа не терпит пустоты. Таким образом интеллектуалы, взбунтовавшиеся против Христианской

Церкви к середине 18 века, устали от собственного скептицизма и искали новой веры взамен оставленной.

Одним из проявлений такого поиска был явный рост вольного масонства; и важно то, что в масонском движении Сен-Жермен выступал своего рода маяком. Согласно одному из мнений, к примеру, он был одним из французских представителей на великом масонском съезде, имевшем место в Париже в 1785-м. Ему так же приписывают инициацию итальянского оккультиста графа Калиостро посредством храмового ритуала. Хотя считается, что движение вольного масонства существует с глубокой античности, но в своей современной форме оно возникает лишь в 1717 году, когда была организована Первая Великая Ложа в Лондоне. Из Англии масонство быстро распространилось через всю Европу, так же достигнув Северной Америки. Первая французская ложа, «Дружба и Братство», предположительно возникла в Дюнкерке в 1721-м. Но в течение более чем двадцати лет она не признавалась Великой Английской Ложей, покуда не была учреждена ложа в Париже. Это событие вероятно имело место примерно в 1743 году. В 1756 году была основана Великая Ложа Франции. Впоследствии она разделилась на фракции, но затем в 1771-м была воссоединена Великим Герцогом Люксембурга. Годом спустя она была реконструирована в Великий Восток Франции.

Ко времени прогремевшей в 1789 году Революции во Франции насчитывалось от шестисот до семисот лож, насчитывавших примерно 30 000 членов². Одним из лидеров движения выступал герцог Шартрский, в будущем Филипп Эгалите, принявший сторону революционеров, но в конечном счете казненный в 1793 году. В 1773 был возведен в Гранд Мастера, а его сестра, герцогиня Бурбонская, была Великой Госпожой женских лож. Вольное масонство имело множество последователей в провинциальных городах, в особенности в Лионе.

Вследствие своей сплоченности и федерального устройства, масонское движение выглядело как анти-церковь и вначале встретила оппозицию в лице властей, но сказочным образом очень скоро снискала толерантность. Папская булла против вольного масонства

² Adrien Dansette, *Religious History of Modern France* (Адриен Дансетт, Религиозная История Современной Франции).

вышла от папы Клементя 12-го в 1738 году, но не была записана французским парламентом и возымела лишь малый эффект. В 1789 году в двадцати шести ложах преимущественно состояли священники, имелись даже ложи внутри определенных религиозных домов³. Еще не наступил и 19 век как вольное масонство должно было вступить в серьезный конфликт с церковью.

Главный призыв вольного масонства заключался в том факте, что оно провозглашало себя единственным получателем и хранителем древнего и могущественного секрета, унаследованного из античности. Точная природа и происхождение этого секрета, естественно, стала предметом многочисленных диспутов, и когда движение стало разделяться на фракции, при появлении каждого нового ордена стало неизбежностью провозглашение того, что именно он является сосредоточением истинного масонства.

Идея «древней мудрости» не была нова. Она распространялась учеными в эпоху Ренессанса, которые возродили Герметические учения и погрузились в еврейскую Каббалу. Новым в отношении масонства был тот факт, что оно основало широко распространенное эзотерическое движение, которое, несмотря на непримиримые фракции, заключало в себе сильный элемент сплоченности и централизованного руководства.

Большинство ведущих оккультистов 19-го века были членами масонских или полу-масонских общин. Те же, кто не был масоном, неизбежно подвергались косвенному влиянию движения. Таким образом, больше всего странной рыбки в оккультизме 19-го века выскочило из бочонка масонства.

Из этих рыбок наиболее странным был Мартинес де Паскуалли, основатель и самопровозглашённый Великий Владыка масонского ордена, именуемого Орденом Избранных Коэнов. Название ордена восходит к еврейскому слову, обозначающему священника.

Происхождение Паскуалли, как и Сен-Жермена покрыто тайной. Говаривали что он был испанским евреем. Однако достоверно то, что он был католиком, так как существует запись о крещении его сына. Существует свидетельство о том, что он родился в приходе кафедрального собора Гренобля, а его отец был школьным учителем латинского

³ Ibid (Там же)

языка в городе. Последователь Паскуалиса, Жан-Батист Виллермоз, отрицает что в нем текла еврейская кровь.

О его детстве и молодости так же почти ничего не известно, но опять-таки существует избитая легенда о его путешествии на Восток, и овладении скрытой мудростью в Египте, Аравии, Палестине и Китае. Первый известный о нём факт заключается в том, что в 1754 году Паскуалли основал общество, называвшееся «Шотландские Евреи» в городе Монпелье — предположительно название упоминалось в шотландском аппарате вольного масонства. Это общество так и не сдвинулось с мертвой точки, и спустя примерно 6 лет Паскуалли учредил Орден Избранных Коэнов в городе Бордо, который вскоре собрал существенное количество последователей.

Орден практиковал одну из форм церемониальной магии, которую Паскуалли частично заимствовал из католической мессы, и частично — у оккультных писателей эпохи Возрождения, таких как Корнелиус Агриппа. Паскуалли верил, что общался с неземными существами, которые наделили его особыми силами. Он заявлял к примеру, что он был способен исцелить свою жену от болезни посредством магии.

Одним из его приверженцев был Настоятель Форнье (Fournier), духовное лицо Лиона, который изложил свой жизненный опыт общения с Паскуалли в своей книге с довольно громоздким названием *Ce que nous avons été, ce que nous sommes et ce que nous deviendrons* (То, чем мы были, что мы есть, и чем мы становимся). Его первая встреча с хозяином имела место во время проживания агонии религиозного сомнения, описываемой следующими словами:

«Бог ниспослал мне благодать встретить человека, дружелюбно сказавшего мне: «Тебе следует прийти и увидеть нас, мы хорошие люди; ты откроешь книгу, ты бросишь взгляд на первую страницу, затем в середине книги, и затем в ее окончание, читая всего несколько слов и будешь знать обо всем что она содержит».

Странный человек затем указал на прохожих на улице.

«Те люди, — сказал он. — Не знают, почему они ходят, но ты... — он указал на Настоятеля. — Ты узнаешь, почему ты ходишь»».

Форнье (Fournier) был понимаемо ошеломлен этим любопытным человеком и поначалу принял его за чародея, если не за дьявола. Но, очевидно, соблазн сумасбродных обещаний Паскуалли пересилил,

и Форнье снискал принятие в орден. Какими были первые реакции Форнье на церемонии мы не знаем, но из писем и переписки Паскуалиса со своими ближайшими приспешниками мы приблизительно знаем, какую форму принимали эти церемонии.

Перед ритуалом участники должны были голодать 11 часов. Пост был твердо установившейся традицией в магических ритуалах. Согласно Паскуали, пост помогал освободить душу и давал ей возможность общаться с «центром истины». Время проведения церемонии обычно регламентировалось, исходя из положений небесных тел, поскольку Паскуали верил в уникальную модель астрологии.

«Тела Вселенной, — провозглашал он. — Важные органы Вечной Жизни»⁴. Чрезвычайно влиятельной считалась Луна, вследствие ее близости, и Солнце, поскольку жизнь на земле зависит от его света. Поэтому Паскуали для своих наиболее важных ритуалов выбирал равноденствия, так же он считал растущую луну благоприятной. Эти условия потворствовали добрым духам, чья поддержка необходима для магических операций. Практикующий должен любой ценой избежать демонических влияний и злых мыслеформ, населяющих астральную сферу.

Рене Ле Форестье (René Le Forestier) в своей работе «Франкмасонский оккультизм в XVIII веке и орден Избранных Коэнов» (*La Franc-maçonnerie occultiste au xviiiè siècle: & l'ordre des Élus Coens*) собрал по кусочкам пленительную картину ритуалов, практикуемых сектой Паскуали. Простейшим, из этих ритуалов было «ежедневное призывание», для выполнения которого адепту следовало начертить круг на полу, в центре которого располагалась свеча и писалась буква W. Затем адепт становился в круг, держа в руке свечу, чтобы прочитывать свое призывание, начинавшееся словами: «О Кадоз, О Кадоз, кто позволит мне стать таким, каким я был первоначально, когда был искрой божественного творения? Кто позволит мне возвратится в силу и вечную духовную энергию...?»

Однако более важные ритуалы имели вид серии призываний, которые проводились в течение более трех последовательных дней между новой луной и концом первой четверти. Детали ритуала, такие

⁴ Auguste Viatte, *Les Sources occultes du romantisme*, Гл. 2.

как черчения на полу внутри которых действовал адепт, периодически изменялись, поскольку Паскуалли постоянно пересматривал процедуры и представлял новые. Неизменной деталью ритуала, однако, был метод окуривания во время церемонии. Адепт нес маленькую глиняную тарелку с теплыми угольками, на которые он время от времени бросал смесь, содержащую следующие ингредиенты: шафран, ладан, сера, белые и черные семена мака, гвоздика, белая корица, мастика, сандалак, мускатный орех и спора пластинчатого гриба⁵.

Костюм практикующего, вероятно, был также неизменен. Рубашка, штаны и чулки были черного цвета. Поверх них адепт надевал длинное белое одеяние с красными краями, сверху вешалась синяя лента, черная лента, красный пояс и зеленый пояс⁶.

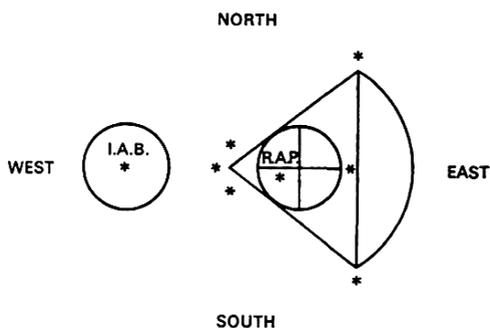
В качестве примера процедуры, выполняемой адептом более трех дней, приведенное ниже описание является схемой метода, запрещенного Паскуалли в 1768 году. Каждое утро адепт начинал свой день с чтения службы Святого Духа, и когда наступал вечер, он уединялся в своей комнате примерно в 10 часов. Там он читал некоторые псалмы и литании из служебника и, совершив это, был готов к начертанию мелом на полу церемониальных символов. На восточной стороне комнаты адепт чертил примерную четверть сектора вершиной на запад, затем проводил линию через сегмент образующую равнобедренный треугольник с двумя радиусами сектора. В этом треугольнике он рисовал небольшой круг, разделенный крестом. Затем на западной стороне комнаты адепт рисовал большой круг, известный как «круг-убежище», который отделен от вершины сектора на две стопы. В этом кругу адепт рисовал заглавные буквы IAB и вдоль западного ответвления креста в маленькой окружности он помещал буквы RAP. На этом изображении завершались (смотри рисунок напротив).

Затем практикующий располагал на начертаниях восемь свечей: три на вершине треугольника, три рядом с буквами RAP, две на каждом окончании дуги сектора, одну в центре основания треугольника, одну в центре круга убежища. Он также писал и некоторые другие мистические имена.

⁵ Op. cit., pp. 75–6. (цитируемое произведение).

⁶ Op. cit., p. 78.

На этом адепт был готов к действию, которому надлежало начаться ровно в полночь. Когда начинали раздаваться 12 ударов, он снимал обувь, убирал свечу из круга-убежища, зажигал ее и располагал за кругом, справа от себя. Затем он ложился в круге лицом вниз, опираясь лбом на свои кулаки. Пробыв в этом положении 6 минут, он вставал и зажигал свечи в секторе. Их он переставлял таким образом, что свеча возле букв RAP и свеча в центре основания треугольника выставлялись напротив центра дуги. Затем внутри сектора адепт преклонял правое колено, а руки располагал на полу таким образом, что кончики указательных пальцев соединялись под прямым углом. Оставаясь в этом положении, он повторял каждое из вписанных в начертания имен, помещая их в следующую ниже формулу, произнося вслух трижды на каждое имя: «*In quali die... invocavero te, velociter exaudi me*»⁷ Затем он просил Бога даровать ему благодать, которую он желал от «чистого сердца, ищущего искреннего покаяния и смирения»⁸.

*Напольное начертание, использовавшееся для совершения одного из ритуалов, практиковавшихся Орденом Избранных Коэнов Мартинеса де Паскуалли.
(звездочками обозначены места, где располагались свечи).*

Взяв тарелку с раскаленными углями, адепт бросал в нее большую щепотку ароматической смеси и шел вокруг сектора. В завершение он садился с тарелкой в круг-убежище и приступал к периоду медитации.

В первую ночь адепту предполагалось покидать круг только между 1:30 и 2:00 часами утра. По окончании он стирал все рисунки,

⁷ В какое бы время я тебя ни призвал, услышь меня скорее.

⁸ Op. cit., p. 79.

начерченные на полу. повторяя призывания для хороших духов и формулировки для изгнания злых. Когда все начертания были стерты, адепт отправлялся в кровать.

Изгнание злых духов и призывание добрых являлось важной частью ритуалов Паскуалли. Другая церемония, называемая «Работа Равноденствия», включала в себя следующее обращение к злым демонам:

«Я заклинаю тебя, Сатана, Вельзевул, Баран, Левиафан (Satan, Beelzebub, Baran, Leviathan): все вы грозные существа, существа беззакония, беспорядка и мерзости, слушайте и трепещите от моего голоса и приказа; каждый из вас, великие и могущественные демоны четырех сторон света и все ваши демонические легионы, вкрадчивые духи смятения, ужаса и преследования, слушайте мой голос и трепещите, когда он раздастся среди вас и во время ваших проклятых деяний; Я повелеваю вам, именем приговорившего вас к вечной смерти». Затем следовало обращение к каждому из четырех главных демонов уже упомянутых начиная с Сатаны. «На тебя, Сатана, я налагаю изгнание, я связываю и ограничиваю тебя в пределах твоей страшной обители, во имя Бога Всевышнего, Вечного Мстителя и Воздавателя...» Затем приходило время для призываний добрых духов. Все это выполнялось внутри начертаний схожих с используемыми для церемонии, описанной выше⁹.

Ни один из этих ритуалов, однако не выполнялся с целью призыва определенных духов. Основная цель была гораздо выше, и заключалась в установлении связи с тем, что Паскуалли называл «Активной и Умной Причиной». «Исходя из этого факта, — говорит Артур Эдвард Уэйт (Arthur Edward Waite). — Школа Мартинеса де Паскуалли располагается полностью вне ограниченных пределов и убогих мотивов церемониальной магии»¹⁰.

От Избранного Коэна требовалась не только компетенция в совершении церемоний. От него так же требовалось следовать определенным правилам поведения. Например, ему было запрещено употреблять кровь, жир или почки любого животного или есть плоть

⁹ Op. cit., p. 81

¹⁰ A.E. Waite, *The Life of Louis Claude de Saint-Martin*. (Уэйт, *Жизнь Луи Клода де Сен-Мартена*)

домашних голубей. Ему не разрешалось, кроме как с умеренностью, потакать чувствам, и воздерживаться от внебрачных связей.

Выбор названия «Избранный Коэн» сообщает об иудейском влиянии на основную доктрину Паскуалли. Паскуалли верил, что иудейская традиция была извращена ее ортодоксальными практикующими, но некоторые «истинные иудеи» сохранили ее в своей чистоте. Он явно верил в то что его орден в некотором смысле помогал восстановить истинный Иудаизм, которым он мог называть Каббалу, так как его теория духов тесно соотносится с каббалистической доктриной. В Каббале числу десять придается огромное значение — например, десять Сфирот, или Сфир, на Древе Жизни. Паскуалли верил в десять категорий духа и полагал, что десять было божественным числом *par excellence* (преимущественно).

Паскуалли продолжал вести свою группу до 1772 года, пока не отплыл на Санта-Доминго, что в Карибском море, с миссией, связанной с некоторой собственностью, которой он там располагал, оставляя Избранных Коэнов в руках своих главных учеников, Бэкона (Bacon) и Виллермоза (Willermoz). Он так и не вернулся, и умер в Порт-о-Пренс в 1774 году. Его орден умер вскоре после этого. Бэкон вступил в другой масонский орден — Великий Восток. Виллермоз некоторое время оставался в Избранных Коэнах в Лионе, позже перейдя в Ложу Строгого Повиновения (Rite of Strict Observance) основанную в 1754 немецким бароном Карлом Хундом (Karl Gotthelf von Hund).

Пока Паскуалли управлял в Бардо, среди его последователей был молодой армейский офицер, дислоцировавшийся в городе, который посвящал свой основной досуг изучению религии и философии. Его звали Луи Клод де Сен-Мартен, и впоследствии он стал известным по своим работам, написанных под именем «Неизвестный Философ».

Сен-Мартен узнавал в Паскуалли мастера, которого искал, и своим чередом был принят в Избранные Коэны. Инициация происходила в период с 3 Августа по 2 Октября 1768. В 1771 году он оставляет военное дело и полностью посвящает себя размышлению и изучению оккультизма.

Ко времени смерти Паскуалли Сен-Мартен жил в Париже и писал свой первый трактат «О заблуждениях и истине» (*Of Errors and Truth*), в котором намеревался учить о принципах, скрытых за всем знанием. Этот труд был началом долгой компании проповедования его собственного, высоко индивидуального сорта мистицизма по всей

Европе. Огромное влияние на его идеи осуществил Якоб Бёме (Jacob Boehme), немецкий мистик семнадцатого века, которого он рассматривал как «величайший свет, появившийся на земле со времен Того, кто сам свет»¹¹. Сен-Мартен верил в идеальное общество, основанное на «естественной и духовной теократии», управляемое избранными Богом людьми, которые бы считали себя «божественными комиссарами», способными вести людей. Он умер в 1803 году, оставаясь строгим католиком всю свою жизнь, несмотря на то что его первый трактат помещен в Список запрещенных церковью книг. Он оставил после себя множество научных и оккультных трудов, продолжавших влиять на мистиков и оккультистов весь девятнадцатый век.

Пока Сен-Мартен писал об «Ошибках и Истине», а Бэкон и Виллермоз шли своими отдельными путями, верный настоятель Форнье пытался связаться со своим преставившимся мастером, Паскуалли. Долгое время его усилия были тщетны, затем в один из дней пришел успех. Он описал это событие в *Ce que nous avons été*:

«Наконец, в определенный день, к десяти часам вечера, я, будучи распростёртым в своей комнате, взывая к Богу о помощи, услышал вдруг голос М. де Паскуалли, моего духовника, умершего плотью более двух лет до этого. Я слышал его отчетливо говорящим за пределами моей комнаты, дверь была закрыта, так же и окна, ставни были заперты. Я обернулся по направлению к голосу, доносившемуся из длинного сада, прилежащего к дому, и вслед затем я узрел М. де Паскуалли своими глазами, который начал говорить, и его сопровождали мой отец и моя мать, оба так же мертвые телом. Одному Богу известно насколько пугающую ночь я пережил!»

Форнье рассказывает, что эти видения его родителей и Паскуалли продолжались много лет.

Другой интересной группой, процветавшей в тот период, были Авиньонские Иллюминаты (*Illuminés d'Avignon*) Антуана-Жозефа Пернети (Antoine-Joseph Pernety). Пернети был колоритным персонажем, чья жизнь намного лучше задокументирована нежели жизнь Паскуалли. Он родился 13 Февраля 1716 года в Роане (Roanne-en-Forez), в довольно бедной семье низко-среднего класса. Первое образование он получил от своего кузена Жака Пернети (Jacques Pernetti),

¹¹ *Переписка. См. Уэйт, Жизнь Луи Клода де Сен-Мартена.*

настоятеля Лиона, с раннего возраста проявляя незаурядные интеллектуальные способности. Как многие подающие надежды молодые люди из низших слоев общества, он был ориентирован на Церковь и в 1732 году стал Бенедиктинцем, вступив в аббатство Сэнт-Алир де Клермонт (Saint-Allire de Clermont). Позднее он был отослан в аббатство Сен-Жермен (Saint-Germain) в Париж для сотрудничества в написании религиозной книги.

В это время алхимия и герметическая традиция были в особой моде, и в 1742 году появилась «История герметической философии» (*L'Histoire de la philosophie hermétique*) написанная настоятелем Николя Ленгле Дю Френуа, которая снискала большую популярность. Пернети наткнулся на книгу в библиотеке в Сен-Жермена и запоем ее прочитал. Восхищение алхимическим символизмом поглотило его, и Пернети погрузил себя в его изучение. Он задумал теорию, что все древние мифы являли собой герметические аллегории. Эта теория изложена в книге, опубликованной в 1758 году и озаглавленной «Мифы Древнего Египта и Древней Греции, приводимые без тайн и по общему принципу с объяснением иероглифов и Троянской войны» (*Les Fables égyptiennes et grecques dévoilées et réduites au même principe, avec une explication des hiéroglyphes et de la guerre de Troie*). Эта и его более поздняя работа «Мифо-герметический словарь» (*Dictionnaire mytho-hermétique*) стали широко читаемы.

Определив жизнь бенедиктинского монаха как слишком ограниченную, Пернети оставляет свое религиозное одеяние и покидает монастырь в 1765 году, хотя тот и после продолжает упоминаться как Дом Пернети. Пернети отправился вначале в Авиньон, который к тому времени был известен как один из главных центров вольного масонства, частично под влиянием множества живших там Якобитских эмигрантов. Первая ложа Авиньона была названа «Saint-Jean d'Avignon» — «Святой Иоанн Авиньонский» и состояла полностью из дворян. В 1749 была сформирована отдельная ложа для буржуазии, а позднее две ложи слились в одну — «Святой Иоанн Иерусалимский» (Saint-Jean de Jerusalem). Впоследствии была сформирована и схизматическая ложа называемая «Последователи Добродетели» (Sectateurs de la Vertu).

Естественно, почти сразу после прибытия в Авиньон Пернети стал вольным масоном. В масонстве он нашел широкие возможности для раскрытия своих герметических интересов, и вскоре он уже распространяет церемонию собственной разработки, известную как

герметическая церемония (*rite hermetique*) или Церемония Пернети (*rite de Pernety*) которая была принята Последователями Добродетели. Инициация состояла из 6 градусов (степеней):

1. Истинные Каменщики (*Vrai Maçon*)
2. Верный путь Истинных Каменщиков (*Vrai Maçon de la Voie Droite*)
3. Рыцарь Золотого ключа (*Chevalier de la Clef d'Or*)
4. Рыцарь Ириса (*Chevalier de L'Iris*)
5. Рыцарь Аргонавтов (*Chevalier des Argonautes*)
6. Рыцарь Золотого руна (*Chevalier de la Toison d'Or*).

Церемония Пернети полностью основывалась на алхимии, посвященным в степень Истинных Каменщиков давалось алхимическое разъяснение масонских символов. Например, три символа горячей звезды, луны и солнца, с их соответствующими надписями, объяснялись следующим образом: слово «Сила», написанное на горячей звезде, означало «черное вещество» или разложение, первую стадию алхимического процесса; слово «Мудрость», написанное на луне, означало «белое вещество» или очищение, вторую стадию; слово «Красота», написанное на солнце, означало конечную стадию, производившую «красное вещество», источник всего хорошего. На других градусах инициации кандидат проводился через ритуалы, основанные на интерпретациях Пернети древних мифов. В последствии он добавил другую ступень, Рыцарь Солнца (*Chevalier du Soleil*), чей ритуал, по словам Пернети, содержал полный курс герметизма и гнозиса.

Авиньон в то время находился все ещё на папской территории, и анти-масонская булла, выпущенная папой Клементом 12-м в 1738 году, была там вполне осуществима. Таким образом масоны находились в постоянной опасности преследования. Определив, что ситуация становилась рискованной, Пернети оставил Авиньон и направился в Берлин, где Фредерик Великий, который был франкофилом и любителем философии, оказывал тёплый прием эмигрирующим французским интеллектуалам. Фредерик сделал Пернети членом Королевской Академии Берлина и назначил на пост куратора королевской библиотеки.

Пернети быстро наладил контакт с оккультистами в Берлине, и вскоре стал главой небольшой группы выдающихся людей, собиравшихся вместе для обсуждения вопросов герметизма и поиска

философского камня. Он верил, что в его поисках он ведом ангелом, называемым Ассадай (Assadai), который не был допущен вернуться в высшие сферы до тех пор, пока Пернети не откроет секрет Великой Работы. Группа так же была на связи с существом, называемым Святое Слово (Holy Word), которое сообщило Пернети, что тот предназначен для Великой Работы и что он стал бы «ребенком Саваофа». Сущность так же сказала, что общество будет сформировано как ядро для новых людей Бога, и что он и его друзья были избраны быть центром этого общества. Новые кандидаты допускались через церемонию известную как посвящение, которая должна была проходить на холме близ Берлина, и должна была продолжаться каждое утро в течение 9 дней. От кандидатов требовалось воздвигнуть алтарь из дерна и сжигать ладан клянясь посвятить себя на служение Богу. Многие члены группы прошли через эту церемонию.

Пернети оставил Берлин в 1783, и после дальнейших странствий вновь был направлен Святым Словом в Авиньон. По своему возвращению он подружился с Маркизом де Вокроз, который поместил Пернети в маленьком доме в своем имении в Бедарриде (Bédarides), в нескольких милях от Авиньона. Этот дом находился на территории одного из трех феодальных поместий архиепископства Авиньон, которое хотя и было частью папской территории, но по странной аномалии не находилось под юрисдикцией папы. Пернети таким образом мог продолжать свою активность без страха преследования. Дом, который он назвал Фабор (Thabor), был местом рождения группы, о которой предсказывало Святое Слово в Берлине. Новое братство, называвшееся Авиньонское общество (Illuminés d'Avignon), вскоре расцвело сотней членов, каждый из которых был масоном. Среди них доктор Буже, гранд-мастер ложи Ложа Святого Иоанна Шотландского Общественного Договора (Saint-Jean d'Ecosse a la vertu persecute), Маркиз де Том, который позднее основал устав Сведенборга, и Дух Калверта, профессор физиологии и анатомии на медицинском факультете Авиньона. В отличие от раннего устава Пернети, Illuminés состояли только из двух рангов, *novice* (новичок, *адент*) и *Illuminé moyen* (освященный путь), лидер группы был известен как *Mag* (Mage). Дом был оснащён храмом, где продолжалась Великая Работа. Вид алхимических действий, которые там происходили, можно проследить по рукописи подписанной доктором Буже, устанавливавшим процедуру приготовления философского эликсира. Эта рукопись, сохранившаяся до сих

пор, цитируется Жаном Брико (Joanny Bricaud) в своем выдающемся изучении Пернети, *Les Illuminés d'Avignon*. Вот ее отрывок:

«Возьми десять частей философской ртути, помести ее в колбу с длинным горлом [стеклянный сосуд с круглым или овальным телом и длинным горлышком] или яйцо философа, вместе с одной частью золота, разбитого на листья; золото растворится в каплю. Герметично запечатай сосуд и подвергни первой степени нагревания. В течение нескольких дней оно приобретет черный цвет, чернее черноты Благословенного Раймонда Луллия (Raymond Lully), являющейся головой ворона, о которой философы ведут разговоры. Но после того как эта чернота продлится 40 дней, колба начинает понемногу приобретать цвет шлаков, о которых мудрецы говорили нам — не презирать ни в коем случае, потому что они являются истоками наших сокровищ. Итак, день за днем вещество начинает обращаться в идеальный белый, по причине которого нам говорится: отбеливай мальву; но чтобы сделать это, необходимо повысить теплоту на одну степень. После того как чернота продлилась 40 дней, вторая степень теплоты должна продолжаться около трех месяцев, как было и с первой степенью, что составляет 6 месяцев в общем для первых двух степеней. Вещество не остается только лишь белым, но приобретает больше цветов всех видов, и по сей причине философы говорят о наблюдении прохождения хвоста павлина, после чего начинается применение третьей степени теплоты. Это продолжается месяц и еще полмесяца, и затем вещество приобретает цвет лимона, откуда приходит поговорка наших мастеров что мы должны желтить павлина третьей степенью теплоты; в конечном итоге четвертая и последняя степень теплоты должна подаваться и продолжаться сорок дней чтобы заставить вещество обратиться в красный цвет, составляя в итоге девять месяцев для превосходства данной работы».

Группе Пернети не досаждали до Революции, когда началось преследование иллюминистских сект. Пернети был арестован в 1793 году. Впоследствии он был освобожден и вернулся к жизни в Авиньоне, где и умер в 1796, до последнего видимый Святым Словом. После его смерти группа *Illuminés d'Avignon* постепенно

уменьшалась, и к 1800 году сократилась до 50 членов. Вскоре после этого группа, по-видимому умерла, естественной смертью. Один пережиток влияния Пернети, однако, сохранился в масонстве. Наивысшая степень его исходного устава, которым Пернети пользовался до поездки в Берлин, а именно степень *Chevalier du Soleil* делилась на две степени и составляла 27 и 28 степени Древнего и Принятого Шотландского Устава (Ancient and Accepted Scottish Rite). Работы Пернети продолжали читаться еще долгое время после его смерти.

Группа Пернети была только одной из множества распространенных масонских и оккультных орденов, которые росли по всей Франции во второй половине 18 века. Существовал, к примеру, устав Филалетов (Rite of the Philaethes), основанный Савалеттом де Ланж (Savalette de Langes), хранителем королевской сокровищницы, в 1775 году. Этот устав объединил доктрины Паскуалли и Сведенборга. Так же, как и устав Пернети, это объединение носило на себе оттенок алхимических доктрин. Устав имел 12 степеней, и девятая из которых называлась «Неизвестный Философ»; это не было отсылкой на Сен-Мартена, но было именем духа, знакомого священнодеятелям ритуалов Паскуалли. Вполне возможно, что именно этот устав был первоначальным вдохновением для Сен-Мартена.

Также существовало так называемое Египетское масонство Сицилийского Калиостро, чья странная жизнь была предметом более чем одной биографии. Он заявлял, что посещая египетские пирамиды прошел полную инициацию в «мистерии истинного Великого Востока» и был способен творить серебро и золото, возвращать молодость, давать физическую красоту и вызывать духов мертвых. Он так же заявлял, что прожил 2000 лет. Во Франции Калиостро обрел идеальную для самоутверждения окружающую среду и наслаждался собственными успехом в многочисленных салонах.

Египетский устав Калиостро, будучи отвергнутым в Англии, был с энтузиазмом принят во Франции, и вскоре он провозгласил себя Верховным Жрецом Храма Исиды в Ру де ла Сондьер (Rue de la Sondiere) в Париже. В 1785 он, по-видимому, опираясь на египетские источники, признал, что женщина может быть допущена к мистериям пирамид, и в свое время Мадам де Ламбаль (Madame de Lamballe) и другие леди из высших слоев французского общества были допущены на празднование весеннего равноденствия среди восточной роскоши храма Исиды. Позднее Калиостро отбыл в Рим где был арестован инквизицией и умер в тюрьме.

Особым мистиком, так же оказавшим влияние на французский оккультизм, был швед Эммануил Сведенборг (Emanuel Swedenborg). Он изливал свои странные доктрины в *Arcana Coelestis (Тайны Небесные)*, *The Apocalypse Revealed (Разъяснения Апокалипсиса)*, *Four Preliminary Doctrines (Четыре предварительные доктрины)* и в *The True Christian Religion (Истинная христианская религия)*. Он считал, что поскольку человек по существу — дух, то он способен общаться с водимыми духами и ангелами, при условии, что Бог дарует ему необходимую восприимчивость. Сведенборг заявлял, что сам-то он имел удовольствие обладать этой привилегией. Он не только общался со многими видами духов, но также и был водим ими на другие планеты, об обитателях которых он дал детальные описания. Паскуалли набирал своих первых адептов в то самое время, когда писания Сведенборга, имели широкое влияние во Франции.

Другими иностранцем, повлиявшим на французский оккультизм, был австриец Франц Антон Месмер (Franz Anton Mesmer) (1734—1815), пионер гипнотизма. Месмер получил медицинскую степень в университете Вены, а свою докторскую диссертацию озаглавил *de Planetarum Influxu in Corpore Humano (О Влиянии Планет на Человеческое Тело)*. В последней он обосновывал существование тонкой, пронизывающей все тела жидкости, проявляющей себя в движении планет, приливно-отливных и атмосферных изменениях. Когда отлив и прилив этой жидкости внутри человеческого тела не гармонировал со вселенским ритмом, случались нервные или умственные расстройства.

Вскоре после защиты Месмер стал применять свою теорию для лечения своих пациентов, пытаясь управлять потоком этой жидкости в больном человеке, прикладывая магниты к телу и направляя жидкость с помощью жезла. Вскоре он получил несколько блестящих излечений, наиболее известным из которых было исцеление девочки, ослепшей в результате нервного расстройства. Несмотря на его славу и успех, медицинский факультет Венского Университета отказался признавать его работу, тем не менее ему был оказан более теплый прием в Баварии, и он был принят в Академию Наук Мюнхена.

В 1778 Месмер решил, что ему необходима смена обстановки, и отправился в Париж, вооруженный рекомендательным письмом от австрийского канцлера Кауница (Kaunitz) к послу страны в Париже графу Мерси-Аржанто (Merci-Argentau). Граф представил его высшему обществу Франции, и вскоре он стал также известен в Париже, как

и в Вене. Спустя некоторое время его роскошный дом на Вендомской площади (Place Vendôme) уже был полон людей, ищущих исцеления посредством того что он называл «животным магнетизмом».

Позднее Месмер купил дом в Кретейле (Cretail), в нескольких милях от Парижа и продолжил свою терапию там. Частью приспособления для исцеления была дубовая бочка, пронизанная некоторым числом отверстий с торчащими из них железными прутами. Пациенты рассаживались вокруг бочки в затемненной комнате, их руки соединялись, а колени и ступни соприкасались для обеспечения циркуляции магнетической жидкости. В то же самое время каждый пациент касался стальным прутком той части тела, которая была поражена болезнью. Это действие сопровождалось соответствующей музыкой, иногда в исполнении самого Месмера, который был превосходным исполнителем на стеклянной гармонике, любопытном инструменте, состоящем из стеклянных колб разного размера, обеспечивающих различные тоны звукоряда. Время от времени Месмер проходил по кругу, проникновенно глядя в каждого пациента, говоря низким голосом и взмахивая своим жезлом над их телами. Он носил одеяние из сиреневого шелка, обшитое кружевом. Отличительной чертой его терапии было намеренно вызвать в пациенте «кризис», после которого расстройство предположительно исчезало.

Через своего французского последователя, Чазльза Деслона (Charles d'Eslon), Месмер был представлен главным медикам Франции, в надежде на обретение в Париже признания, ускользнувшее от него в Вене. В качестве обоснования своих теорий он написал «Мемуары об открытии животного магнетизма» (*Mémoire sur la découverte du magnétisme animal*). Но Парижский медицинский факультет, подобно Венскому, отверг его теории. Завязалось долгое противостояние, в процессе которого Деслон обнаружил себя вне закона за поддержку Месмера. В конечном итоге, в основном через влияние Марии Антуанетты, была назначена Королевская Комиссия из Французской Академии Наук в составе которой были выдающиеся ученые того времени, включая Лавуазье, Бенджамин Франклина и пользовавшегося дурной славой Доктора Гильотена. Позднее вторая комиссия из Королевского Медицинского Общества также исследовала дело Месмера. Обе признали животный магнетизм фальшивкой. Вскоре после этого Месмер покинул Париж; после дальнейших странствий он остановился в Швейцарии где продолжал распространять свои теории до самой своей смерти.

Рис. 2

Изображение карт Таро из 8 тома Кура Жебелена *Monde primitive* (опубликованного в 1781): верхняя левая, Жонглер; верхняя правая Дурак; нижняя левая Император; правая нижняя Императрица

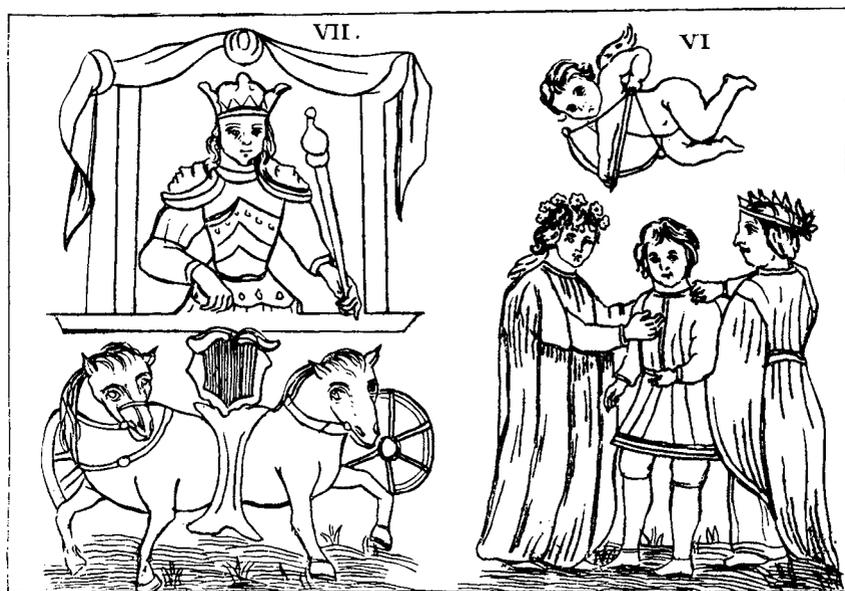

Рис. 3

Таро Кура Жебелена (продолженные): верхняя левая Верховная Жрица; верхний правый Верховный Жрец; нижний левый Колесница; правый нижний Любовники.

Выдержка из Мемоіре Месмера гласит:

«Животный магнетизм — это всеобъемлюще распространенная жидкость; это среда взаимного влияния небесных тел, Земли, и одушевлённых тел; она везде сплошная, так что не остается пустоты; ее тонкость не идет в сравнение ни с чем; она способна к принятию, распространению и сообщению всех выражений движения; она поддается приливу и отливу. Тело животного испытывает влияние этого вещества; посредством проникновения в вещество нервов эта жидкость мгновенно влияет на них ... Действие и сила животного магнетизма может сообщаться от одного тела другому, живому и неживому ... Это улучшает действие медикаментов; Это возбуждает и направляет целительные кризисы таким образом, что врач может представлять себя хозяином над ними ... В лице животного магнетизма природа предоставила человеку универсальный метод излечения и предохранения всего человечества от гибели».

Это на самом деле был материал, способный расшевелить воображение оккультистов; позднее мы находим писателей, таких как Элифас Леви, с энтузиазмом ссылающихся в своих работах на животный магнетизм.

Глава 2

ОККУЛЬТИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Среди членов ордена Паскуалли, Ордена Избранных Коэнов присутствовал некий Жак Казот (Jaques Cazotte), поэт и автор причудливого романа названного *Le Diable amoueux* (*Влюбленный дьявол*). Казот очевидно так же был провидцем удивительной силы. В 1788 году он присутствовал в Париже на ужине, данном Герцогиней де Грамон (Duchesse de Gramont) на котором изрек пророчество о Революции¹². Его пророчество было почти дословно записано другим гостем, Жаном де Лагарпом (Jean de la Harpe), фанатичным атеистом и скептиком, который вознамерился воспроизвести свою запись позднее и указать на ложность предсказания. Но предсказание сбылось, и записи Лагарпа впоследствии использовались как раз для обратной цели.

Ближе к концу ужина один из множества выдающихся гостей, Гийом Мальзерб (Guillaume de Malesherbes), министр и доверенное лицо Людовика XVI, произнес тост «*to the day when reason will be triumphant in the affairs of men — a day which I shall never live to see*» (за тот день, когда разум восторжествует в делах людей — за день, который мне не доведется увидеть).

Казот на тост не ответил; вместо этого он встал и произнес: «Сударь вы ошибаетесь. Вы доживете до того, чтобы увидеть этот день. Он наступит в течение шести лет». Он продолжил и сказал, что Революция не за горами, и она затронет жизнь каждого в комнате.

Гости зашумели, пытаясь узнать, как надлежало сложиться их судьбам, и Казот повернулся сперва к Маркизу де Кондорсе, которому он сказал, что тот умрет на каменном полу тюремной камеры,

¹² Мое мнение на этот счет взято из *Истории Исполненного Пророчества*, под авторством Джастин Гласс.

приняв яд чтобы избежать палача. Кондорсе возразил что такого рода пророчество имеет мало общего с господством разума, на что Казот ответил, что это происходило бы, тем не менее, под так называемым господством разума; в то время, он добавил, только храмы во Франции будут преданы разуму.

Другой гость, Шамфор (Chamfort), фаворит Короля, высказался что Казот, не будет квалифицирован как один из жрецов тех храмов, Казот ответил ему: «Вы будете им... Вы порежете ваши вены лезвием двадцать два раза, но все еще не умрете — вы умрете лишь спустя несколько месяцев».

Одинаково скверная судьба ожидала и другого гостя, Доктора Вик-д'Азира (Dr. Vicq d'Azir), которому было сказано: «Вы не вскрыете своих вен самостоятельно. По вашей собственной просьбе некто вскрыет их для вас, шесть раз за один день, и вы скончаетесь в течение ночи».

Обернувшись к Жану Байи (Jean Bailly), выдающемуся астроному, Казот уведомил его что, несмотря на его добрые деяния и высокую ученость, он умрет на эшафоте в руках толпы. Похожая судьба ожидала Николая ММ, Руше (Roucher) и Малешерба (Malesherbes). Затем Казот скорбно сказал Герцогине де Грамон, что она тоже будет казнена, наряду с множеством других великих леди. Более того, единственной жертва, которой позволят позвать духовника перед смертью, будет сам Король.

Когда Лагарп саркастично спросил, что же припасено для него, Казот ответил, что он не умрет как остальные, но станет Христианином. Что касается самого Казота, он не дал бы точного прогноза своей судьбе, но только лишь повторил историю человека, который во время осады Иерусалима, ходил вокруг осадных валов семь успешных дней, выкрикивая: «Горе Иерусалиму! Горе Иерусалиму!» В последний момент его последнего обхода, увесистый камень от залпа Римской катапульты ударил и убил его.

В течение шести лет все предсказания Казота исполнились до последней буквы. Маркиз де Кондорсе отравил себя в тюремной камере. Шамфор, под угрозой ареста, попытался покончить с собой вскрыв вены, но он не умер до тех пор, пока не сказался результат плохой медицинской обработки его порезов. Доктор Вик-д'Азир умер так, как и предсказывалось. Байи, Руше, Мальшерб и Николай ММ. были гильотинированы, так же, как и Герцогиня де Грамон и другие

присутствовавшие на вечере леди. Жан де Лагарп стал ревностным католиком и ушел в монастырь. Сам Казот был арестован по обвинению в попытке помочь королю бежать и гильотинирован в 1792 году. Его предсказания о храмах разума были так же верны, о чем будет сказано в следующей главе.

Лагарп прожил до 1803 года, и после его смерти среди бумаг была найдена запись пророчества. Он уже привел данные пророчества многим своим друзьям, и баронесса Оберкирх (Baroness d'Oberkirch) упоминает в своих записях, что слышала об этом в 1789 году. Таким образом нет ни одной возможности полагать, что запись была сфабрикована.

Элифас Леви, в своей книге «Учение и ритуал высшей магии» (*Doctrine et ritual de la haute magie*) говорит о пророческом вечере: «Каждый присутствующий, за исключением Лагарпа, был посвященным, кто разгласил или по крайней мере, профанировал мистерии. Казот, наиболее возвышенный из всех по ступеням инициации, произнес смертный приговор во имя иллюминатства, и этот приговор был исполнен по-разному, но строго».

Казот так же присутствовал на другом удивительном пророчестве, касавшемся Революции, когда Калиостро на масонском собрании в Париже продемонстрировал технику предсказания посредством нумерологии. После изучения числа имени Людовика 16-го и многих его титулов, Калиостро предупредил короля остерегаться смерти на эшафоте к 39-му году его жизни. Подобное изучение имени Марии Антуанетты показало и её смерть на эшафоте. Калиостро продолжил предсказывать что Принцесса де Ламбаль избежит гильотины, но будет убита бандитами на Рю де Баллет (Rue des Balles) — удивительно детальное предсказание, которое сбылось, как и остальные. Казот встал и спросил Калиостро, каким будет имя преемника Бурбонов, на что Калиостро ответил, что пророчество несет сам вопрос; числовой итог его букв показывает, что имя преемника будет Наполеон Бонапарт и что он закончит жизнь «измеря шагами окружность острова уныния» (*passing the circle of a melancholy island*)¹³.

Никто не допустил бы из этих сообщений, что члены масонского общества, такие как Калиостро и Казот (а последний определенно

¹³ Джастин Гласс, *История Исполненного Пророчества*.

принадлежал какому-то масонскому ордену), ожидали Революции с каким-либо удовольствием. Но тайные общества имели тенденцию обвиняться во всех недугах мира, и те, кто позднее искал, на кого бы возложить вину за революцию, нашли в масонских ложах и других тайных группах идеальную мишень для своих обвинений.

Иммигрировавший священник по имени аббат Баррюэль (Abbe Barruel), который укрылся в Англии от опустошений Французской Революции, был первым, кто предложил теорию о том, что революция была результатом тайного заговора со стороны некоторого числа зловещих оккультных группировок. Он доказывал свое дело в увесистой четырехтомной работе, озаглавленной «Мемуары, Иллюстрирующие Историю Якобинства» (*Memoirs Illustrating the History of Jacobinism*). Они были опубликованы в английском переводе в 1797 году и снискали сочувствующих читателей среди английских противников революции. Аббат начинает свой трактат таким образом:

«В ранний период Французской Революции появилась секта, называющая себя Якобинцами, и учившая что *все люди равны и свободны!* Во имя своего равенства и дезорганизующей свободы они растоптали и алтарь, и трон; они побуждали все нации к восстанию, и метили в конце концов погрузить их в ужасы анархии...

Откуда уродились эти люди, которые словно возникли из недр земли, кто отправляется в бытие со своими планами и проектами, со своими догматами и резкими суждениями, с их средствами и дикими намерениями; откуда, послушайте, эта пожирающая секта? Откуда этот рой знатоков, эти системы, эта неистовая ярость против алтаря и трона, против каждой организации, светской ли то или религиозной, так глубоко уважаемых нашими предками?»

В долгой и кропотливой аргументации, которая следует далее Баррюэль, описывает заговор, по его мнению, берущий начало из утонченной антихристианской пропаганды Вольтера и от составителей Энциклопедии, которую он называет «нечестивым справочником», в качестве кульминации он приводит факты о смерти короля и подавлении церкви.

Настолько пылок язык аббата, столь убедителен его тон, и настолько кропотлив в деталях его трактат, что читатель почти убеждается

в правдивости его утверждений, несмотря на тот факт, что его почти фанатичная ненависть к революционерам очевидно стимулировала его воображение до высокого уровня фантазии. Тем не менее, как мы видим, в том, что он говорит, присутствует зерно правды. Кроме того, его книга дает некоторую интересную информацию о масонстве, главным образом в предшествовавший революции период.

«В течение последних 20 лет, — пишет он. — Было сложно, в особенности в Париже, встретить человека, который не принадлежал бы к масонскому обществу». Он рассказывает, как и его самого приглашали стать масоном, но он всегда отказывался. Его друзья, однако, настаивали, и однажды вечером события дошли до критической точки:

«Я был приглашен на ужин в доме друга, и был единственным непосвященным среди большой группы масонов. Ужин был окончен и слугам приказано удалиться, было предложено сформировать из присутствовавших ложу и инициировать меня. Я упорствовал в отказе, в частности отказался дать клятву хранить секрет, сама цель которой была не известна мне. Они освободили меня от клятвы, но я все равно отказался. Они стали более настойчивы, говоря, что масонство совершенно невинно и что его мораль бесспорна: в ответ я спросил, лучше ли она чем у Евангелия. Но они лишь сформировали из себя ложу, а затем начали свои гримасы и ребяческие церемонии, которые описаны в книгах о масонстве, таких как Жакин и Боаз (Jachin and Boaz)¹⁴. Я попытался совершить побег, но тщетно».

Понимая, что выбора нет, аббат решил подчиниться, но лишь при условии, что от него не потребуют совершать что-либо против чести и совести.

«Наконец Преподобный с особой важностью поставил следующий вопрос: „Брат, расположен ли ты выполнять все приказы Гранд Мастера, хотя и должен был бы получить противоположные приказы от короля, императора или любого

¹⁴ Два символических столба Храма Соломона.

другого правителя без разницы?» Мой ответ был „нет“. — „Что, нет, — ответил Преподобный с удивлением. — Не для того ли только что ты вступил в нашу среду, чтобы предавать наши секреты! Будешь ли ты колебаться между интересами Масонства и профанов? Тогда ты не осведомлен о том, что наш меч не будет нашим мечом, если не готов перерезать глотку предателя“.

Аббат упорствовал в своем отказе. Преподобный разозлился. В конце концов аббат сорвал повязку, которой были завязаны его глаза и прокричал „Нет!“ с большой горячностью.

Тотчас вся ложа хлопнула в ладоши в знак одобрения и Преподобный похвалил меня за мою твердость. „Такие люди как раз по нам, люди решимости и отваги!“ — „Что?“ — сказал я. — Люди решимости! Вы сами, господа, не все ответили положительно на этот вопрос: и если вы сказали это, то как тогда вы можете убеждать меня в том, что в ваших мистериях не содержится ничего против чести и совести?»

Тон, который я позволил себе, поверг ложу в замешательство. Братия окружила меня, говоря, что я принял все смысл слишком серьезно и буквально: что они никогда не намеревались вовлекаться во что-либо, противоречащее долгу каждого истинного Француза, и что несмотря на все сопротивление, я все равно должен быть допущен. Преподобный вскоре восстановил порядок несколькими ударами своего деревянного молотка. Затем он уведомил меня, что я прошел ступень *Мастера*, добавив, что если секрет и не был передан мне, то только потому, что для такого случая необходима более официальная ложа, проводимая с обычными церемониями. Между тем он дал мне знаки и пароли для третьей степени как он сделал и с другими двумя.

Для меня было достаточным быть допущенным в официальную Ложу, и теперь мы все были братством. Что касается меня, я за один вечер был продвинут разом в ступени *ученика (apprentice)*, *собрата-ремесленника (fellow-craft)*, и *мастера*, не мечтав об этом еще утром».

В качестве послесловия к этому эпизоду аббат добавляет: «Справедливости ради вынужден заявить, что, за исключением

Достопочтенного, который обратился в ярого якобинца, все присутствующие проявили себя верными подданными во время Революции».

Баррюэль утверждал, что основная цель французского масонства заключалась в том, чтобы свергнуть основы установившегося общества — цель, недвусмысленно содержащаяся в их сокровенном секрете. Он описывает собрание, на котором ученика удостоивали секрета. После того как ученик принял присягу, «Мастер сказал ему следующие слова, которые, как читатель может легко почувствовать, не ушли из моей памяти, так как я ожидал их с таким нетерпением: „Мой дорогой брат, секрет Масонства состоит в этих словах: РАВЕНСТВО И СВОБОДА (EQUALITY AND LIBERTY); все люди равны и свободны, все люди братья“. В другом утверждении он объясняет, что: «На более высоких уровнях двойной принцип свободы и равенства однозначно объясняется *войной против Христа и его Алтарей, войной против Королей и их Тронов!!!*» Баррюэль, впрочем, допускает что Якобинская интерпретация принципа неизвестна Английским масонам, которых он заботливо защищает от своих обвинений.

Не смотря на фантазии и преувеличения Баррюэля, он отмечает некоторые интересные факты. В своем первом томе, например, он обсуждает то, что называет «Секретной Академией» (Secret Academy), группу под председательством Вольтера, членство в среде которой имели такие подрывные персонажи как Д'Аламбер, Дидро и Гельвеций. Согласно Баррюэлю, это была опасная группа, посвятившая себя распространению пропаганды против религии, морали и правительства. Он цитирует письмо Вольтера Гельвецию, датированное 20 апреля 1761 года, в котором имеет место отрывок: «Пусть философы объединятся в братство, подобно Вольным Каменщикам, пусть соберутся и поддерживают друг друга; пусть будут преданны союзу». Это интересное замечание, так как показывает, что масоны были своего рода примером для тех, кто желал объединиться, чтобы преобразовать общество.

Для того, чтобы выяснить, насколько правдивы заявления Баррюэля, необходимо исследовать все положения масонства в годы перед революцией. Если рассмотреть это движение ближе, то мы увидим, что оно занимало уникальную позицию в структуре общества; так как в масонстве повсеместно пропагандировались идеалы демократии и самодержавия.

Как я уже отмечал, Великий Восток Франции был окончательно установлен в 1772 году; и исследование его устройства было важным для понимания природы масонства. Устройство общества предусматривало то, что каждая ложа избирала Преподобного, чтобы вести ее. Ложи представлялись в Великом Востоке их преподобными или избранными их членами-заместителями. Эти представители образовывали своего рода главный законодательный совет, который, в свою очередь, наделялся повседневной исполнительной властью в меньшей группе, возглавляемой Гранд Мастером и состоящей главным образом из старших офицеров.

Циркуляр, изданный Великим Востоком 18 марта 1775 года, выражал идеалы учреждения следующим заявлением: «Великий Восток есть не что иное, как тело, составленное объединением свободных представителей всех лож: это сами ложи и все масоны, принадлежащие им, которые через своих представителей дают законы, соблюдение которых они обеспечивают с одной стороны и которым повинуются с другой. Никто не подчиняется закону, не возложенному на самого себя. Это наиболее справедливая, наиболее естественная и, следовательно, наиболее превосходная из форм правления».

Несмотря на это утверждение, в конституции Великого Востока существовал и сильный монархический элемент. Гранд Мастер был бессменен, как и его заместитель, Управляющий Генерал (Administrator General). Гастон Мартин (Gaston Martin) в своём великолепном исследовании Масонства и Революции¹⁵, говорит: «Собрание больше походило на монарший совет, нежели на Палату Депутатов. Сходство обнаруживалось и далее: соответственно четырем традиционным советам, окружавшим соверена, и тут было четыре палаты: ложа совета; ложа Парижа; палата провинции; и палата управления».

Тем не менее, масонские ложи подразумевали среду, где представители разных социальных слоев могли бы общаться на более или менее равных условиях — удивительное новшество, учитывая железобетонную строгость социального деления во Франции того времени. Несмотря на то, что ранние ложи ограничивались только дворянством, такая ситуация не сохранилась, и буржуазия стала так же допускаться на собрания в полной мере. Но рабочий класс оставался исключенным

¹⁵ Gaston Martin, *La Franc-Maçonnerie Française et la préparation de la révolution*, 1926.

из масонства по следующей причине: доктрина держалась на том что «свободный каменщик» был свободным человеком, а те, кто в своем существовании зависел от других — не свободны. Во многих ложах преобладали представители одной профессии. К примеру, в Ренне, ложа *Parfaite Union* (Идеальный Союз) состояла в основном из представителей правовых профессий, тогда как ложа *Parfaite Amitié* состояла по большей части из купечества.

Выдающейся особенностью движения в это время был высокий интеллектуальный уровень его участников и их восприимчивость к новым идеям. Как говорит Мартин, «Масонство безусловно представляло собой интеллектуальную и моральную элиту нации». Принадлежность к братству стала ассоциироваться с определённым престижем, и представители буржуазии, стремящиеся продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство, мчались вступить туда. Совсем не удивительно то, что вскоре движение раскинуло повсеместно огромную сеть влияния, достигавшую каждого среза французского общества. Ложы были и в армии, и как я отмечал выше, даже несколько в религиозных домах. Мы находим много важных имен в списке членов Великого Востока, среди которых были Вольтер, Бэйли, Дантон и Гельвеций.

В 1779 году, через год после своего основания, Великий Восток насчитывал 104 ложи: 23 в Париже, 71 в провинциях и 10 в армии. К 1789 году его сила выросла до 629 лож в совокупности. Этот скорый рост объяснялся отчасти проникновением в масонство членов сторонних организаций, которые желали править Великим Востоком и обратить его могущественное влияние на достижение собственных целей. Цели инфильтратов делились сами по себе на три категории: околומистические, религиозные и политические.

Околумистическое влияние происходило из идей таких людей как Калиостро, Месмер, Сведенборг и Сен-Мартен, чьи учения я обсуждал в предыдущей главе. Религиозная инфильтрация шла главным образом со стороны Иезуитов, имевших довольно хитрый план. Поскольку движение охватывало как католиков, так и протестантов, иезуиты надеялись привлечь большое число протестантов в масонство, и затем постепенно сориентировать движения обратно в сторону католицизма, таким образом вовлекая заблудших протестантов обратно в загон. Политические влияния исходили в большей степени от немецких революционеров, таких как Вейсгаупт

и Бод (Bode), которые хотели обратить все масонское движение в инструмент политических реформ.

События достигли наивысшей точки на великом масонском конгрессе в Вильгельмсбаде (Wilhelmsbad) в 1782 году. Тут рационалистические революционеры, возглавляемые Бодом (Bode) были окончательно побеждены умеренными, что вызвало разделение в движении, при котором фракция Бода присоединилась к баварским иллюминатам Вейсгаупта. Но проигрыш политической фракции не означал, что сердцевина масонства пресеклась какое-либо политическое значение. Факт того, что ортодоксальное масонство во Франции, как было представлено Великим Востоком, отказалось от каких-либо крайних политических целей, сделало возможным, в конце концов, обретение большого политического резонанса.

Влияние масонства на революцию не осуществлялось через тайное заговорничество в том виде, как это рассматривал Аббат Баррюэль. Тем не менее, масонство вносило важный вклад в «мощении» дороги, ведущей к революции. Одной из его наиболее важных функций было выступление в качестве полигона для философских идеалов. В масонском движении оные были трансформированы из абстрактной спекуляции в практическое русло. Вот как Мартин это подытоживает:

«В этой трансформации философских принципов в политические правила роль масонства носила характер первостепенной важности. Эта важность может быть проиллюстрирована следующим сравнением: относительно доктрин о свободе и равенстве масонство сыграло ту же роль, что и парламентская комиссия относительно предложенного законопроекта. Располагая лишь набором абстрактных теорий масонство извлекло их политические возможности и вымостило дорогу для их реализации».

В 1789 году Король решил созвать Генеральные штаты — решение, в котором свою роль могло сыграть и масонство, учитывая их количество в свите Короля. В продолжение Генеральных выборов масоны воспользовались возможностью продвинуть свои схемы для реформ. Они делали это не напрямую, а через так называемые *cahiers de doléances* (списки обид), которые были вывешены в каждом избирательном участке для передачи законодательному собранию. Скорость, с которой появились эти *cahiers*, и убедительность с которой они были написаны, показывает то, что масонство долгое время готовилось к такой возможности распространить свои идеи свободы и равенства.

Когда Генеральные штаты были созданы, влияние масонства продолжилось. Среди избранных было множество масонов, и в Третьем Сословии они преобладали. Однако по мере того, как революция набирала обороты, силы начали выстраиваться так, что даже масоны были бессильны сдерживать надвигающуюся Революцию. Ужасный террор, который достиг своего пика с казнью Короля, был не совместим с цивилизованным кредо большинства масонов.

Скептицизм, который изначально дал рождение масонству, теперь начал обретать более резкие формы. Католическая церковь систематически притеснялась, и повсеместно в открытом виде стали произрастать множество странных вероучений. Это как раз то, на что нам сейчас следует обратить свое внимание.

Глава 3

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КУЛЬТЫ

Новый социальный порядок требовал и новой веры. Но вера, как язык — весьма сложный конструкт, для того чтобы быть искусственно выстроенной, и неудивительно, что некоторые культы вытеснялись друг другом, быстро сменяясь в ранние постреволюционные годы. Одной из первых попыток установления новой веры было революционное вероучение, основанное Мари-Жозефом Шенье, в котором Христос заменялся Конституцией как источником всякой доброты и объектом поклонения. Фимиам сжигался в честь человеческого общества на алтаре отчизны. Литургия представляла собой смесь из обрывков, заимствованных из других религий.

По началу богослужение принимало форму угловатого и довольно неуклюжего смешения католических обрядов с вышеназванными новообрядами культа конституции. Для примера, 14 июля, в день, называвшийся «Праздником Федерации», на Марсовом поле имела место странная церемония, на которой Талейран, Епископ Отана, справлял литургию на Алтаре Отчизны. 400 священников, окружавших его, были опоясаны триколорами поверх их одеяний. Лафайет, командующий Национальной Гвардии, осуществлял кульминацию церемонии, произнося клятву верности нации, закону и Королю¹⁶.

В 1792 году Законодательное Собрание постановило, что алтарь Отчизны надлежит устанавливать в каждом городе. Гравировкой на каждом алтаре должна была быть Декларация Прав Человека вкуче с надписью: «Гражданин рождается живет и умирает для Отчизны»¹⁷. После свержения монархии в 1792, церемонии новой веры стали все более многочисленными и серьезными.

¹⁶ Адриен Дансетт, *Религиозная История Современной Франции*.

¹⁷ Там же

По следам этих религиозных верований возникло несколько других культов. Существовало, например, богослужение Разума, возникшее осенью 1793 года, которое Казот предсказал в 1788 году на пророческом ужине. Пример церемоний этого культа описывается в книге Эдриана Дансетта (Adrien Dansette) «Религиозная История Современной Франции»:

«Камень был положен на месте Нотр-Дам, и на нем возведен круглый храм, посвященный „философии“. Утром 10 ноября, в присутствии членов Коммуны, процессия, состоящая из девочек, маршировала вверх и вниз по сторонам камня, салютуя, так как они прошли Пламя Истины, горевшее на середине их пути. Артистка из Оперы, одетая в белое платье и лазурный плащ с красной шляпой, выходила из храма и усаживала себя на трон, выстеленный травой. Она была Разум и девочки пели ей гимн. Затем с богиней, которую несли на плечах четверо граждан, участники и зрители отправлялись на Собрание ... Подобные церемонии имели место ... по всей стране где множество церквей были переделаны в храмы Разума».

Эти экстраординарные выходки отображают интересный и важный феномен. Во человеческом поведении одновременно присутствует рациональный и иррациональный элемент, и ни один из них нельзя полностью подавить. В одних обществах эти элементы уживаются в большей гармонии, чем в других. Во Франции восемнадцатого века они конфликтовали как партнеры вынужденного брака — неразделимы и не совместимы. Религиозные мироощущения настолько глубоко укоренились во французском характере что проектировщики нового порядка обнаружили свою неспособность выражать свои утверждения каких-либо идей в границах религиозных форм. Отсюда парадокс Разума, разряженного в красное, белое и синее, и богослужения ему, как богине. Этот парадокс отображает чисто французскую любовь превращать что угодно в представление.

В марте 1794 Анаксагор Шометт, главный распространитель поклонения Разуму, был казнен, и его культ вскоре исчез. Затем последовала попытка вернуть некоторую форму деистической религии, в которой главной движущей силой выступал Робеспьер. Он отстаивал

систему, основанную на весьма общих религиозных и моральных принципах, которая скоро обрела форму в Культe Высшего Существа. Символ «Храм Разума», который висел на церквях был заменен другим, который провозглашал: «Французские люди признают культ Высшего Существа и бессмертия души».

Эта религия, подобно предшествующим, должна была иметь свои праздники: первый из них проводился 8 Июня 1794. Робеспьер и участники Собрания начинали празднования в амфитеатре позади дворца Тюильри. Робеспьер говорил речь, где восхвалял высшее существо, которое «поместило раскаяние и страх в сердце торжествующим угнетателям и гордость в сердца невинных жертв угнетения». После того как участниками Оперы был спет гимн, Робеспьер спускался со ступеней трибуны, неся факел в руке, и поджигал группу чудовищ, олицетворявших Атеизм, Эгоизм и Ничтожество. Когда они поглощались пламенем, на их месте восставала статуя Мудрости, отчасти почерневшая от дыма.

После этого представления все участники Собрания следовали на Марсово Поле, где их ожидало другое, не менее впечатляющее представление. На вершине символической горы, на столбике стоял человек с серебряной трубой; подавая гудки трубой, он направлял хор мужчин и женщин, певших серии гимнов соответственных событию. Толпа выкрикивала: «Долго живи, Республика!». В аккомпанемент этим выкрикам гремели орудия¹⁸.

Но и эта новая религия долго не просуществовала. Робеспьер был казнен 27 Июля 1794 года, пал жертвой террора, который он сам же и помог создать. Культ Высшего Существа канул в лету, хотя его пережитки остались — и остаются до сих пор — в форме революционных праздников.

После кончины Робеспьера последовали пять лет, во время которых воцарилась религиозная анархия. Одним из культов, возникших в этот период, были так называемые Теофилантропы. Начался культ с того, что в 1796 году торговец книгами по имени Ж. Б. Шемин-Дюпонтес (J.B. Chemin-Dupontes) опубликовал работу, написанную им самим и озаглавленную *Manuel des théophilantrophiles* (название было позднее изменено на более

¹⁸ Там же.

благозвучное théophilantropes), где автор излагал постулаты ещё одной новой религии взамен Католицизма, который он рассматривал как враждебный для свободного правительства. Шемин пытался додумать несомненные базовые религиозные догматы, с которыми бы согласился каждый. Внимание последователей акцентировалось на устранении облика секретности или эксклюзивности культа. В религии не должно было быть обрядов, священников, ничего из того, что могло оскорбить чувства какой-либо секты. Одна из публикаций *Théophilantropes* (теофилантропов) заявляет, что их догмы: «те на которых согласованы все секты ... их моральность, та в которой никогда не бывало легчайшего несогласия ... Даже название, которое они дали своему обществу, выражает двойную цель всех сект — побудить людей поклоняться богу и любить своих ближних»¹⁹.

Специально для секты было сочинено несколько гимнов. Они представляют собой «вытяжку из всех моральностей, древних и современных, в чистом виде, лишённую любых максим или экстремумов во вседозволенность или строгость, и не противопоставленную принципам Теофилантропов»²⁰. Ниже приведена первая строфа одного из таких гимнов:

O, Dieu, dont L'Universe public
Et les bontes et la grandeur;
Toi, qui nous accordas la vie,
Reçois L'encens de notre cœur.
Laisse a tes pieds dormir la foudre
Dont tes bras peut reduire en poudre
L'ingrat qui brise ton autel.
De nos chants les Cieux retentissent;
Sur des Enfants qui te benissent,
Abaisse un regard peternel,
Abaisse un regard peternel²¹.

¹⁹ *Recueil des cantiques, odes et hymnes, pour les fêtes publiques, religieuses et morales des Théophilantropes* (Paris, 1797).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

(перевод:
О, Господь, создавший Вселенную,
Добрый и величаший,
Тот, кто даровал нам жизнь,
Тот, кому мы воскуряем ладан в сердцах ежечасно
Тот, кто ходит на острие молнии
Чьи руки могут стереть в порошок
Неблагодарного, ломающего твой алтарь,
Наши песни звучат на небесах
В устах детей, благословляющих тебя,
Обрати же на нас свой взор!)

Фундаментальные заповеди культа излагаются в написанном Шемином-Дюпонтесом *Code religieux et moral des Théophilantropes* (*Религиозном и моральном кодексе Теофилантропов*). Шемин подтверждает, что: «Теофилантропы верят в существование Бога и в бессмертие души». В другом отрывке он наставляет своих последователей: «любите Бога, нежно любите своих братьев, становитесь полезными для своей страны». Религиозный Кодекс воспроизводит так же несколько выдержек из работ множества авторов разных религиозных убеждений. Вот, например, отрывок, взятый у Конфуция: «Пагубно находить удовольствие в гордыне и суетности, в праздной и распутной жизни, в пированиях и наслаждениях».

Есть так же цитаты относительно общественных и семейных обязанностей, взятые из книги безымянного «древнего мудреца Индии». Отрывок об общественных обязанностях начинается так: «Твоя пища, твоя одежда, твой домашний скраб, твоя безопасность, твои утешения, твои наслаждения — за них ты обязан существованию всего остального, и ты не можешь иметь это всенигде, кроме общества».

Хотя заявления Теофилантропов могут показаться избитыми и наивными, исторически же культ имел огромное значение. Хотя бы в самой попытке найти общее между всеми сектами и религиями, попытке которая заручается поддержкой загадочных восточных мудрецов — одним словом, точь-в-точь один из видов религиозной эклектики которую некоторые ассоциируют с Теософией и подобием явления позднего девятнадцатого века. Сформировавшись в 1875 году, Теософское общество не создало прецедент, а только последовало

тому, который уже был установлен семьдесятю пятью годами ранее Теофилянтрапами.

Различие между двумя движениями в три четверти века, однако, имеет первостепенное значение. В то время как к 1875 году Европа и Америка созрели для нового религиозного синкретизма, в 1796 году же только малая горстка людей была свободна от грубых крайностей религиозного догматизма и революционного атеизма. Более того, материальные и политические проблемы для большинства людей имели большее значение, нежели духовные. Любители религиозного, которым надлежало стать основной опорой Теософии, были сравнительно редкими птицами в 1790-х. Тем не менее, таковых было достаточно чтобы предоставить Теофилянтрапам значительное последование на какое-то время. Первая служба была проведена в 1797, множество видных интеллектуалов и политиков присоединилось к движению; вскоре последователи Шемина стали достаточно уверенными в себе, чтобы учредить журнал, *L'Echo des Théophilantropes*. Но их успех был мимолетным. В религии начал господствовать крайне левый элемент, и правительство отказалось от их поддержки. К тому времени новизна износилась; публика стала безразличной, и культ Теофилянтропов вскоре последовал по пути своих предшественников.

В 1799 власть захватил Наполеон Бонапарт и начал восстановление ортодоксального Католицизма. Период религиозной анархии подходил к концу. Однако за кулисами рост оккультных движений продолжался.

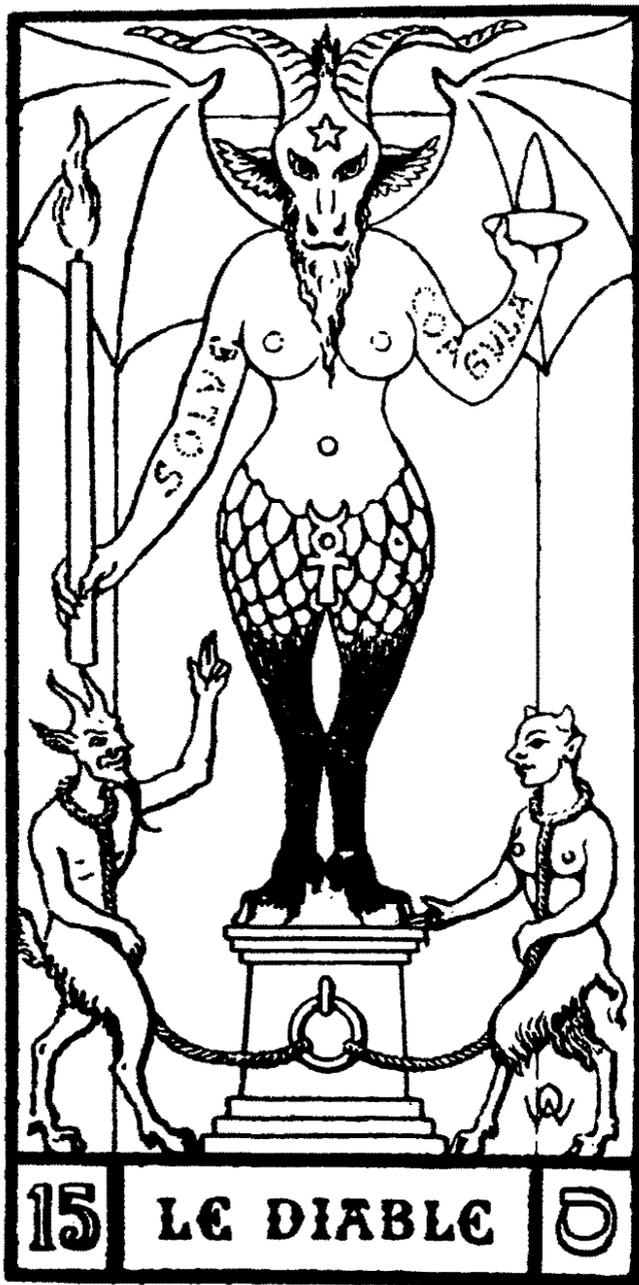

Рис. 4

Дьявол, из колоды Таро созданной Освальдом Виртом (Oswald Wirth) во второй половине 19 века.

Глава 4

ИСТОКИ ПОПУЛЯРНОГО ОККУЛЬТИЗМА

Среди знаменитостей, обретших чудесное исцеление от Месмера, присутствовал эксцентричный протестант, теолог из Лангедока по имени Кур де Жебелён, который довел себя до плохого физического состояния сорока годами бессонных ночей и постоянными переработками. Когда он предстал к осмотру во врачебных кабинетах Месмера, у него была сильно опухшая нога и «желтое как айва» лицо. Он записал свое излечение в письме секретарю академии города Дижон, датированном 28 мая 1783 года. На второй или третий день после сеанса с магнетизером он пишет «не осталось боли и жажды. Вскоре мои ноги, холодные как лед на протяжении 25 лет, стали влажными и теплыми; мозоли исчезли. Кожа омолодилась; я почувствовал себя пятнадцатилетним... Таким был эффект животного магнетизма в моем случае; и я чрезвычайно благодарен ему».

Но ноги Кура де Жебелена не так важны для этого исследования, как влияние, которое оказало написанное им на определенные тенденции в оккультизме. В 1772 году он выпустил проспект монументальной работы, которую намеревался написать, озаглавленный *Le Monde Primitif* (*Примитивный Мир*) — предприятие, заставившее энциклопедиста Д'Аламбера отметить что работа такого объёма потребует по меньшей мере сорок человек чтобы закончить ее. Тем не менее, первый том появился в 1773 году, а за ним и быстро последовали остальные тома. Книга возымела огромный успех и была представлена Королю. Известным стал и сам Кур де Жебелеен.

Последующие ученые высмеяли поверхностную эрудицию *Le Monde Primitif*, и она вероятно была бы предана полному забвению если бы не отрывки касательно Таро в ней. В томе 8 автор пишет о колоде следующее:

«Если бы сказали, что все последние 3757 лет существовала и до сих пор существует работа древних Египтян, одна

из книг, избежавшая пламени, которое уничтожило их великие библиотеки, и которая содержит их чистейшие доктрины касательно определенных интересных объектов, каждый, без сомнения, пожелает узнать, что это за ценная и необыкновенная книга. Если бы еще к сказанному добавили и то, что эта книга распространена по большей части Европы; что многие века она была доступна каждому, тогда удивление было бы еще большим. Но был бы ли интерес настолько высок, как если бы заявили еще и то, что никто никогда не подозревал, что эта книга египетская; что ей обладают так, словно она не имеет ценности, что никто никогда не стремился расшифровать хотя бы одну страницу; что яблоко познания рассматривается как всего лишь набор вычурных картинок, не несущих в себе никакого значения? Тем не менее этот факт истинен, эта Египетская книга... существует и сегодня».

Маленькое чудо состоит в том, что эти сумасбродные заявления привлекли внимание, особенно когда Кур де Жебелен включил в свою работу интерпретацию карт. Последующая карьера этого автора так же интересна, хотя бы даже потому, что в 1776 он стал франкмасоном, а позднее и Президентом парижской ложи...

Была одна личность, для которой идеи Кура де Жебелена о Таро должны были привести к важным последствиям. Это был человек по имени Альетт (Alliette), которому надлежало стать другим главным пропагандистом колоды Таро. Этот Альетт в некотором роде является весьма загадочной фигурой. Он, как представляется, начал свою карьеру при довольно скромных обстоятельствах, живя в Париже и давая уроки математики. Видимо, это было недостаточно прибыльное занятие, и он решил найти лучший источник дохода, предсказывая судьбы с помощью карт. Занимаясь этим, он взял себе творческий псевдоним — анаграмму собственного имени. Альетт — Эттейла.

Понимая то, что его образование недостаточно для будущего оккультиста, он приступил к самообразованию, и ценой начитанности преуспел в приобретении достаточно впечатляющего внешнего вида учености. Он объявил себя философским каббалистом, практикующим астрологию, алхимию, хиромантию и гадание на картах (cartonomancy) «картономантию». Последнее слово является его собственным изобретением, вместе со словом «ономантия» (onomancy)

что означает гадание по именам. Для описания своей собственной системы толкования судеб по картам он использовал предпочтительно слово «картономантия».

В 1753 оду Эттейла опубликовал *l'Abrege de la cartonomancie*. Издание, должно быть, встретило продолжительный успех, поскольку переиздавалось последующие 20 лет. Эттейла также опубликовал и целый ряд других работ на тему разных форм толкования судьбы, большей частью с помощью карт.

Появление *Le Monde Primitif* и интерес к Таро, который она пробудила, явило собой возможность, за которую Эттейла быстро ухватился. Он рукоплескал открытиям Кура де Жебелена и добавил несколько своих собственных заявлений, которые вели даже еще дальше. Он заявлял, что колода Таро была составлена в 171 году после потопа, что семнадцать волхвов сотрудничали четыре года чтобы создать её, и что сам Гермес Трисмегист задумал план книги, которая поэтому называлась Книга Тота. Она была написана, по его словам, на золотых листах, в храме, находившемся в трех лигах от Мемфиса.

Эттейла заявлял о том, что знал о происхождении Таро еще до Кура де Жебелена, но вполне вероятно, что его идеи о предмете полностью основывались на *Le Monde Primitif*. Об этом говорит экспертиза его записей до и после выхода книги Кура де Жебелена. Выпущенная в Амстердаме в 1770 году *Etteilla ou maniere de se récréer*, представляет собой всего лишь руководство по предсказанию при помощи простых игральных карт, без всякого упоминания о Таро. А вот его работы по Таро такие как *Dictionnaire synonymique du livre de Thot* были написаны после выхода *Le Monde Primitif*.

По нраву Эттейлла описывается как человек величественный и сдержанный. Он был человеком нескольких слов и создавалось впечатление что он боится открыть слишком многое своим слушателям²². Возможно, это производило желанное впечатление на его клиентов, так как его известность быстро распространялась, и он занимался просчитыванием и анализом гороскопов, производством талисманов на заказ. Его клиенты, без сомнения, рвались воспользоваться услугами того, кто носил мантию Графа Сен-Жермена, так как Эттейлла заявлял о себе, что был учеником этого прославленного волхва. В одной

²² J.-B. Millet-St.-Pierre, *Recherches sur le dernier sorcier (Etteilla)*, (1859).

из своих книг *Les sept nuances de l'œuvre philosophique-hermétique*, он писал, что был «в течение 20 лет учеником Графа Сен-Жермена, истинного каббалиста». Он так же заявлял, что ему доверили образование племянницы Сен-Жермена. Когда газеты сообщили о смерти Графа, Эттейлла публично заявил, что новости лгут, его Мастера увидят снова в Париже в 1787 или 1788.

Список тарифов Эттейллы дает представление о диапазоне услуг, которые он предлагал и о получаемом им предполагаемом доходе от своей активности. Ниже представлена выдержка из его расценок.

За ответы на вопросы по высшим наукам 3 ливра

За уроки практической магии 3 ливра

Расчет гороскопа 50 ливров

Чтение карт 24 ливра

Разрешить определенные вопросы без предшествующей работы 6 ливров

Назвать имя вашего гения, его природу, его качества, его влияний человеческой жизни, его стихию, область его защиты и т.д. 12 ливров

Толкование сна 6 ливров

За создание талисмана 8—10 луидоров, в зависимости от требуемых свойств и сложности изготовления

За роль личного «духовного доктора» и «вечного предсказателя» 30 ливров в месяц

Эттейлла также получал доход за публичный курс «картономантии», который состоял из 6 уроков по 3 ливра за каждый. В 1788 году он организовал Общество свободных истолкователей книги Тота (*Societe litteraire des associes libres des interpretes du livre de Thot*), которое продолжало свою деятельность и после его смерти 12 декабря 1791.

Важность фигуры Эттейллы заключается в том факте, что он был первым французским оккультистом, который популяризировал одну из форм Каббалы. До настоящего времени каббалистические идеи были заповедной территорией, где обитали лишь ученые и посвященные эзотерических орденов. Эттейлла сделал определенные каббалистические идеи такими же доступными для оккультно-ориентированной публики, как и его простые формы гадания и картономантии. К примеру, он использовал каббалистическую доктрину, известную

как Шемхамфораш, согласно которой существует 72 ангела на страже мира, соответственно 72-м именам Бога.

У Эттейллы был ряд учеников, один из которых, человек по имени Хуганд, опубликовал в 1791 году работу по картономантии под именем Йелалель (Jelalel). В некрологе, вышедшем после смерти Эттейллы он написал: «Среди великих людей, освещавших этот восемнадцатый век был наш мастер... его больше нет, мои братья... Эттейллы больше нет! ... Потомки! Вам судить, заслуживает или нет, Эттейлла почестей французского пантеона».

Но вполне вероятно, что больше людей запомнило Эттейллу благодаря сатирической песни, сочинённой о нем при жизни, озаглавленной *Etteilla ou le Devin du Siècle* (*Эттейлла или Предсказатель Века*), содержащей следующие строки:

Mais pour s'instruire, on va
On va
Chez le fameux Etteilla

(Перевод:
Но учиться
Никто не собирается
У знаменитого Эттейлы)

Пока ученики Эттейллы несли популярную Каббалу в девятнадцатый век, на более ученом уровне Фабр д'Оливе (1767—1825) распространял другой вид Древнееврейского оккультизма. Он прибыл в Париж в 1780 году и, следуя желаниям своих родителей, занялся торговлей шелком, но вскоре возгорелся желанием меньше погружаться в обыденность, стал посвящать себя письму и сочинению музыки. Он хотел предпринять колоссальную работу, которая бы синтезировала все факты, накопленные человечеством. В погоне за этой задачей он в одиночку учился в течение двадцати лет, зарабатывая себе на жизнь работой второстепенным работником в одном из министерств. Д'Оливе зачитывался древнегреческими и латинскими авторами, а затем обратил свои взоры на Египтологию. В 1811 он утверждал, что вылечил глухонемому методом, обнаруженным при расшифровке текста из храма Фараона.

Первые плоды его исследований были опубликованы в Пояснениях к Золотым стихам Пифагора (*Les vers dorés de Pythagore*

expliqués), которая вышла в 1813 году. Его следующая работа должна была стать еще более амбициозной. Он решил, что ключ к древней мудрости древнего Египта лежит в книге Бытия, которая, как он заявлял, в настоящее время представляла собой чепуху из-за плохого перевода. Для того что бы вновь открыть для себя истинный Иврит он изучил «Самаритянский, Халдейский, Сирийский, Арабский, Греческий и Китайский»²³. По прошествии трех лет работы он верил не только в то, что нашел истинный Иврит, но и реконструировал грамматику, которая была применима для большинства известных родных языков. Он утверждал, что Иврит имеет три разных понимания, или уровня, соответственных телу, духу и душе.

В своей книге «Иврит восстановлен» (*La langue hébraïque restitué*) (1816) он перевел первые десять глав Бытия только в духовном ключе, заявляя, что не хотел профанировать мистерии высшего порядка. Он добавил подробные примечания к каждому слову, доказывая его значение посредством собственного анализа его корней. Эта книга имела честь быть внесенной в каталог властями в Риме. Двумя другими его главными работами были «Философская история человечества» (*L'Histoire philosophique du genre humain*) (1822) и «Каин» (*Cain*) (1823).

И Фабр д'Оливе, и Эттейлла разными путями помогли пробудить интерес к оккультизму, и вскоре семена нового движения стали давать побеги. В 1823 году в городе Амьен, автор, писавший под именем Ленен (Lenain) опубликовал книгу «Каббалистическая наука или искусство узнавать добрых духов» (*La science cabalistique ou l'art de connaître les bons genies*). В предисловии Ленен заявил о своем намерении объяснить скрытые истины оккультной науки в ясной и вразумительной манере, подразумевая, что он ощущал общественную потребность в менее эзотерическом изложении мистерий. Его трактат начинается с объяснения Тетраграмматона, четырех букв, образующих священное имя бога — обычно транслитерируемое как JHVH. А продолжается он работой с 22 буквами древнееврейского алфавита, их разнообразными качествами и соотношениями. В последующей главе он обсуждает 72 атрибута Бога и 72 ангела Шемхамфораш.

²³ Papus, *Les disciples de la science occulte, Fabre d'Olivet et Saint-Yves d'Alveydre* (1888).

Путь, которым он пришел к числу 72 требует объяснений, так как он отличается от принятого более поздними каббалистами, такими как Элифас Леви. Без сомнения, существует множество путей прийти к этому числу, которые превосходно согласуются с каббалистической ортодоксией. Метод Ленена состоит в том, чтобы писать тетраграмматон таким образом:

י J
יה JH
יה JHV
יהוה JHVH

Эти четыре строки дают соответственно следующие числовые значения: 10, 15, 21, 26 которые в сумме дают 72. Ленен развивает эту позицию, давая имена 72-м гениям, каждому из которых дана соответствующая страна земли и имя Бога. Он так же трактует планеты и их традиционные соотношения, как например с драгоценными камнями. Судя по сноскам Ленена, он очень сильно опирается на Корнелиуса Агриппу; он так же признает «Энхеридион» Папы Льва, один из хорошо известных гримуаров.

Другим автором, воспользовавшимся возрождающимся интересом к оккультизму был Эзеб де Сальверт (Eusèbe Salverte), автор «Оккультной науки или эссе о магии, грехе и чудесах» (*Des sciences occultes ou essai sur la magie, les prodiges et les miracles*), вышедшей в Париже в 1829 году. Это был двухтомный исторический анализ магии, инициации и смежных дисциплин. Это детальная и довольно научная работа, написанная с явно беспристрастной точки зрения. Как и работы Фабра д'Оливе и Ленена, она помогала питать растущую общественную потребность в литературе об оккультных вещах.

Глава 5

МАГНЕТИЗЕРЫ И МЕДИУМЫ

Животный магнетизм, который несколько ослабел в бурные годы революции и войн Наполеона, пробудился в 1815 году. В этот год Маркизом де Пиюсегюром (Marquis de Puységur) было основано Общество гармонии (Societe de l'Harmonie), организованное для распространения взглядов Месмера. Пиюсегюр был старшим из трех братьев, каждый из которых практиковал магнетизм. Начинал он в Бюзанси, где привлек настолько обширную клиентуру, что пришел к целесообразности намагничивания старого вяза, к которому он привязывал своих клиентов веревкой. Опоздавшие были вынуждены становиться на стулья и держаться за нижние ветви. Очевидно, он мог бы обслуживать 300 человек за раз с помощью такого метода, который не вызывал конвульсий, как те что испытывали некоторые пациенты Месмера. Хорошим образчиком его клиентов был двадцатитрехлетний крестьянин по имени Виктор, который, будучи намагниченным, мог читать мысли Пиюсегюра. Таким образом магнетизер был способен направлять речь Виктора, останавливать на полуслове и менять ход его мыслей²⁴.

Одним из коллег Пиюсегюра был Аббат Фариа, известный как «Брамин». Его отец был индусом, а мать была родом из Португалии. Фариа отделился от остальных магнетизеров, так как не считал, что воля субъекта играет важную роль в процессе. На его сессиях субъект садился на стул, и Фариа выкрикивал повелительным тоном «Спи!», после чего субъект, слегка сотрясшись, проваливался в состояние, называемое «люцидным сном». После этого магнетизер был способен совершать сильные внушения субъекту. К примеру, он мог придать воде вкус молока, а дешевое вино походило на шампанское²⁵.

²⁴ А. Touroude, *L'Hypnotisme* (1889).

²⁵ Там же.

Какое-то время Фариа имел большое число последователей, но был осмеян в прессе и в конечном итоге обрел дурную славу.

Несмотря на то что практикующие магнетизм часто высмеивались ортодоксальными докторами, он продолжал оставаться предметом дебатов в научном мире, и в феврале 1826 года Медицинская Академия решила учредить постоянную комиссию из девяти членов для составления доклада на поднимаемую тему. Конечный доклад, который был зачитан в июне 1831, был благосклонен к магнетизму, ясновидению и предвидению. Скептики от этого пришли в бешенство и в Академии поднялся шум. В конечном итоге был достигнут любопытный компромисс: бумага была подписана, но не напечатана; затем она была оставлена без обсуждения и не упоминалась в течение десяти лет.

Вторая комиссия состоялась в августе 1837, был обещан приз в 3000 франков любому, кто смог бы читать без помощи глаз. Факт того, что никто не был способен на это, привел к тому, что Академия решает не иметь ничего общего с животным магнетизмом в будущем. «Перенос чувств», как объявила Академия, «не существует в магнетизме; таким образом нечего искать научного или определенного в этом виде психологического экспериментирования».

У магнетизма были свои враги не только в научном сообществе, но также и в Церкви и много полемики против него поднималось в книгах, проспектах и статьях, написанных священнослужителями. Примером такой полемики была книга «Анти-животный магнетизм» (*L'Anti-magnetism animal*) под авторством Тиссота (P. H. Tissot) вышедшая в 1841 году. «По правде говоря, — заявляет автор. — Все магнетизеры без исключения являются жертвами обмана злых духов». В другом отрывке он говорит: «Общество магнетизеров состоит из атеистов, деистов, скептиков, распутников, плутов и глупцов; все теории, которые они изобрели или задумали чтобы объяснить феномен магнетизма, противоречивы и безосновательны». Журнал Апостолик (*L'Apostolique*) за май 1829 года цитирует с одобрением слова Тиссота: «Что такое животный магнетизм? Это операция, при которой один вызывает у другого одержимость демоном».

Но оппозиция ученых и священнослужителей ничего не смогла сделать, чтобы предотвратить распространение магнетизма. Единственное, что она вызвала, это повышение фанатизма его приверженцев. К 1840 году движение достигло широкого размаха и в основном развивалось под руководством Барона Дю Поте (Baron

Dupotet), имевшего свой салон неподалеку от Королевского Дворца.

Месмеризм является одним из культов, обсуждаемых в книге Эрлана Мистическая Франция (La France Mystique), вышедшей в 1854 году. Эта работа выполнена с большим пристрастием для того, чтобы разоблачить обман всех мистических и оккультных групп, но автор все-таки потрудился произвести исследование «в полевых условиях» и оценки, которые он дает, часто — откровения. Его описание посещения Дю Поте представляет собой весьма интересное чтение. Представ в салоне, который окнами выходил на сады Королевского Дворца, он был препровожден в простенько обставленную комнату со стульями и лавками, образующими амфитеатр. Выше трона, на котором сидел тот, кто совершает действие, находился гипсовый бюст Месмера, коронованный лавровым венцом.

После короткой ознакомительной лекции Дю Поте пригласил участников для магнетизации. В конечном счете возникла троица как будто чрезвычайно подходящих субъектов: юноша, чьи руки под воздействием магнетизма стали чрезмерно холодны; девочка с судорогами челюсти; и наконец «маленькая женщина, облаченная в черное, лет 25-и, которая продемонстрировала во всей красе феномен ясновидения и подчинения магнетизеру. Последняя из этих трех выдала то, что показалось Эрлану не самым эффективным театральным исполнением.

В одно мгновение она уснула. Улыбающаяся и бледная, с закрытыми глазами, она поднялась и вышла в центр комнаты, следуя движениям, выполняемым жрецом с намагниченным жезлом... Ей задавались вопросы, она отвечала пресными фразами, которые любой может услышать на постановках такого рода. Рядом с ней располагалась маленькая девочка с конвульсией челюсти, на приближение к которой намагниченная женщина сначала надула губы.

„Что случилось мадам?“ — мягко спросил магнетизер.

„У нее плохое сердце. Ее рука жжет мое плечо“.

Магнетизер улыбнулся:

„Ах! Она жжет ваше плечо?“

Субъект, с улыбкой маленькой девочке:

„Да, как видите! Всё черно“.

(Самодовольное собрание сильно оживляется от этой подробности; их убежденность усиливается).

Магнетизер выполняет несколько пассов над маленькой девочкой и затем спрашивает:

„Мерзкое и черное ли сердце у нее теперь?“

„О нет! Теперь оно совсем как сердце моей маленькой Бланш“.

И лицо магнетизера просияло.

И мысль о Бланш вызвала слезы на глазах у всех матерей...»

Эрдан завершает этот доклад несколькими едкими замечаниями по поводу некомпетентности женщины как актрисы.

Другой культ, рассматриваемый Эрданом — это спиритуализм, завезенный из Америки и ставший популярным во Франции в 1850-х. Автор *La France mystique* описывает свой визит в секту спиритуалистов, называвших себя *frappeurs* зимой 1853 года, к которым его пригласила Мадам Эрикура (M-me. D'Hericourt).

Леди отвела его в район Бреда (Breda district), где они пересекли «унылый и безрадостный сад», чтобы прийти к дому с зелеными ставнями, благоразумно закрытыми. Они вошли в хорошо обставленную комнату со столом посередине, на столе лежали карты с написанными на них буквами алфавита, карандаши и другие принадлежности, необходимыми для сеанса. В комнате собралась любопытная и пестрая группа людей. Ими председательствовал человек около шестидесяти «с белым и восхищенным выражением лица». Медиумом была юная девушка, здоровая на вид. Среди присутствовавших также была пожилая горбатая женщина, которая была наблюдателем, и юный русский, который изъездил весь мир, посещая спиритуалистов в разных странах.

Заседание началось: «Мы создали цепь. Мы поместили свои руки вокруг стола, и мистерия началась. Юная девушка-медиум погрузила себя в магнетический сон и заявила, чего обычно не происходит, что „у нее боль в голове“. Белолицый человек подул и снова, как это обычно происходило, головная боль исчезла как по волшебству. Секунду спустя тот же джентльмен стал неистово трястись на своем стуле, словно одержимый грозным богом; он скривил лицо и странным образом закатил глаза; затем он спросил приглушенным голосом: „Почему я так трясусь?“ Юная медиум ответила: „Потому что дверь небесная только что отворилась, и духи, ангелы и мертвые уже появляются поодаль“.

Получив это заверение белолицый рассудил, что пришло время для начала эвокации.

„Во имя Бога, — он прокричал. — Мистер Вашингтон, М-р Сведенборг и М-р Фредерик Оберлен, явите себя среди нас в видимой, осязаемой или звучной форме; Я желаю этого! Я желаю этого! Я желаю этого!“»

Группа ждала, некоторые дрожали и тряслись, затем белоликий обратился к медиуму и случился следующий диалог:

ДЖЕНТЛЬМЕН: Присутствуют ли здесь духи, которых я призывал?

МЕДИУМ: Да

ДЖЕНТЛЬМЕН: Желают ли они говорить с нами?

МЕДИУМ: Да. Однако они не слишком счастливы, так как они знали, что будут призваны этим вечером и готовы были за семь часов, и им пришлось ждать. М-р Сведенборг в особенности раздражен.

Извинения были принесены и духи утихомирились. Затем группа взяла карандаши и под побуждения от духов указывали на буквы алфавита для того, чтобы получить ответы на задаваемые вопросы. Эрдану большинство ответов показались банальными. Одним из призванных духов был Франциск Сальский, которого Эрдан попросил описать рай. «Место, милое, молоко» таким был его загадочный ответ.

Процедура начала ожесточаться после того, как юный русский призвал три знакомых духа, один из которых атаковал пожилую горбатую женщину. «О Боже, — воскликнула она. — Твой дух ударил меня в левое плечо, он ранил меня!»

Сеанс продолжился после восстановления порядка, Эрдану, казалось, было все сложнее подавлять свою веселость. В итоге он был вынужден оправдываться, что его конвульсии были от нервов, добавив, что левую ногу схватила судорога.

«Могла бы ты сказать, почему у Месье судорога?» спросил белоликий человек.

Медиум ответила: «Это потому что дух хотел пообщаться с Месье, и так как Месье был непослушным, дух наказал его судорогой».

Для Эрдана это стало последней каплей. «Я взорвался смехом и самозабвенно хохотал. Я почти катался по полу, когда к счастью сеанс подошел к концу. Взяв свою почтенную компаньонку под руку и поклонившись группе я, стиснув зубы, выбежал в сад так, как если бы дьявол стучал моими каблуками, оставив их всех там в оцепенении от моего неудержимого веселья.

Ведущим сторонником спиритуализма во Франции был Аллан Кардек, чье настоящее имя было Леон Ипполит Ривайль. Он родился в Лионе в 1804 году и какое-то время учился в Швейцарии под руководством великого педагога Песталоцци. Позднее он преподавал математику и естественные науки в Париже. Но мировую известность

он получил за свои работы по спиритуализму. Его книга под названием «Книга Духов» (*Livre des Esprits*) была опубликована в 1857 году, он же был основателем первого французского спиритуалистического журнала *Revue Spirite*.

Ключевой частью доктрины Кардека была идея о том, что духи развивались через различные классы, так они приобретали более высокие интеллектуальные и моральные качества. Существовало три основных класса духов: плохие, хорошие и чистые. Плохие и хорошие подразделялись на различные степени; чистые составляли единый класс, будучи полностью свободными от материального влияния, и проявляли полное интеллектуальное и моральное превосходство. Они вели существование, полное чистого счастья, но не скуки, так как они выполняли роль посланников и служителей Бога.

Еще более интересной была теория Кардека о том, что планеты солнечной системы населены духами. Марс, к примеру, был местом обитания «нечистых духов», низшего класса плохих духов, то есть, тех, которые были сознательно посвящены злу. Земля была населена злыми духами всех видов. На Меркурии и Сатурне преобладали хорошие духи, что приводило к лучшему социальному порядку и более счастливому существованию. То же самое относилось в еще большей степени к Луне и Венере. Уран и планета, которую Кардек называл «Юпо» (Юнона) наслаждались еще более высшим существованием, будучи населены в основном хорошими духами и лишь маленькой прослойкой плохих высшей категории. Юпитер, однако, был самой величественной планетой из всех и был населен только хорошими духами. Эти существа были не только физически, но и морально превосходны. Одно из изданий *Revue Spirite* за 1858 год содержит следующее описание Юпитерианина:

«Структура тела его в некотором роде сходна с телами этого мира, но менее материальна, менее плотная и с меньшим удельным весом. В то время как мы болезненно пресмыкаемся по Земле, обитатель Юпитера перемещается с одного места в другое плывя над поверхностью почти без усталости, как птица или рыба».

Кардек добавляет, что, хотя эта картина Юпитера и соблазнительна, существуют и другие еще более совершенные миры неизвестные нам.

Какое чудесное и пьянящее виденье! Бесконечность миров там за звездами, которые могут оказаться достижимыми для тех, кто смог бы беседовать с духами. После Кардека же пределом буквально стало небо.

Глава 6

СВЯТОЙ КОРОЛЬ

До того, как заглядывать мало-мальски вперед, рассматривая рост докультных движений во Франции, было бы полезно изучить общее состояние страны в годы после 1815-го. После *débâcle* (разгрома, краха) этого года, монархия вернулась в лице тучного Людовика XVIII, брата невезучего Людовика XVI, хитрого человека с долей личного обаяния, но как реакционера, не догадывавшегося о реальном кризисе, с которым столкнулась его страна — кризисе целеустремлений, сложившийся в результате событий, происходивших последние 36 лет. Идеалы Революции изжили сами себя; короткая имперская слава Наполеоновских лет исчезла вместе с сосланным императором. Следующие полвека Франции надлежит быть управляемой серией неадекватных монархов. Ей также суждено было стать пристанищем призраков. Во-первых, пристанищем для призрака самого Наполеона; едва он был изгнан на остров Св. Елены, как начала расти легенда о нем, проявляя могущественное скрытое влияние на судьбу Франции. Но была так же и другая легенда, расцветшая в эти годы — легенда о том, что Дофин, сын обезглавленного Людовика XVI, не был убит в ходе революции, но выжил и теперь имеет право на трон как Людовик XVII.

Движение, собравшееся вокруг этой легенды, имеет кое-что общее с множеством других культов, процветавших в то время: то, что оно началось как политическое движение, а закончилось как квази-мистическое. Подобное произошло и в случае с движением, основанном на экономических идеях Сен-Симона, которое стало религией с собственным Папой²⁶.

²⁶ Движение Сенсимонистов имело несколько интересных ответвлений. Одним из них было псевдосоциалистическое, псевдо-мистическое движение, возглавляемое Бартеlemi-Проспером (псевдоним Пере) Анфантенем (1796–1864). Огюст Конт, автор *Le Système de philosophie positive*, так же был сенсимонистом какое-то время, но, как и Анфантен ушел чтобы создать свое собственное движение.

«Спасители Людовика XVII» — так стало называться движение монархистов, опирались на яркую и странную мифологию. Одно из верований, поддерживаемых его наиболее яркими сторонниками, заключалось в том, что Революция и казнь Людовика XVI явились формой мести, предпринятой Тамплиерами над потомком Короля, ответственного за казнь Гранд Мастера Тамплиеров, Жака де Моле, в четырнадцатом веке. Согласно этой теории, масонское движение было воскрешением ордена Тамплиеров. Эти романтические идеи в своём существовании могут в чем-то быть обязаны Аббату Баррюэлю.

Много кандидатов предлагало себя в качестве претендентов на трон, но наиболее убедительным был Карл Эдуард Наундорф (Charles Edouard Naundorff), который именовал себя герцогом Нормандии (Duc de Normandie) и имел поразительное сходство со своим мнимым отцом, Людовиком XVI. Он прибыл из Пруссии в ранних 1830-х и жил во Франции до 1836 года, когда был изгнан Луи Филиппом. Он попросил убежища в Англии, где жил какое-то время в местечке Камберуэлл. Он умер в 1845 году в городе Делфт, в Голландии, и был похоронен как Людовик XVII. Важно то, что Наундорф был еще и религиозным провидцем. Он написал несколько книг якобы под божественным водительством, одну из которых назвал *The Heavenly Doctrine of the Lord Jesus Christ* («Божественная Доктрина Господа Иисуса Христа»). Он оставил после себя только одного сына, Charles Guillaume (Карл Вильгельм), который продолжил претендовать на трон и прожил до конца девятнадцатого века. Много лет дело Наундорфов представлялось в еженедельной газете.

Цель более крайних элементов в движении роялистов шла дальше чем чистое увековечивание линии законности. Они видели Францию центром нового мирового порядка, основывающемся на институте монархии и предопределенным провидением. Возникло и некоторое количество сект, поддерживающих эти верования, основными из которых были две во главе с Ganneau (Ганно) и Eugène Vintras (Эжен Вентра). Секта Ганно была не долговечной, а вот секта Вентры выжила, чтобы претерпеть странную метаморфозу. Сам Вентра был одной из наиболее выдающихся среди множества причудливых фигур той эпохи, и к его карьере стоит присмотреться более детально.

Его полное имя Pierre Michel Eugène Vintras (Пьер-Мишель-Эжен Вентра), и родился он в 1807 году в Байе, в Нормандии, у бедных и набожных родителей. Не смотря на полученное им весьма

скудное образование, он от природы был наделен отличным интеллектом и смекалкой, что позволило ему подняться над своим происхождением и в 1839 году стать бригадиром на небольшой фабрике по производству картонных коробок в Tilly-sur-Suelle (Тийи-сюр-Сель).

Случилось также то, что в 1839 году он встретил человека, наставившего его на странный путь, которым он в последствии следовал. Этим человеком был Ferdinand Geoffroi (Фердинанд Жоффруа), нотариус-мошенник и один из самых пылких сторонников Наундорфа. Вентра, который уже проявлял признаки мистического сумасшествия, пришел в восторг от возвышенной идеи Жоффруа о деле Наундорфистов с его подкупающей философией, обещавшей приход золотого века, который восстановит истинную королевскую линию.

Вентра не только стал апостолом Наундорфа, но и вскоре стал получать сверхъестественные указания, касающиеся того, что ему надлежит стать лидером дела. В начале ему явился Архангел Михаил, затем у него было видение Благословенной Девы Марии и Св. Иосифа, от них он получил повеление проповедовать новое евангелие, которое должно было называться «Работа Милосердия» (Work of Mercy). Ему надлежало окружить себя группой приспешников, которые бы содействовали ему в выполнении задачи по спасению мира от катастрофы и установлению нового царства Бога.

Вскоре после первого видения он основал на фабрике в Тийи ораторий, где хранил Облатки (Hosts), которые, как он заявлял, были посланы ему людьми, желавшими спасти их от профанаций со стороны злонамеренных людей. «Опасность профанаций была доказана тем фактом, — заявлял Вентра. — Что эти Облатки (Hosts) демонстрировали знамения чудотворного кровотечения реальной крови».

Сила личности и способность убеждения людей в правдивости своих видений Вентры была такой, что вскоре он собрал большое число последователей, среди которых были и конкретные представители духовенства, такие как Abbé Charvoz (Аббат Чарвоз), Curé of Mont Louis (Священник из Мон Луи). Чарвоз был умелым и энергичным пропагандистом, позже стал теологом самого движения, именно его усилия сослужили хорошую службу для распространения учения Вентра. Но рвение Чарвоза так же было причиной конфузов и проблем для Вентры. После чуда с кровоточащими Облатками Вентра тревожился о том, чтобы не придавать дело огласке, но Аббат Чарвоз которому не доставало обоснованной осторожности своего мастера,

получил от нескольких выдающихся людей заявления под присягой о том, что они видели эти кровоточащие Облатки. Более того несколько врачей подтвердили, что разводы под облатками были реальной человеческой кровью²⁷. Вооруженный этой пропагандой, Аббат Чарвоз отправился распространять благую весть, распечатал 6000 копий брошюры о Вентре и его чудесах.

Опасения Вентры о саморекламе оправдали себя, когда 8-го ноября 1841 года епископ города Байе осудил брошюру Чарвоза как противную учению Церкви. К этому времени вызывающие опасения разговоры доносились и со стороны правительства, члены которого были встревожены тем, что дело Наундорфистов стало ассоциироваться с мистическим движением.

Вентре не дали бы продолжать свое дело без всяких досаждений, в августе 1841-го гром и грянул, что было неминуемо; он и Жоффруа были арестованы по сфабрикованному обвинению в том, что обманом выманили у троих девушек деньги. У двух дам по фамилии Гарнье (Garnier) они выманили 3000 франков, у третьей, мадмуазель Сесиль де Касини (Cecile de Cassini) — 800 франков. Не смотря на тот факт, что все три мнимые жертвы свидетельствовали в пользу Вентры, обвинение было вынесено. Вентра был приговорен к пяти годам заключения, а Жоффруа — к двум. Была и апелляция, но приговор остался прежним, несмотря на широкую общественную критику вынесенного вердикта.

Ввиду того, что Вентра был примерным заключенным, ему были позволены многочисленные послабления во время отбывания срока в камере. Ему предоставлялись свидания и возможность контактов со сподвижниками. Но тем временем с проповедью все обстояло гораздо хуже. 8 октября 1843 года папа Григорий XVI выступил с кратким осуждением секты. Ответ Вентры показывает его непоколебимую уверенность в своей миссии:

«Если мой разум рассчитывает на что-то в этой осуждаемой работе, то я должен поникнуть головой своей, и страх

²⁷ В приложении к Н.Т.Ф. Родоса (Rhodes) *Сатанинская Месса*, утверждается что виденное докторами вполне могло бы быть разновидностями красной плесени, которую даже под микроскопом можно спутать с кровью.

должен возобладать над моей душой. Но эта работа не моя, это не стечение обстоятельств для меня в исследованиях или желаниях. Спокойствие наполняет меня; моё ложе не знает бдений; вахты не утомляли мои глаза; мой сон чист настолько, как если бы сам Бог даровал его. Я могу сказать моему Богу со свободным сердцем: *Custodi animum meum, et erue me; non erubescam quoniam speravi in te*²⁸».

Папа был не единственным, кто нападал на Вентру. Яростная компания против движения велась также и бывшим его сторонником по имени Gozzoli (Гоццолли), который был изгнан из группы. В брошюре, называвшейся «Пророк Винтра» (*Le Prophète Vintras*), он обвинял того, кто был ранее его мастером, в совершении множества сексуальных актов. Заявления Гоццолли были проверены полицией и Епископом Байе, и Винтра оказался невиновным. Тем не менее, движение продолжало противодействовать Церкви, и в 1848 году было признано еретическим. Католические священники были проинструктированы скрывать таинства от Вентраистов.

Ответной мерой Вентры, который до этого самого времени оставался преданным Риму, стало отлучение им Папы и объявление самого себя понтификом во главе своего собственного папства, которое к тому времени включало в себя священников обоих полов. Он верил, что совершает крестовый поход против сил черной магии.

В 1852 году против секты вспыхнуло новое гонение, и Вентра был вынужден бежать через Бельгию, в Лондон, где обосновался по адресу Мэрилебон-роуд, 33, и продолжил проповедовать свое евангелие с этой достойной уважения, хотя и несколько прозаичной, выгодной позиции. Его изгнание не отстранило его от борьбы против черной магии. Ниже приведена подборка Жюля Буа из работы «Сатанизм и магия» (*Le Satanisme et la magie*) о предположительно сорванной Вентрой черной мессе, который, очевидно, в виде духа покинул свой дом на Мэрилебон, и направился в дом, находящийся во Франции, где и проходила церемония:

²⁸ Н. Т. Ф. Rhodes, *Сатанинская Месса*. «Сохрани мою душу и спаси меня; Я не постыжусь что уповал на тебя».

«28 февраля 1855 года, в маленьком городке, недалеко от Парижа, в подвале дома, задний ход которого выходил на кладбище, в полном разгаре шло секретное оккультное собрание.

Трое были погружены в каталептический сон: девочка двадцати лет, старый священник и зрелый мужчина.

С их телами соединялась проволока разной толщины, сами же тела находились под контролем определенных духов через жидкостное действо.

Эти провода тянулись сквозь стену комнаты в соседнюю камеру, где, возвышаясь на две ступени, стоял стол, служивший в качестве алтаря, окружённый тремя пьедесталами. Сверху стоял крест без Христа и статуя обнаженной богини. У подножия креста лежал кусочек хлеба для проведения Таинств. Справа находилась небольшая чаша, в которой сгущалась кровь. Слева из кувшина возникала шипящая змея. Темноту пронзал жуткий свет от двух других сосудов, в которых потрескивающие фитили тонули в человеческом жире.

Три пьедестала начали вращаться, сначала медленно, но затем, набрав инерцию, головокружительно и бешено, силою четырнадцати операторов — политиков, Доминиканцев, священнослужителей.

Символ, начертанный Вентрой был призван провести жидкостную сущность пророка пьедесталам, а оттуда — субъектам, через которых ему надлежало быть вызванным и подавленным.

Явились два мастера церемоний, облаченные в стеганный шелк, один из которых покрыл проволоку ядовитым маслом.

Затем он выкрикнул:

„Всемогущий разум сущий, чтоб населять наши жидкости, яви себя“.

Дух возник парящим в атмосфере, пропитанной магией зла — лицо ужаса, обмотанное бинтами, с телом из тумана.

„Я Амон-Ра, — провозгласил он. — Амон-Ра из Аменти; Я сопровождаю души умерших в безжалостном корабле.

Я требую жертву Верховного Бога Христиан, если ты желаешь, чтобы я сокрушил их последнего пророка.

Все присутствующие здесь должны предать жаровне проклятые имена своих крещений — тогда я начну битву.“

Все подошли и написали свои имена на кусочках папируса, которые затем пожрало пламя.

Затем дух сказал:

„Вы должны в качестве платы отдать мне девственное тело спящей молодой девы“.

„Ты получишь ее, — ответил мастер церемоний. — Но гарантируй, что мы получим твою активную силу, раз мы предаем тебе это нетронутое дитя. Не утай от нас ни один из твоих даров, раз мы даруем тебе податливую девственницу“.

Возобладай ей. Мы чествуем твою волю жертвоприношением. Восстань и возбуди священника, которого мы посвятили тебе“.

Девушка вошла обнаженной, все еще связанная проволокой. Она пела, хоть и все еще спала. Её тело излучало осязаемое сладострастие, настолько она была грациозна.

Затем мастер снова покрыл проволоку, окружавшую священника, ядовитым маслом.

Священник, по этой команде, не выходя из транса, вошел в камеру и поднялся к пьедесталам. Вокруг него открытым кругом собрались помощники.

Его волосы почти встали дыбом, он весь был покрыт маленькими бусинами пота; свет от человеческого жира придавал его мокрой щетине странное фосфорическое свечение. Он выронил свою одежду и обнаженным взошел на алтарь.

Агрессивная радость заражала операторов, теперь уверенных в триумфе.

Но старик уставился на какую-то невидимую и трудноопределимую точку над его головой ... Оставался пассивным и безмолвным.

„Посвящай! Посвящай!“ кричали люди.

Священник, казалось, окаменел, пока юная дева извивалась как белый змей; и кольца проволоки соскользнули на паркет.

„Что происходит, ты трус?“ — спросил главный, обращаясь к священнику.

Холодный пот струился со священнической жертвы.

„Тут присутствует еще кто-то невидимый“, — ответил он.

(Это был Вентра, препятствовавший всему из Лондона)

„Отвечай, это Он?“

„Я не знаю, но я искал его визуальные эманации, которые проводят флюиды от этого символа ко мне. Я уловил отражение интенсивного огня, который исходит от него. Некто тщетно сопротивляется его Слову Власти. Его повеление — сильнее ваших — окутывает меня принудительной набожностью. Теперь я скован его волей“.

„Посвящай несмотря ни на что“.

„Вы видите, что мое тело шатается, что язык мой связан — я ничего не слышу кроме повелительной набожности его слова“.

„Посвящай! Посвящай!“

Снова проволока заблестела ядовитым маслом. Юная девочка находилась на краю смерти; три пьедестала вновь головокружительно завращались. Трое из наблюдателей катались по полу, пораженные молнией без вспышки, а их головы, словно движимые яростной рукой, потрясали стены неумными ударами. Священник, скованно лежавший на столе, вдруг, словно омолодившись, опрокинул проклятый крест, статую роскоши и оскверненный хлеб ... Все было растоптано его неослабевающими ногами.

Второй мастер церемоний сказал первому:

„Собираешься ли ты продолжать противостояние и достаточно ли ты силен что бы сковать этого враждующего против нас духа, которого Вентра спустил на нас?“

„Давай попробуем!“ — ответил другой.

Еще три человека рухнуло на землю, испуская пену из ртов и истязая себя.

„Давайте прекратим“, — сказал кто-то.

„Нет!“

Главный оператор, тихим жестом, позвал молодого человека, единственного кто остался в смежной комнате. Он появился, также покрытый проволокой.

Символ Вентры был начертан таким образом, чтобы касаться железного проводника; на полу человеческой кровью был начертан круг как магнетическая тюрьма для юноши.

Те, кто как-то смог устоять на ногах, стали задыхаться; каталептики жались вдоль стен. Чудовищные удары раздавались изнутри столов.

Юноша стоял смирно.

„Священник, — сказал он. — Подойди и стань мне на ноги; я одержим семью духами, которые желают быть услышанными“.

Теперь он сообщался с пьедесталом, несущим символ.

„Борись!“ — кричали помощники.

Теперь его усилия стали настолько напряженными, что кровь выступила на его лбу и потекла из глаз и ушей. Он размахивал кулаком, как проклятая душа, сопротивляющаяся своим мукам.

„Борись!“ вновь сказал мастер.

Но юноша вдруг стал безмолвен, как жертвенный агнец.

Падая на колени, протянув свои руки в мольбе навстречу невидимой энергии пророка Вентры, он гармонично выкрикнул: „Ты воистину тот, кто предваряет приход Великого Суда“.

Затем, снова поднявшись на ноги и глядя в лицо магической шайке, словно разъярённому быку, он прокричал:

„Трусливые убийцы, дикие звери, нечестивые чудовища, вы услышите правду, несмотря на ваше умопомрачение. Я новый Валаам, пророчествующий для того, кого вы послали на проклятье.

Ваши действия потерпели поражение, вы — осквернители жизни, чистоты тела, достоинства душ, славы духов.

Слушайте, принцы и агенты Римской Церкви и вы, злобные скоты, что в одной лиге с ними.

„Лицемеры, что с утра до ночи проповедуют жалость, мольбу и веру, скрывающие под своими почетными облачениями эфирные масла проституции и оклеймённые трупы. Горе вам, и слава вашему противнику, Великому Пророку!“

Тишина погасила человеческую свечу, юная женщина, которой обладал Амон-Ра была мертва“»²⁹.

Если исполнители этой неприятной церемонии выжили после этого опыта, они, должно быть, трепетали от известия 1863 года, что Вентра возвращается во Францию. К этому времени движение твердо стояло на ногах в Англии и распространилось в Италии и Испании. В 1876 году Вентра основал во Флоренции центр White Carmel (Белого Кармеля). Последние два года своей жизни он провел в Лионе, где и умер 7 декабря 1875 года. На посту главы секты его сменил не менее красочный, но даже более зловещий персонаж, Abbé Boullan (Аббат Булян), о котором мы должны поговорить более подробно впоследствии.

Вентра был почти полным современником Элифаса Леви. Нотогда как Вентра оставил после себя сравнительно малую группу верных приверженцев, Леви оставил после себя рукописи, которые сохраняют свое влияние и по сей день. Он появился в то время, когда

²⁹ Op. cit., pp. 233–40.

пограничная территория оккультизма являла собой пересеченную местность, поделенную между последователями Месмера, Вентры и Фабра д'Оливе, занимавшими разные углы. Для каждого из них их верования, без сомнения, имеют очень мало общего; и все же все эти культы, обсуждавшиеся до сих пор, имели также и фундаментальные сходства. Леви было под силу воспринять эти сходства и создать в наивысшей степени впечатляющую смесь из различных элементов, которые он соединил вместе. Его работа, как мы увидим позже, была призвана дать слову «оккультизм» новое значение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭЛИФАС ЛЕВИ

Глава 7

РАННИЕ ГОДЫ

Человек, которому надлежало стать самым плодовитым и умелым защитником оккультизма в девятнадцатом веке, родился в Париже 8 Февраля 1810 года и был крещен как Альфонс-Луи Констан (Alphonse-Louis Constant). Крестильный регистр заявлял, что его родителями были Жан-Джозеф Констан (Jean-Joseph Constant), сапожник, и Жанна-Агнес Констан (Jeanne-Agnés Constant) *née* Beaucourt (урожденная Бокур)³⁰. Местом рождения был дом Констан под номером 5 на Рю де Фоссе-Сен-Жермен-де-Пре (Rue des Fosses-Saint-Germain-des-Prés), теперь эта улица называется Rue de L’Ancienne Comédie, прелестный проезд в лабиринте узких улочек, расположенном между Бульваром Сен-Жермена и Сеной. С того времени местность не сильно изменилась; улицы и по сей день полнятся ароматами продуктовых ларьков, в которых должно быть отоваривалась когда-то и семья Констан; немного ниже по улице, на которой они проживали, находится Café Просоре, старейшее кафе в Париже, где несомненно, предок Констанов, Кур де Жебелен, в дни до Революции обсуждал оккультные искусства с Д’Аламбером и Дидро.

Мальчик вырос в бедной, но счастливой семейной атмосфере и кажется лелеял глубокую привязанность к своим родителям. Позднее, в одном из своих стихов, он прославлял удовлетворенность от простой и добродетельной жизни, такой какую провели они. Он описывает как его отец отдал два су из своих скудных заработков чтобы накормить голодающего соседа. «Он верил в Бога всем своим сердцем, — говорит Констан. — Он научил меня моим молитвам»³¹.

³⁰ Paul Chacornac, *Eliphas Lévi, renovateur de l’occultisme en France* (1926).

³¹ “Les Trois Harmonies”, из *Chansons et poésies*, написанных под именем А. Constant de Baucour (1845).

Если отец стал для него примером доброты и человечности, то его мать, с ее интеллигентностью и более фанатичной набожностью, привила ему самодисциплину и глубоко религиозный кругозор. Она делила свое время на труд и молитву и должно быть была сильной личностью.

В предисловии к книге *L'Assomption de la femme* (1841) Констан писал следующее о своем раннем детстве:

«Мое детство было слабым и мечтательным; я никогда не почувствовал в играх других детей; я стоял в стороне и неясно размышлял или пытался рисовать; я легко приходил в восторг от игрушки, которую в последствии ломал, или картинки, которую рвал затем на кусочки; потребность в том, чтобы сильно любить уже мучала меня; я не знал, как объяснить свой дискомфорт».

Это уединенное существование вскормило скороспелый интеллект и Констан оказался удачлив в том, что с ранних лет с ним занимались учителя, которые дали вектор этому интеллекту. В возрасте примерно десяти лет ему достаточно повезло быть принятым в одну из школ Парижа которую вели священники дававшие бесплатное образование детям бедняков. Эти школы были известны как *communautés*. Во главе той, в которую поступил Констан, стоял аббат J.-В. Hubault Malmaison (Жан-Батист Мальмезон) в пресвитерии церкви Сен-Луи-ан-л'Иль (Saint-Louis-en-l'Île). В школе Констан преуспевал и стал выдающимся учеником, наряду с чем проявлял недюжие способности в риторике и проворное остроумие.

В возрасте двенадцати Констан принял свое первое причастие, и великопение Католической религии захватило его. «Через таинства Католицизма, — писал он впоследствии в *L'Assomption de la femme*. — Я уловил проблеск бесконечного; мое сердце пылало страстью к Богу, который пожертвовал собой во имя своих детей и трансформировал себя в хлеб, чтобы питать их; нежная фигура Агнца, обреченного на заклание, побуждала меня проливать слезы, и тут же ласковое имя Марии заставляло мое сердце трепетать».

Он поделился своими чувствами с Аббатом, и тот разглядел в своем ученике идеального кандидата в священники. «Он с легкостью убедил двенадцатилетнее дитя принять сверхъестественное призвание, посвященное воздержанию и молитве...»

В результате, в октябре 1825 Констан поступил в семинарию Святого Николая в Шардонне (Saint-Nicolas du Chardonnet). Сделав это, он навсегда оставил семейную жизнь позади. С его собственных слов: «Я встал на роковой путь, которому надлежало привести меня к знанию и несчастью».

Ключ к разгадке дальнейшего развития Констана, мы находим в том факте, что директор той самой семинарии, Аббат Frère-Colonna (брат Колонна), был одним из ведущих авторитетов Франции по животному магнетизму и смежным предметам. На протяжении многих лет он трудился над детальным исследованием этих ересей — таковыми он их считал — и со временем опубликовал свои находки в книге, озаглавленной «Обзор животного магнетизма» (*Examen du magnétisme animal*) (1837), в которой он заключил, что проявления магнетизма и прорицаний имели место вследствие вмешательства Дьявола. На своих занятиях в семинарии он любил распространяться о своих теориях на счет этих запрещенных искусств.

Одним из наиболее внимательных учеников на этих лекциях был пятнадцатилетний Констан, чье тонкое молчаливое лицо и большие бледные глаза выражали азарт, когда Аббат говорил о Месмере и его странных умениях. Знал бы священник о том, что происходило в юном разуме мальчика, он безусловно насторожился бы, что молодой студент начинает испытывать любопытство к этим загадочным предметам — любопытство, которое все крепчало, потому что они преподавались как ересь.

Констан навсегда запомнил впечатление, которое на него произвел священник, и впоследствии написал о нем следующий отрывок:

«Он был самым образованным и искренне набожным священником из всех, кого я когда-либо знал: поэтому-то он и оказал наилучшее, и в то же время наихудшее влияние на меня.

Лучшее состояло в том, что он сломал для меня жесткие представления моего первого католического образования, открыл для меня ширину арены для прогресса и само будущее. Он был непоследователен в том, что учил воодушевляющей и полной движения доктрине, и в то же самое время исповедовал слепое повиновение человеку и идеям, принадлежащим прошлому. Сначала я не видел того, что он ошибается, и, полагаясь на его веру какое-то время, шел ложным путем.

Доктрину Аббата можно представить следующим образом: человечество, отпавшее от Бога через первородный грех, возвращается к нему посредством освобождения от плотского и постепенного одухотворения...

Таким образом для Аббата история религии была поделена на четыре великих эпохи: эпоха раскаяния или век потопа и проклятия Каина; эпоха веры, та эпоха в которую был призван Авраам, отец всех верующих; эта эпоха продолжалась, пока Моисей шел через пустыню и до самого прихода Христа, который посредством смерти на кресте завещал своим возлюбленным апостолам и своей Матери надежду; затем под покровительством Святого Духа, третья личность Бога, досель неполностью явная, явит тогда отблеск будущего века счастья, когда Человек сидя в тени яблочных древ нового Эдема, будет ощущать на своем челе освежающее дыхание любви под хлопанье крыльев загадочного голубя, последнего символа Божественности.

Нетрудно представить, как под предводительством такого мастера мне было легко представлять католицизм древних времен и ощущать себя столь же возвышенно, как если бы я жил в те ранние годы. Тем полнее было мое разочарование и тем сильнее было мое возмущение, когда позорное смещение Аббата с его поста посредством грязных интриг показало, насколько его доктрины не соответствовали мнению церковных властей, и, кроме всего прочего, заставили понять, какое противление вызвали его аскетические достоинства у большинства людей, которых они должны были воодушевлять и которыми должны были уважаться. Я стал задумываться о том, а верили ли священники по-настоящему в Бога, и я содрогнулся — тот, для кого религия была его единственной любовью — видя в чьи руки она попала»³².

Описанный в этом отрывке эпизод имеет огромное значение по той причине, что необходимость выбора, которую повлек за собой этот период, осталась с Констаном на всю жизнь. Слишком уж глубоко укоренился в нем католицизм, чтобы оставить его; но он

³² *L'Assomption de la femme.*

так и не отпустил свою неприязнь к авторитарной стороне Церкви, которая впервые проявила себя при смещении Аббата с его поста, и последующие примеры ее проявлений только укрепляли эту неприязнь. Идеи Аббата, должно быть, возымели глубочайшее влияние на юного Констан, в особенности на его теорию о приходе золотого века под управлением Святого Духа. Эта доктрина об Утешителе была очень популярна в определенных кругах, и Констану надлежало стать одним из наиболее ясно излагающим ее суть защитником.

Как раз в семинарии Святого Николая Констан впервые стал осваивать азы иврита, который и возвысил его как оккультиста настолько сильно. В возрасте восемнадцати лет он уже мог читать ивритские письма в оригинале.

Направленный в теологический колледж Сен-Сюльпис (Saint-Sulpice), Констан сначала должен был пройти двухгодичный курс философии в колледже в Исси (Issy), в который он поступил в 1830 году. Именно здесь он совершил свои первые вылазки в драматическую литературу на библейские темы, *Nemrod*, и стихотворение, озаглавленное *La Petite œuvre des Savoyards à Bordeaux*.

Когда Констану пришло время поступать в Сен-Сюльпис, события в отчем доме обстояли мрачно. Его отец только что умер, а мать находилась при смерти. Он задумывался о том, чтобы оставить свою карьеру священника, но голос его старого мастера Аббата Мальмезона убеждал продолжать.

Констан не был готов к разочарованию, которое ожидало его в Сен-Сюльписе. Если смещение Аббата Колонны пошатнуло его веру в Церковь, то опыт, пережитый в Сен-Сюльписе, стал для него испытанием постroje. Чтобы хоть немного уловить, какой была жизнь в Сен-Сюльписе — даже учитывая то что Констан мог приукрашивать — достаточно просто процитировать его собственное описание в *L'Assomption de la femme*:

«Сюльписенцы — холодные и скучные люди, для которых инструкции господина Олье и книги с теологическими текстами господина Карьера заменили дух и сердце. Они живут по установленному обычаю; слово «прогресс» они считают мирским и нелепым; искусство и поэзия считаются незрелыми и опасными явлениями; там медленно, но верно учатся невежеству. Немного памяти, чтобы помнить стародавние

школьные доводы, немного хитрости чтобы подогнать их под современную Галльскую моду, немного говорливости, чтобы сформулировать их и напустить туману — это те качества, которые сойдут за талант в Сен-Сюльписе. Добавьте к этому одеревенелую осанку, жирную кожу, засаленные волосы, отвратительную сутану, грязные руки, вороватые глаза — и вы получите полную картину того, что называют «хороший человек» и превосходный семинарист...

Среди учеников Сен-Сюльписа царит тотальное взаимное недоверие, крайняя скрытность и смертельная холодность. Самые изнурительные периоды дня — это мытарства перемен. Некоторые семинаристы (всегда избираемые из среды самых пылких) нагружаются еще и докладом директорам обо всем, что они слышат. Самое безобидное слово, истолкованное ими на свой лад, может подвергнуть риску все будущее молодого человека. Таким образом, наиболее сообразительные старались сделать этих ревнителей если не друзьями — потому что в семинарии слово «дружба» не существует — то по крайней мере, сторонниками, стараясь переплюнуть их в суеверных гримасах и пустых практиках. В результате этого существовал ряд кружков или ассоциаций, в которых должен принять участие любой, кто не хочет выглядеть излишне мирским или проявить недостаток энтузиазма. Кто-то должен разделять симпатии и недовольства товарищей, кто-то должен культивировать такого человека и избегать его. Духовники лично разжигали эти раздоры среди своих учеников, раздавая расклеванным списки лиц, с которыми те не должны общаться. Посредством таких мер обеспечивается их господство, так как они пользуются абсолютную власть над этими мелкими соперничающими братствами и с легкостью подавляют любой протест по части тех, кто остается особняком. Эти, последние, в любом случае, редкость. Они не в силах долго противостоять позору, которым их постоянно осыпают: они уезжают, или умирают, или становятся лицемерами притворяясь заинтересованными для того чтобы считаться также в числе избранных».

Пусть и отвратительная для Констанана, но та среда не остудила его религиозный пыл. «Я удалился в свою комнату, сокрушенный

унынием и горем. Несмотря на совет моего священника, я пал в мольбу обливаясь слезами, которые немного облегчили мое состояние, затем мне пришла мысль о том, что от меня зависит возможность вновь разжечь эти сердца, которые покинуло милосердие. Я глубоко соболезновал религии, которая заботилась о таких детях. Мне казалось, что эта религия протянула ко мне руку говоря: „Сын мой, не желаешь ли и ты покинуть меня видя, что я овдовела и разорена?“ Тогда со всем юношеским пылом и религиозным рвением я закричал: „Нет!“ И твердо решил остаться в семинарии и стерпеть все неприятности, связанные с ней.

В течение первых месяцев, которые я провел в семинарии, я жил в религиозном иступлении и почти лихорадочной экзальтации; Я обращал отчаянные молитвы к Богу, такие как эта, что я нашел среди своих бумаг того времени.

Devant toi, dans la nuit, mon âme se consume,
Et mes désirs son pleins d'une douce amertume.
O toi que j'appelais, mais sans t'avoir nommé,
Du jour que je languis de la soif d'être aimé...
Les eaux de ton amour m'altèrent de leur source,
Et L'ardeur de courir m'arrête dans ma course;
Ma bouche se dessèche en voulant t'aspirer
Et mon âme s'affame à toujours dévorer!
Il me semble parfois que L'éternelle peine
Me ronge d'un amour brûlant comme la haine:
Je voudrais t'immoler à toi-même, et toffrir
A jamais les tourments que tu me fais souffrir!
Etre heureux d'un enfer qui rugirait ta gloire,
D'un désespoir immense exprimer ta victoire,
Etre ton ennemi pour L'écracer en moi,
Pour te céder mon trône, être dieu comme toi!...
Je souffre enfin, je meurs étouffé dans mon âme
Qu'appesantit la chair, que soulève ta flamme,
Et qui veut à la fois grandir pour t'embrasser
Et devant ta splendeur décroître et s'effacer!
O néant amoureux que L'être aime et dévore!...
O Dieu! n'étant pas toi, je souffre d'être encore...
Donc, si je n'étais pas, pourrais-je encore aimer?

Mais je veux être en toi, mais je veux m'abîmer,
Me perdre dans ton sein, Mon Dieu! sans savoir même
Si je t'aime, si je suis, si je t'aime.
Mais toi seul être heureux, seul triomphant, seul moi,
Puisque toi seul est bon, puisque tout bien c'est toi!

(Пред тобою, в ночи, моя душа горит и мои желания полны сладкой горечи. О, ты, к кому я взывал, но не называл тебя, с того самого дня, когда я впервые изнывал от жажды быть любимым ... Воды твоей любви заставляют меня жаждать их источник, и желание бежать оставливает меня на моем пути; мои уста пересыхают, желая вдохнуть тебя, и моя душа испытывает голод от вечной нужды поглощать тебя! Мне иногда кажется, что вечная боль мучает меня с горячей любовью как ненависть: я бы хотел принести тебя в жертву себе самому и предложить тебе навсегда свои муки, которые ты даешь мне испытывать! Я был бы счастлив в любом аду, лишь бы это приносило тебе славу; я бы хотел быть твоим противником, чтобы разгромить сопротивление во мне самом, быть богом, как ты чтобы отдать тебе свой трон! Я страдаю, подавленный в душе, которая отягчена плотью и возвышена светом и которая желает расти для того чтобы охватить тебя, и в то же самое время принизить себя и преклониться пред твоим величием! О бездна благодатная которую мое существо любит и поглощает! О Боже, не будучи тобой я страдаю от того, что продолжаю существовать. И все же, если бы я не существовал, имел бы я возможность любить тебя? Но я желаю существовать в тебе, быть поглощенным, потерять себя в твоём лоне, о Бог, без знания желал ли я тебя, существую ли, люблю ли я тебя. Но ты единственный счастливая сущность, единственный победоносец, единственное Я; так как лишь ты добр, так как вся доброта это ты!)»

Время, проведенное Констаном в Сен-Сюльписе, не могло быть только беспросветным мучением, так как помимо пробы пера в поэзии, он также освоил искусство вокала, вдохновившись группой семинаристов, организовавших свое общество для практики в этом искусстве во свободное время. Очевидно, некоторые духовники присутствовали на этих собраниях и поощряли юных певцов.

И сам учебный план в Сен-Сюльписе не имел недостатка во вдохновении. Дважды в день каждый семинарист должен был совершить

«испытание собственного сознания», которое основывалось на афоризмах и наставлениях «Золотых Стихов Пифагора»³³, одной из тех не Христианских работ, которую, как и «Медитации» Марка Аврелия, Христиане приняли за содержащуюся в них универсальную мудрость и мораль. Читал ли Констан в то время эзотерическую интерпретацию стихов, сделанную Фабром д'Оливе, или не читал, но сами стихи, без сомнения, произвели глубокое на него впечатление. Каждый ученик должен был сделать перевод из стихов для собственного пользования и назидания. Свой отрывок Констан позднее цитировал в 6 главе своей «Истории Магии», которая была озаглавлена «Математическая Магия Пифагора». Цитата содержала следующий отрывок (переведенный Констаном в рифмованных куплетах):

«Я клянусь тем, кто был послан в наши души Священным Кватернионом, источником природы, чья причина вечна. Никогда не прикладывай свою руку к какой-либо работе, покуда не помолился богам о том, что окончишь то, что собираешься начать. Когда ты сделаешь это своей привычкой, ты познаешь основной закон бессмертных богов и людей. Даже то, насколько эти разные сущности далеко отстоят друг от друга, и что содержат, и что связывает их вместе...»³⁴

Этот отрывок являет собой чистую магию, и это довольно удивительно почему учителя в Сен-Сюльписе не посчитали такие идеи опасными. Выбор Констан такого специфичного отрывка из «Золотых Стихов» говорит о том, что он, может быть бессознательно, втягивался в магическое видение мироздания — касательно идей о сети скрытых сил, «связывающих между собой» элементы видимого мира и подвластных адепту.

Однако если у Констан и были мечты стать адептом, они не помешали ему предпринять следующий шаг в своей карьере священника,

³³ Авторство *Золотых Стихов* (*Golden Verses*) не определено; по одному из предположений они были написаны примерно в 388 году до. н. э. Лизисом (*Lysis*) представителем философии Пифагора.

³⁴ Это перевод оригинала, выполненный G.R.S. Mead. Версия перевода, выполненного Леви довольно свободная; например, слово 'quaternion' (тетрада) он переводит как 'triade' (триада), возможно с Христианской Троицей на уме.

заклучавшийся во вступлении в первый из трех «главных духовных санов». Это те саны, которые требуют безотзывных клятв; триада включает сан иподиакона, диакона и священника. После трехнедельных колебаний и десятидневного уединения, Констан решил и принял сан иподиакона, поклявшись перед Епископом о полной приверженности Церкви и пожизненном целомудрии. Церемония окончена, он вышел из церкви с тонзурой на голове и с перспективой аскетического будущего впереди.

Первым поручением в его новом качестве было дать уроки катехизиса молодым девушкам в самостоятельном церковном приходе Сен-Сюльписа, большинство из которых были из богатых и выдающихся семей. На этом поприще он проявил энтузиазм. Его позиция по этому поводу описана в *L'Assomption de la femme*.

Рис. 5

Польский математик и оккультист Юзеф Мария Гёне-Вронский

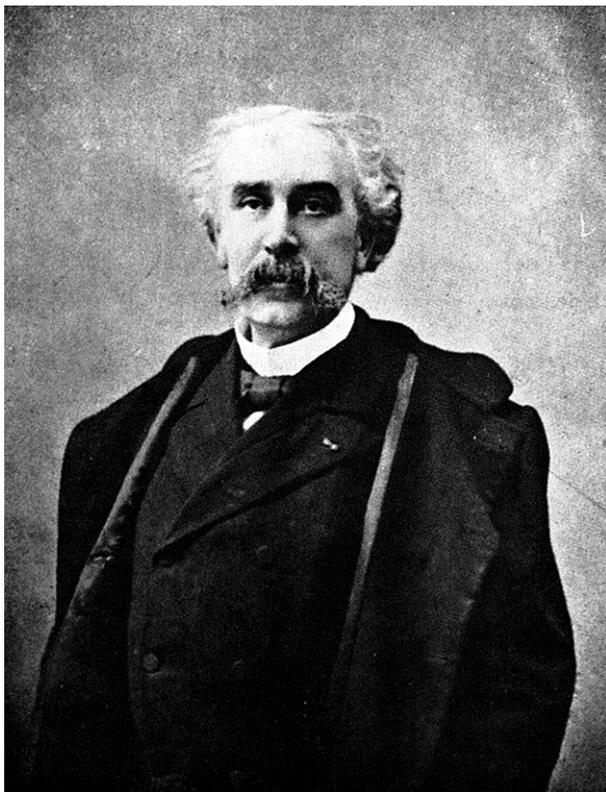

Рис. 6

Сент-Ив д'Альвейдр, автор многих работ по оккультизму

«Это пастырство, такое сладкое и поэтическое, было для меня настоящим счастьем. Казалось, что я был ангелом Бога, посланным к этим детям чтобы посвятить их в мудрость и добродетель. Я говорил с ними свободно, потому что мое сердце было переполнено и нуждалось в излиянии. Со своей же стороны эти простые и хрупкие юные души понимали и любили меня. В их среде я чувствовал себя как в кругу семьи, и я не обманывался, так как мне внимали и чтили меня, любя как отца».

Однако же это благополучное положение вещей было прервано неожиданным и судьбоносным событием.

«Бог унял искренность моего усердия послав мне то, что святоши немилосердно называют *искушением*, и что я называю *посвящением в жизнь*».

Однажды, после двух лет обучения этих девочек меня позвали в ризницу сказав, что кое-кто хочет поговорить со мной. Я увидел бедную женщину, одетую в тряпье целомудренного вида, которая представила мне юную девушку с бледным лицом полным страдания, и сказала: „Господин, я привела к вам свою дочь с тем чтобы вы подготовили ее к азам вероисповедания; другие священники отвергли ее, так как я бедна и потому что она страждет, робкая и неуклюжая, но я услышала о вас и привела ее к вам умоляя не просто принять ее, но и особенно оберегать ее лично наставляя, так если бы она была дочерью принца. Я верю, что обращаюсь к нужному человеку и что вы меня понимаете“ .»

Констан мгновенно согласился выполнить просьбу женщины, пообещав заботится о девушке «как если бы она была его собственной».

Этой девушкой была Адель Алленбах (Adèle Allenbach). Ее мать, пылкая католичка, была женой офицера швейцарской армии, но иммигрировала во Францию примерно в 1830м году, опасаясь, что религия ее дочери в опасности. С того самого времени они жили в Париже в полной нищете.

Это хрупкое маленькое создание, с ее голубыми глазами и невинной внешностью, мгновенно оказала влияние на своего учителя. Никогда до этого в своем одиноком существовании он не испытывал таких чувств, которые она в нем пробудила, и они пришли как волнующее откровение. По началу он переводил эти чувства на религиозный язык, видя в лице Адель облик Девы Марии. Но со временем он стал осознавать истинную природу своих чувств к девочке. Понимая, что это значит для его рода деятельности, он стал вести долгие внутренние борения, но как он ни старался он не мог выбросить из головы мысли об Адель.

В разгар этой муки пришло уведомление от его директора о том, в течение недели ему надлежит принять рукоположение в третий и заключительный из трех основных санов, стать священником. В сан дьякона он уже был возведен в декабре 1835-го, и заключительная церемония должна была произойти в мае 1936-го. Но этому не суждено было случиться. Констан сообщает в своей книге *Les Trois Harmonies* следующее:

«Мои представления были полностью опровергнуты; я впервые осознал, как далеко я ушел от католицизма в его современном понимании; чистая любовь, которая одновременно доставляла мне проблемы и делала меня счастливым, явилась непреодолимым препятствием моей жертве. Я не любил Адель как обычно любят женщину — Адель все еще была почти ребенком — но через нее я почувствовал внутри себя пробуждение насущной нужды любить; я понял, что вся религия в моей душе основывалась на этой нужде, и я не смог бы без сожалений принять свои обеты перед алтарем холодного и эгоистического культа».

Таким образом Констан оставил священство в момент максимально близкий к достижению цели, за которую он так долго и мучительно боролся.

Глава 8

ПЕРВОНАЧАЛО

Констан вышел из Сен-Сюльписа и тут же столкнулся с устрашающими проблемами приспособления к мирской жизни. Его первой мыслью было укрыться от них, уйдя в монастырь. «Я не хочу, — писал он одному из своих друзей. — Продолжать свою жизнь в мире, лучшие годы которой были отданы семинарии, и влачить в нем деградирующее и жалкое существование отступника»³⁵. Но его друзья отговорили его, и этот отчаянный курс был оставлен. Констану придётся встретить мир таким, каков какой он есть.

Это происходило незадолго до того, как мир послал ему первое испытание. Его отбытие из семинарии стало большим ударом для его овдовевшей матери, к тому моменту старой и немощной, которая возлагала на сына все свои надежды. С виду она приняла ситуацию, но однажды утром ее друг нашел ее мертвой в комнате. Она совершила суицид, очевидно, какое-то время она его планировала.

Случившееся так скоро после болезненного ухода из семинарии, самоубийство матери, глубоко ранило Констана. Он писал в *L'Assomption de la femme*: «Казалось в то время, что даже вера и надежда меня оставили».

Но каким бы он ни был несчастным, ему пришлось столкнуться со значительной практической проблемой заработка на жизнь. Двадцати шести лет отроду, в своем образе мышления и внешнем облике он все еще священник — вплоть до настоящей тонзуры, которая не по годам рано украшала его затылок. Портрет, (рис.9) который нарисовал его друг в год ухода из семинарии, изображает юношу с непогод суровой внешностью. Холодные, бесстрастные глаза и сжатые губы немного выдавали внутренний конфликт, который мучал его, и скрывали под собой теплый

³⁵ Paul Chacornac, *Eliphaz Lévi*

и великодушный характер. Присутствовало слабое желание казаться денди благодаря аккуратным усам и бороде, немного строгому, но самоуверенному положением головы. Отступающие волосы подчеркивают высокий и благородный лоб. Одинокие детские годы, невзгоды семинарии, надежда только на свои собственные ресурсы — все это отразилось в выражении врожденной стойкости и непреклонности.

Обладатель такого лица, по нашему мнению, никогда бы не избрал такой исход, какой выбрала мадам Констан.

Проблема заработка на жизнь была решена — в течение года Констан преподавал в школе-интернате недалеко от Парижа. Но это был не счастливый год. Констан пишет в *L'Assomption de la femme*: «Я ушел из этой школы, чьи начальники ненавидели меня так же сильно, как любили меня дети, и я впервые оказался в миру, ищущим работу и возможность построить будущее для себя».

На помощь Констану пришел друг ранних школьных лет. Им был Аристи Байоль (Aristide Bailleul), гастрольный актер, который предложил Констану вместе отправиться в тур по французским провинциям. Экс-семинарист согласился и видимо показал себя умелым актером.

Когда тур подошел к концу, Констан вернулся в Париж и вскоре познакомился с Флорой Тристан (Flora Tristan), женщиной, которой суждено было оказать на него глубокое влияние. Жизнь Флоры Тристан подробным образом изложена ее внуком, художником, Полем Гогеном (Paul Gauguin), в его *Avant et Après* (1903):

«Моя бабушка была удивительной женщиной. Прудон (Proudhon) говорил, что у нее был гений. Не зная ее, я верю тому, что он говорит. Она написала несколько книг социалистического мировоззрения, среди которых была книга «Союз работников» (*L'Union ouvrière*). Благодарные работники возвели в ее честь монумент на кладбище в Бордо.

Вероятно, она была не очень хороша в вопросах приготовления пищи. Педантка, социалистка и анархистка, считалось что она вместе с отцом Анфантэном (Père Enfantin) основала профсоюзное движение и некую религию Мапа (Мара) в которой он был Бог Па, а она — Богиня Ма³⁶.

³⁶ Эта история неверна. «Мапа» — фактически это был человек по имени Ганно (Ganneau).

Я не могу отличить факт от выдумки, за что купил за то и продаю. Она умерла в 1844 году. На ее похороны собрались тысячи. Что точно является фактом, так это то что Флора Тристан была очень красивой и статной женщиной. Также я знаю, что она вложила все свои деньги в рабочее дело и с этой целью постоянно путешествовала».

Ко времени, когда Констан повстречал ее, Флоре Тристан было 34 года. Несколькими годами ранее она ушла от мужа, Андре Шазала (André Chazal), от которого у нее было трое детей, и вернула себе девичью фамилию. В сентябре 1838 она была сильно ранена, когда ее муж выстрелил в нее при отчаянной попытке получить опеку над детьми. Несмотря на бедность и постоянные домогательства со стороны Шазала, она начинала делать себе имя как журналистка, и была завсегдатаем литературных и художественных салонов, в одном из которых она и встретила Констана.

Флора была красивой женщиной магнетической индивидуальности, и Констан быстро понял, что пленен ею, хотя мало верил в то, что их отношения когда-либо перерастут во что-то большее. Она же со своей стороны, наслаждалась компанией Констана и видела в нем верного утешителя и друга в периоды ее невзгод. Благодаря влиянию Флоры Тристан Констан принял определенные радикальные политические идеи, которые впоследствии нашли свое отражение в некоторых его работах.

Другим важным другом того периода был Альфонс Эскирос (Alphonse Esquiros), который учился в школе вместе с Констаном. Он был писателем, который впервые привлек общественное внимание своим романом «Волшебник» (*The Magician*), опубликованным в 1838 году. Зная талант друга к рисованию, он пригласил Констана иллюстрировать и помогать с управлением маленьким ежемесячным журналом, под названием *Les Belles Femmes de Paris et de la province*, который он основал с несколькими друзьями. Работа Констана для этого издания и его последующие художественные усилия показывают, что он обладал выдающимся и многогранным талантом к рисованию. Фронтиспис журнала изображает серии полуобнаженных красавиц, амуров, ангелов и элегантно одетых людей, обрамленных тонкими узорами из плавных кривых линий. Для создания такой работы нужна утонченная чувственность, которую сложно ассоциировать с довольно аскетичным священническим образом художника.

Среди женщин, которых Констан нарисовал для журнала, была Флора Тристан. Он так же нарисовал и светскую женщину Г-жу Хирардин (Mme Girardin), в доме которой он встретил Оноре де Бальзака (Honoré de Balzac), который тогда был на пике своей славы. О чем они говорили, неизвестно, но Констан в дальнейшем упоминал о своем восхищении мистическими произведениями Бальзака.

Ниже описанный случай, который Констан описывал в «Истории магии» (*Histoire de la magie*), произошел в компании Альфонса Эскироса:

«Однажды утром в 1839-м году к автору этой книги с визитом пришел Альфонс Эскирос, который сказал: „Давай выразим свое почтение Мапе“. Тогда возник естественный вопрос: „Но кто такой или что такое это Мапа?“ ... „Он Бог, — был ответ ... „Премного благодарен, — сказал автор. — Но я отправляю свои богослужения только невидимым богам“. ... „Все равно приходи; он самый красноречивый, самый лучезарный и великолепный дурак в видимом порядке вещей“ ... „Друг мой, я до ужаса боюсь дураков: их недуг заразителен“. ... „Ладно, самый дорогой (*dilectissime*), и все же я призываю тебя“ ... „Принято, и, впрочем, давай окажем наше почтение Мапе“.

В каморке отталкивающего вида мы встретили бородатого мужчину с величественными манерами, который поверх своих одежд неизменно носил рваный женский плащ, и вследствие этого имел вид нуждающегося дервиша. Он был окружен несколькими людьми, бородатыми и иступленными, как и он сам, в дополнение ко всему этому, среди них была женщина с неподвижными чертами лица, походившая на замороженного лунатика. Образ действий пророка был резок, но все же симпатичен; он обладал гипнотическим взглядом и заразительным качеством красноречия. Говорил он выразительно, быстро разогревался, говоря на свою любимую тему, возбуждаясь и распаяясь до пены на губах...

Дальше стало понятно, что Мапа был приемником Екатерины Тео (Catherine Theot) и Кристофа Антуана Герле (Dom Gerle); и кроме того — такова странная общность безумств — однажды он нам по секрету сказал, что он был Людовиком

XVII, вернувшись на землю, чтобы потрудиться над духовным возрождением, в то время как женщина, которая разделила с ним жизнь, была Марией Антуанеттой Французской. Он в дальнейшем пояснил, что его революционные теории были последним словом в насильственных притязаниях Каина, предназначенных для того, чтобы обеспечить, по воле рока, победу справедливого Авеля. Теперь Эскирос и я посещали Мапа, для того что бы наслаждаться его изысканиями, но наши фантазии были покорены его риторикой. Мы были двумя друзьями по колледжу, как Луи Ламбер (Louis Lambert) и Бальзак, и мы лелеяли общие мечты касательно невозможных самоотречений и неслыханных героизмов. После посещения Ганно (Ganneau) — так на самом деле звали Мапа — мы вбили себе в головы то, что это было бы великим делом- сообщить последнее слово революции миру и запечатать бездну анархии, как Курций (Curtius), бросившись в нее. Наши студенческие причуды породили *Gospel of the People* (Евангелие от Народа) и *Bible of Liberty* (Библию Свободы)».

Ганно, вне всяких сомнений, оказал мощное влияние на Констан, в памяти которого этот причудливый персонаж всегда занимал особое место. В письме, напечатанном в *La France mystique*, Констан, а позднее Элифас Леви, отдал должное интеллекту Ганно, его красноречию и личной силе. До какой степени он попал под воздействие политических взглядов Ганно, остается неясным. Могло быть так, что эти «невозможные самоотречения и неслыханных героизмы» были частью некой мании роялистов, такой, какую демонстрировал Ганно; но для Констан, говорящего о «запечатывании бездны анархии», будучи погруженным в нее — это звучит как софистическое выгораживание взглядов, выраженных в *La Bible de la Liberté* — взглядов, о которых в последствии он имел все основания сожалеть.

Какое-то время Констан был раздосадован нищенскими условиями апартаментов, в которых он вынужден был проживать. Более того, он даже стал испытывать ностальгию по монастырю, и сожаление о том, что оставил священническую карьеру. В конечном итоге, в июле 1839-го, он сдался этим чувствам и ушел в Солемское Аббатство с полной уверенностью оставаться там до конца жизни. Однако вскоре он обнаружил, что аббатством управлял человек, который, казалось, сам себя

назначил аббатом на очень сомнительных основаниях, и был на ножах с местным епископом. Обитателями монастыря были «недовольные священники, несостоявшиеся семинаристы и фанатичные крестьяне»³⁷. Констан по этим причинам оставался в аббатстве всего год. За то время, пока он оставался там, была опубликована его первая книга, антология гимнов под названием *Le Rosier de mai*.

Вернувшись в Париж после ухода из аббатства, Констан стал учителем в духовной школе, в этот же период дало свои плоды знакомство с Ганно, в форме социальнопелимезирующей работы, которую Констан назвал *La Bible de la Liberté* (Библия свободы). Не смотря на все усилия школы и других членов духовенства предотвратить появление этой подстрекательской работы, книга была опубликована в 1841 году Огюстом Ле Галлуа (Auguste Le Gallois), издателем друга Констана, Эскироса. Книга была остановлена еще в день публикации, и обоих, и автора, и издателя привлекли к суду за попытку выпустить книгу, которая проповедует не благочестие и подрывную деятельность. Их признали виновными; Констан был приговорен к восьми месяцам заключения, а Ле Галлуа — к трем. В добавок обоих оштрафовали на 300 франков. Судебное разбирательство вызвало шквал споров в левой прессе, Констан понял, что стал знаменит за одну ночь.

Он отбывал свой приговор в тюрьме Сент-Пелажи (Sainte-Pélagie), в Париже, где находился в суровых и нищенских условиях. Ища утешение в чтении, он впервые наткнулся на работы Сведенборга.

«Это чтиво не произвело на меня с первого раза такого впечатления, какое оно произвело позднее; Оно, мягко говоря, казалось мне непонятым, расплывчатым и странным. Только посредством глубокого погружения в его систематики, и, прежде всего, его философского базиса я смог оценить его бесконечную мудрость»³⁸.

В тюрьме Констан встретил Эскироса, которого поместили туда же за его политические труды. Более того, положение Констана в некотором роде улучшилось благодаря Флоре Тристан, которая уговорила

³⁷ *L'Assomption de la femme*.

³⁸ *Le Livre des larmes*.

свою влиятельную подругу Мадам Легранд (Mme Legrand), организовать для заключенного еду получше и другие небольшие привилегии.

Выйдя из Сент-Пелажи в 1842 году, Констан ощутил, что в прессе стараются не упоминать его имя, и это на некоторое время лишило его возможности зарабатывать на жизнь пером. Ситуация таким образом подтолкнула его использовать иной свой дар — живописи и рисования. Капеллан Сент-Пелажи, который проявлял интерес к Констану, убедил господина Лефевра (M. Lefèvre), викария Шуази-ле-Роа (Choisy-le-Roi), поручить Констану выполнить несколько картин для церкви. Пока Констан был вовлечен в работу, он жил в пресвитерии Шуази, и именно там он приступил к написанию *La Mère de Dieu*.

Но, вероятно, самым важным событием, случившимся с ним в период пребывания в Шуази, было его знакомство с заместителем директора городской школы для девочек. С этой леди он поддерживал интеллектуальную дружбу, которая вскоре переросла в более близкую связь. Поль Шакорнаск (Paul Chacornac), в своей биографии Леви, утаивает ее фамилию «из уважения», и обращается к ней как к мадемуазель Эжени (Mlle Eugénie C) ...

Поведение Констана в Шуази было настолько примерным, а благочестие таким заметным, что Церковь решила пересмотреть свое суждение о нем. Его дело представили Архиепископу Парижа, Дени Огюсту Аффру (Mgr. Affre), который рассудил его благосклонно. Однако Констану все еще не позволено было нести службу в епархии Парижа, по причине того, что скандал судебного разбирательства был достаточно свеж. Тем не менее было решено отослать его в Эврё.

По просьбе Аффре, епископ Эврё, Олье (Mgr. Olier), согласился принять Констана при условии, если он сменит имя и фамилию, которую получил от своей матери, во избежание подстрекательских воспоминаний, которые вызывало имя Констан. Таким образом Констан, приняв имя Аббат Бакор (Abbé Baucourt), отправился в Эврё в феврале 1843-го. Обретя кров в городской семинарии, он стал вспомогательным священником с правом проповеди. В Эврё он возымел немалый успех, и вскоре его проповеди начали восхваляться в местных газетах за их существенность и силу. Но новые преследования не заставили себя долго ждать. Определенные люди, настроенные враждебно против епископа Эврё, и, вне всякого сомнения, завидующие успеху Аббата Бакора, упростили директора *Echo de la Normandie* в выпуске от 22 июля 1843 года опубликовать статью, вскрывающую

то, что Аббат Бакор, по факту являлся Аббатом Констаном, с деталями предшествующей истории, включая и судебный процесс.

Тому последовала публикация в газете двух писем протеста от Констана. Несколько выдержек из *La Bible de la liberté*, так же опубликованных, послужили только в пользу раздувания скандала, который снова окружил автора. После третьего и последнего письма от Констана с попыткой объяснить суть идей, скрывающихся за *La Bible*, директор принял решение закрыть издание.

Однако Констан, по всей видимости, думал, что должен продолжать попытки отбелить свое имя, немного погодя после последнего письма в *Echo*, написал письмо в *Le Courrier de l'Eure*, журнал епископа Эврё, которое содержало своего рода официальное отречение от *La Bible*, и вышло 10 августа 1843-го. Часть его выглядела следующим образом:

«Теперь, для людей мира и религии, которым я должен сказать для того чтобы меня понимали меня правильно: или даже, для святой Церкви, моей матери, которая уже приняла меня в своей милости, и которая, во имя милосердного Бога, простила мои промахи. Повергая пред ее алтарями, мое сердце, разбитое горем, я хотел бы смыть своими слезами память об этой бессмысленной книге, в которой во имя закона мира и добра, я был способен проповедовать беспорядок и насилие. Я отрекаюсь, клеймлю позором и осуждаю, со всей энергией моего сердца и души, эти скверные фантазии, которые, если не назвать безумством, заслуживали бы называться преступлением...»

Несмотря на это отречение, теперь, когда все раскрылось Констан был вынужден покинуть семинарию. Епископ Эврё, который проникся явной симпатией к нему, нашел ему комнату в городе и обеспечил его средствами к существованию. Он также предложил ему священство и пост викария в своей епархии. Но Констан снова отказался. Священство было тяжелым бременем, которое он еще не был готов снести.

В 1844 году, в печати его давнего издателя и друга Ле Галлуа (*Le Gallois*), вышла в свет весьма набожная работа, книга Констана *La Mère de Dieu*. Появление этой книги оскорбило епископа Эврё, который очевидно посчитал ее доктринально неприемлемой и запретил ее для продажи в своем книжном магазине в городе.

Тем не менее Констан не из тех, кто таит обиды, если с ними можно справиться, не забыв доброту епископа к себе и позднее написал: «Из всех проповедников которых я когда-либо знал я предпочитаю его намного больше всех других; в нем по крайней мере я видел дух, сердечность и здравый смысл»³⁹.

По возвращении в Париж, Констан продолжил дружбу с Флорой Тристан, которая стала обращать весьма пристальное внимание на вопросы социализма. Она твердо решила совершить тур по Франции, проповедуя свою доктрину о союзе рабочих, и перед тем как отправится в путь, она оставила Констану грудку записок, сделанных ей собственноручно, с просьбой привести их в порядок и отослать обратно ей с его комментариями. К тому времени, как он справился с поручением, Флора уже достигла Лиона, и он написал ей туда, спросив о дальнейших инструкциях. Ответа он так никогда уже и не получил, а в последствии узнал о том, что Флора Тристан умерла.

Констан должным образом отредактировал и аннотировал рукопись которую ему дала Флора, и она была опубликована в 1846 году под заголовком *L'Emancipation de la femme, ou testament de la paria*. Немного времени спустя, осенью 1844 года, Констан получил приглашение от своей благодетельницы, мадам Легранд (Mme Legrand) приехать и жить в ее доме в Гитранкур (Guitrancourt), Сена-и-Уаза (Seine-et-Oise), для того чтобы быть наставником для ее двух детей, Клариссы и Адольфа. Он с радостью согласился, и спустя месяц после въезда он предпринял важный шаг в отречении от своих святых установок, тем самым ломая обязательства данные Церкви, которым до сего самого времени скрупулезно следовал.

«Я не нарушил их» писал он «До тех пор, пока она не нарушила их в отношении меня, или вернее я нарушил их потому что проповеднические власти освободили меня от моих клятв, отказавшись рассудить моё дело или хотя бы выслушать, попытками подкупить меня деньгами и тем что оставили меня, когда у меня не было никакой другой поддержки кроме своей работы только потому что я категорически отказался отступить от своих убеждений для нее»⁴⁰.

³⁹ *La Verité*, Декабрь 1845.

⁴⁰ *Le Tribun du peuple*, № 3.

Констан оставался с мадам Легранд примерно в течение года, а затем вернулся в Париж, для того что бы опубликовать написанный им пацифистский манифест, озаглавленный *La Fête-Dieu, ou le triomphe de la paix religieuse*. Эта работа была анонимно опубликована в 1845 году. В том же году за ним последовали две другие работы: *Le Livre des larmes*, эссе примиряющее Католическую Церковь и современную философию; и *Les Trois harmonies*, коллекция песен, написанных Констаном. Издатель поздних работ так же поручил ему выполнить иллюстрации для двух книг Александра Дюма, *Louis XIV et son siècle* и *Le Comte de Monte-Cristo*.

Деньги, которые принесли в единичном порядке эти предприятия, были тут же потрачены Констаном на провидение веселых вечеринок с шампанским, к которым у него было сильное пристрастие. Можно вообразить, какого сорта люди приходили на эти события. Среди них могли быть его старые друзья Ле Галлуа и Эскирос, наряду с подборкой журналистов и социальных памфлетистов. Среди гостей могла присутствовать и другая персона, Адель Алленбах, девочка, которая впервые пробудила сердце Констана к любви. Она часто приходила повидаться с ним и продолжала на протяжении всей его жизни считать его отцовской фигурой. Позднее она обрела небольшой успех как актриса, и когда пришло время, счастливо вышла замуж. Другим посетителем мог быть Чарльз Фаувети (Charles Fauvety), эксцентричный мистик, мечтавший найти универсальную религию. В октябре 1845 года он и Констан стали вести ежемесячный политико-культурный обозреватель, *La Vérité sur toutes choses*, которого хватило только на четыре выпуска. В середине этого пестрого набора можно вообразить, как сам экс-аббат разглагольствует на политические темы или поет свои собственные песни. Но в результате этих периодических излишеств, он вскоре был вынужден бедствовать.

Время от времени он будет возвращаться в Эврё, чтобы повидаться со своей подругой Эжени, заместительницей директрисы школы для девочек. Эта женщина обожала Констана, и однажды, зимой 1845 года, они стали любовниками. Но к тому времени другое увлечение, в лице семнадцатилетней ученицы Эжени, по имени Ноэми Кадьё (Noémi Cadiot), завладело Констаном⁴¹. Ни о чем не подозревающая Эжени

⁴¹ *Paul Chacornac*, Eliphas Lévi.

брала Ноэми на воскресные прогулки с Констаном, и впечатлительная юная девушка вскоре обнаружила что попала под его чары. Затем последовала переписка с Констаном, которая продолжалась и тогда, когда она покинула школу. Далее, в 1846 году она стала жить с Констаном в номерах Quai de l'École, который теперь носит название Quai du Louvre. Тогда ей было восемнадцать лет.

Реакцией ее отца на эту ситуацию было требование вступить в законный брак, в противном случае он пригрозил Констану арестом за соращение малолетней. Констан в страхе бесчестия и вне всяких сомнений любя девочку, соглашается и светское бракосочетание случилось 13 июля 1846 года⁴².

Печальные последующие события произошли три месяца спустя, 29 сентября, когда вследствие связи Констана с Эжени, та родила сына. Могло быть так, что обманутая Констаном, она не желала больше снова видеть его; фактом остается то, что сын не увидел отца до самой его смерти (См. Приложение А).

Брак Констана начинался в тяжелых обстоятельствах. Родители Ноэми отказали ей в приданом, и чета в день бракосочетания была настолько нищей, что из еды у них было только несколько картошин, купленных на Пон-Неф (Point Neuf), которые они отнесли домой и пожарили. Но нищета не могла остановить поток слов, истекавший из-под пера Констана. Вскоре после бракосочетания вышла в свет религиозная работа *La Dernière Incarnation*, которому последовал небольшой политический трактат, *La Deuil de la Pologne*. Очевидно наказание, которое он понес за написание *La Bible de la liberté*, не научило его какой-либо осторожности, поскольку в самый год его бракосочетания он опубликовал *La Voix de la famine*, яростную полемику на тему социального неравенства которая вновь заставила его предстать пред судом.

В феврале 1847 года он был осужден за попытку возмутить общественное спокойствие, вызывая презрение и ненависть как между самими классами, так и по отношению к правительству Короля Луи-Филиппа (Louis-Philippe). Несмотря на красноречивую защиту от собственного имени, он был приговорен к одному году заключения и штрафу в 1000 франков.

⁴² Там же.

Таким образом Констан снова оказался в Сент-Пелажи, на этот раз с особым бременем в мыслях, так как он узнал, что его жена беременна. Ноэми, однако, проявила себя как женщина большой отваги и решимости. Она вымолила у властей сокращение приговора её мужу до шести месяцев. В результате, когда в сентябре 1847 родилась их дочь Мари, его освободили.

Следующий, 1848 год, для Франции был одним из самых проблематичных за все столетие. Вслед за побегом Луи-Филиппа и провозглашением республики, в Париже вспыхнули массовые беспорядки, за время которых по примерным подсчетам погибло 10000 человек. Согласно Констану, эта вспышка насилия не обошлась без влияния Ганно (Ganneau). Его теория о том, как началось бедствие, изложена в его *Histoire de la magie*:

«Среди последователей Мапа был нервный и чувствительный молодой человек по имени Собрие (Sobrier); он окончательно потерял голову и уверовал в собственное предназначение спасти мир, спровоцировав величайший кризис вселенской революции. Бунты и беспорядки, происходившие в 1848 году, привели к некоторым переменам в министерстве, и эпизод казался исчерпанным. Бульвары Парижа были освещены, и в воздухе витало довольство. Внезапно на оживленных улицах района Сен-Мартен (Quartier Saint-Martin), появился молодой человек. Перед ним шли два уличных Араба, один нес факел, а другой выстукивал в барабан, призывая к оружию. Собралась большая толпа; молодой человек взобрался на подпорку и начал разглагольствовать. Его слова были бессвязны и сеяли хаос в умах слушающих, но суть была в том, чтобы проследовать на Бульвар Капуцинов (Boulevard des Capucines) и ознакомить министерство с волей народа. Бесноватый повторял свои призывы на каждом углу и теперь маршировал во главе большой толпы, с пистолетом в каждой руке, сопровождаемый факелом и барабаном. Завсегдатаи бульваров присоединялись из простого любопытства, и впоследствии это была уже не толпа, а скопившийся сброд хлынувший по Итальянскому Бульвару. Молодой человек со своими Арабами исчез среди этой суматохи, но перед Отелем Капуцинов над головами людей прогремел пистолетный выстрел. Этот выстрел дал начало революции, а курок спустил дурак.

Всю эту ночь две тележки, груженные телами, объезжали окрестности с факелами; наутро весь Париж был в баррикадах, а Собрание было найдено дома в бессознательном состоянии. Это был тот, кто, не ведая что творит, на мгновение сотряс мир».

Констан бросился в драку со своим обычным упоением, сочиня революционные песни и печатая статьи в левой прессе, агитируя за представительство рабочих в Национальной Ассамблее. Мадам Констан также заинтересовалась происходившими событиями. Она сотрудничала при написании статьи в недолго существовавшем журнале, *Le Tribun du peuple*, была также секретарем в социалистическом обществе, сформированном Констаном, Эскиросом и Ле Галлуа, под названием *Le Club de la montagne*. Она также была членом феминистической организации, *Le Club des femmes*, под руководством Мадам Нибойе (Mme Niboyet), бывшей Сен-Симонисткой.

Для маленького кружка Констана было удивительным событием то, что один из его членов, Эскирос, на самом деле был избран в Национальную Ассамблею в мае 1849-го. В своем новом положении Эскирос, вероятно, обнаружил необходимость поступиться со своими прежними идеалами; это могло стать причиной разрыва дружбы с Констаном, так как после избрания Эскироса эти двое перестали быть близки.

В 1848 году вышел в свет последний социалистический трактат Констана, *Le Testament de la liberté*, который являл собой резюме всех предыдущих его работ на тему социализма. Несколько цитат из этой работы покажут, насколько его политические идеи были связаны с религиозными.

«Теперь готовится четвертая стадия революции: а именно стадия любви. После образов приходят страсти; после страстей — размышление; после размышления — любовь. И именно таким образом царствие Святого Духа, провозглашенное Христом, осуществится на земле. Уже и рабочие Бога расчистили площадку для новых строений. Великие еретики уже сожгли мертвые леса; революционеры с топорами в руках вырубали и выкорчевали старые пни; социалисты повсюду засевают новый мир, мир всеобщего объединения и коммунальной собственности».

Этот отрывок показывает, что Констан не забыл уроки его давнего школьного наставника Abbé Frère-Colonna (Аббата брата Колонны). Для Констана новый социалистический Рай стал синонимичен царству Утешителя.

В следующей главе он дает подсказку, каким путем в дальнейшем надлежало развиваться его религиозным идеям:

«Мы желаем восстановить и универсализировать религиозное отношение посредством синтеза и рационального объяснения символов, с тем, чтобы учредить истинную Католическую Церковь или вселенское объединение всех людей».

Частная жизнь Констана в то время была настолько же счастливой и спокойной насколько проблематичными и насильственными были национальные события. Его дочь была для него постоянным источником радости, а брачные узы казались близкими и надежными. Его супруга, которую он обожал, начала делать себе имя в литературном мире, писала статьи под именем Виньон (Claude Vignon). Она также стала брать уроки у выдающегося скульптора по имени Прадье (Pradier), и благодаря этой связи ее мужу поручили написать две картины религиозного содержания для Министерства Внутренних Дел. Так же в 1850 году от церковного издателя он получил поручение написать Словарь Христианской Литературы (*Dictionary of Christian Literature*), который вышел в следующем году.

Посетители дома Констана неизменно нашли бы его хозяина в одеянии монаха, которое он надевал всякий раз, когда это было возможно — склонность, которая сопровождала его всю его жизнь. В самом деле, с его густой бородой и лысым черепом, он как никто напоминал благожелательного, которым в свое время вполне мог бы стать. Это были счастливые для Констана времена, но им не суждено было продлиться. Определенные события должны были вскоре снова изменить направление его жизни.

Глава 9

НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ ЭЛИФАС ЛЕВИ

С раннего возраста Констана привлекали мистицизм и оккультизм. Его знание Иврита позволило ему вникать в Каббалу, он был знаком с *Sabala Denudata* Кнорра фон Розенрота (Knoth von Rosenroth). Его привлекал Гностицизм и Христианский мистицизм, и он читал работы Бёме, Сведенборга, Сен-Мартена и Фабра д'Оливе. Однако его изучение этих предметов было бессистемным и, следовательно, в его собственных работах можно было бы найти только проблески интереса к оккультизму. Для того, чтобы пробудить дремлющего в Констане оккультиста, необходим был инициатор, и в 1853 году такой инициатор появился в лице польского иммигранта по имени Юзеф Хёне-Вроньский (Hoene Wronski).

Житие Вроньского заняло бы целый том, но основные ее факты таковы. Имя Хёне (Hoene) было по факту его родной фамилией, и он принял имя Вроньский после вступления в брак. Он родился в выдающейся польской семье 24 августа 1778, и с ранних лет получал военное образование. В возрасте шестнадцати лет он стал офицером артиллерии в польской армии, и немногим после был взят в плен пруссаками в битве под Мацеёвицами (Maciejowice). Он был освобожден в 1795, когда русские вошли в Варшаву, и принял ранг майора в царской армии, а позднее повышен до лейтенант-полковника. Однако он продолжал мечтать об освобождении Польши, и сравнительно недолго прослужил с русскими. Подав в отставку, он отправился во Францию с намерением вступить в польскую освободительную армию. Он остановился в Германии, чтобы изучать юриспруденцию, но затем передумал и провел год изучая философию. В 1800 году он вернулся к своему исходному намерению и достигнув Парижа предложил свои услуги генералу Костюшко (Kosciuszko), лидеру польских иммигрантов. Затем, став гражданином Франции, он отправился в Марсель, чтобы вступить в польский легион.

Рис. 7

*Пьер Мишель (Эжен) Вентра (1807–1875),
визионер и основатель собственного культа*

Рис. 8

Жозеф-Антуан Булльян (1824–1893),

самоназванный преемник Эжена Вентра и друг Ж.-К. Гюисманса

Однако в Марселе возникла более соблазнительная возможность. В Париже Хёне познакомился с астрономом Лаландом (Lalande) и предложил тому несколько уточнений к трактату Лаланда касательно его предмета. По предписанию Лаланда, Хёне получил в пользование обсерваторию в Марселе и оставался там с 1803 по 1810 год, проводя астрономические исследования и развивая невероятно сложную математическую теорию вселенной. Весь этот период он имел контакты со всеми ведущими астрономами, геометрами и физиками современности. Но счастливое время подошло к концу, когда он опубликовал первые плоды своих исследований; они по-видимому обидели ортодоксальность марсельского института, которая отреклась от него и заставила покинуть обсерваторию.

Вернувшись в Париж, он окунулся в нищету, которая на протяжении всей его жизни становилась все хуже. Его жена, которая была

приемной дочерью состоятельного владельца газеты Маркиза де Монферрье (Marquis de Montferrier), заболела, и их юная дочь умерла в 1811 году. К тому времени он принял фамилию Вроньский.

Какое-то время он пытался наскрести на жизнь преподаванием в маленькой школе-интернате на Монмартре (Montmartre). Затем в 1812 году его приняли преподавать математику богатому молодому банкиру из Ниццы (Nice), по имени Арсон (Arson). Через несколько месяцев Арсон отказался платить ему оговоренную сумму. Вроньский обратился в суд и проиграл. Тем не менее он успел выручить достаточную сумму денег для того, чтобы опубликовать некоторые свои работы по математике.

После этого эпизода Вроньский провел тридцать семь лет в бессменной нищете. Удивительно как в таких обстоятельствах он поддерживал свою интеллектуальную жизнь, но в течение тех лет он излил четверть потока философских и математических писаний. Он умер в 1853 году и был похоронен на кладбище в Нейи (Neuilly) где его друг, Граф Дюрет (Comte de Durette), воздвиг ему скромный мемориал. Он оставил семьдесят рукописей, которые были каталогизированы его вдовой при поддержке Монферрье, Констана и других.

Констан познакомился с Вроньским в 1852 году и сразу же почувствовал невероятное восхищение им. После смерти Вроньского Констан написал: «Человек, чьи математические открытия, затмили бы гений Ньютона, разместил в этом веке вселенского и абсолютного сомнения, до настоящего времени непоколебимый базис науки одновременно человеческой и божественной. Первое и первостепенное, он дерзнул определить сущность Бога и найти, в этом определении как таковом, закон абсолютного движения и вселенского творения»⁴³.

Эффект влияния Вроньского состоял в примирении нескольких враждующих элементов в мышлении Констана. До сего момента твердый христианин в нем конфликтовал с социалистом, рационалист с мистиком. Работы Вроньского показали ему возможность чудесного синтеза рационализма, религии и веры в прогресс человека. Следовательно, влияние которое оказал Вроньский на Констана носит первостепенную важность.

⁴³ *Revue progressive*, 1 сентября 1853.

Наиболее значительной работой Вроньского была *Messiansme, ou réforme absolue du savoir humain*, которая вышла в свет в 1847 году. Распечатка издателя была преподнесена как «*bureau de messianisme*», что говорит о том, что вероятно Вроньский издал книгу на свои собственные деньги. Если так, то остается загадкой, как ему это удалось, ведь книга выпускалась в огромных красиво отпечатанных фолиантах. Эта книга была посвящена Франции, «в знак благодарности за долгое гостеприимство, которое получил автор в этой благородной стране».

Вроньский определяет «*messianisme*» как объединение философии и религии, и утверждает, что оно приведет человечество к следующим семи итогам:

1. Основанию правды на земле и осознанию абсолютной философии.
2. Следование Святым Писаниям, показанной религии будет окончено и абсолютная религия — а именно параклетизм (*paracletism*) — будет осознана.
3. Следование *априорным* принципам науки будут преобразовано и окончательно установлено.
4. История будет объяснена сообразно августейшим законам свободы.
5. Для того, чтобы остановить политическое страдание наций, откроется наивысшее предназначение государств.
6. Абсолютное предназначение человека будет установлено посредством разума.
7. Ввиду этого августейшего предназначения откроются и предназначения наций.

Этот квазинаучный, квази-религиозный утопизм сильно привлек Констанана.

Другая работа Вроньского, которая проливает немного света на его мысль, Тайное письмо Его Высочеству принцу Луи-Наполеону, Президенту Французской Республики по вопросам Франции и цивилизованного мира в целом (*Secret letter to His Highness Prince Louis-Napoleon, President of the French Republic on the destinies of France and of the civilized world in general*), была опубликована в Мец (Metz) в 1851 году. В этом письме автор излагает Платоническую идею о том,

что, если бы в нашем мире распознавались и действовали только определенные высшие законы, нации осознали бы свои истинные цели и все проблемы и раздор исчезли бы. Вроньский очевидно верил, что эти законы могут быть выражены математически. Искать высший закон, без знания о том, что он делает, означало пасть в хаос революции. «Наполеон, — говорит Вроньский. — Попытался осознать эту цель, в той степени, в которой это было возможно с его новой политической властью, этой мощной властью, которая, под ложным именем деспотизма, остается в целом неправильно понятой». Повторное открытие этой высшей цели принадлежало «как предопределенная миссия Принцу Людовика-Наполеону».

Обрисовав миссию Людовика-Наполеона, Вроньский продолжает, говоря, что существует препятствие, неизвестная причина революционного беспорядка, и предназначение этого «секретного» письма состоит в том, чтобы раскрыть её. Причина возникает, говорит он, из-за непонимания «нашей святой религии» и существует необходимость снова вернуться к писаниям, чтобы вновь открыть истинную природу религии. Он говорит о «высшей науке, обещанную нам посредством прихода Утешителя, этого Духа Истины, который, согласно этому священному и непогрешимому обещанию, откроет нам всякую истину».

Одой из главных тем, волнующих Вронского, было строительство странных машин вечного движения. «К сожалению, — писал Констан в письме. — Эти несчастные машины никогда бы не заработали; потому что медь и сталь, не понимая алгебры, не могли соответствовать данным его исходных проектов». Среди других его изобретений была машина предсказаний, которую он назвал «прогнометр» (prognometre). Это устройство прошло несколько рук после смерти Вроньского, и в конечном счете попало к Констану от торговца поддержанными вещами. В своей корреспонденции он описывал эту конструкцию так:

«Форма как у буквы Шин (Shin) ♪. Двойное ответвление, которое берет начало из основания машины, заканчивается двумя медными шариками, увенчанными двумя треугольными пирамидами; одна представляет божественное знание, другая — человеческое. Исходящие из одного и того же основания и функционирующие вместе, но всегда противопоставленные одна другой, так как гармония может происходить из взаимодействия противоположностей».

Человек может исследовать всю сферу наук; но никогда он не встретит Бога, который всегда будто отступает перед его исследованиями и всегда скрыт под куполом, то есть толщей материальных вещей.

Шар, символизирующий божественное знание, съёмный, и на нем начертано:

ВСЕ, ЧЕМУ СУЖДЕНО БЫТЬ, УЖЕ БЫЛО,
ЕСТЬ И БУДЕТ

Вокруг шара располагаются четыре вырезанных буквы А.В.Х.З...

Из шара поднимаются две сочлененные ветви, к которым прикреплены два маленьких компаса, показывающих пропорцию того, что „над“, того, что „под“ и разворот шара по отношению к неподвижному Зодиаку.

Шар человеческого знания несет на себе пирамиду, на вершине которой со всех сторон начертан видимый знак Соломона; стрелка, указывающая на главный шар, обрывается пентаграммой, символом инициативы и человеческой автономии.

Главный шар, состоящий из двух сфер, одна внутри другой, имеет две степени свободы для направления вращения, одну вокруг вертикальной оси, другую вокруг горизонтальной. Для перехода с одной оси на другую достаточно просто повернуть винт.

Эта философская машина являет собой целую энциклопедию, и внутренний шар покрыт длинными уравнениями, которые, без сомнения, затруднились бы расшифровать лучшие математики Академии Наук.

На колесе, несущем знаки зодиака, сконструированы заслонки, которые открываются и закрываются. На заслонках написаны фундаментальные аксиомы всех наук. Тридцать две заслонки, и на каждой название трех наук».

Под влиянием Вронского, все скрытые оккультные наклонности Константа вышли на поверхность, и он приступил к написанию своего первого магического трактата *Dogme de la magie*. Пока он занимался этим трудом, в его личной жизни произошло печальное событие. Мадам Констан какое-то время общалась с Маркизом де Монферрье, так как в его газете, *Revue progressive*, она печаталась под именем Клод Виньон (Claude Vignon). Ее муж поглощенный своей работой, не заметил,

как развивалась их связь, и был разбит, когда в один из дней 1853 года Ноэми исчезла с любовником, чтобы больше никогда не вернуться.

Чтобы спастись от боли предательства, Констан погрузился в писательство и своим чередом появилась *Dogme*. Она была выпущена под именем, которое он использовал до конца своей жизни: Элифас Леви. Это был еврейский эквивалент двух его Христианских имен. Иногда он так же добавлял и третье имя Захед (Zahed). Аббата Констана более не существовало, и отныне мы будем называть его новым именем.

Весной следующего года после ухода его жены Элифас Леви все еще страдал от боли. Он решил на смену обстановки и отправился в Лондон, где поселился в отеле по адресу 57, Гауэр-стрит (Gower Street).

Казалось, по приезду в Лондон Леви мгновенно влился в общество некоторых наиболее важных английских оккультистов. Едва ли это могло объясняться его зачаточной репутацией в этой сфере. Он привез с собой рекомендательные письма, и это подсказывает нам, что к тому времени международная сеть оккультистов была хорошо налажена.

Он был сильно разочарован своими английскими коллегами, чьи позиции он нашел поверхностными и пустыми. Однако среди английского окружения Леви было и два исключения. Первым был Др. Эшбёрнер (Dr. Ashburner), выдающийся врач и ученый; другим — сэр Эдвард Бульвер-Литтон (Bulwer-Lytton), позднее Лорд Литтон, один наиболее популярных английских романистов и, кроме того, успешный политик. Его знание оккультизма было очевидным из некоторых его работ, в частности его романа *Zanoni*, в котором сплетены вместе несколько магических тем. Заголовком книги стало имя адепта, вокруг которого и разворачивается история. С высот магического успеха он попадает в западню земной любви и в конечном итоге гибнет, принеся себя в жертву своей возлюбленной. Интерес представляет то, как духовный наставник Занони, мастер Мейнур (Mejnour) пытается инициировать юного соискателя, который, перестаравшись, выпивает магический эликсир до того, как был к этому готов, тем самым подвергая себя опасности, лежащей в преддверии иного мира. Литтон распознал в Леви собрата-адепта, и они стали друзьями.

Наиболее важным событием при посещении Лондона, однако, для Леви была его знаменитая эвокация Аполлония Тианского (Apollonius of Tyana). Она полностью описана в *Dogme de la magie* и стоит всестороннего цитирования:

«...возвращаясь однажды в отель, я нашел ожидающуюся меня записку. Записка содержала половину карточки, разделенной пополам на которой я мгновенно узнал печать Соломона. Вместе с ней был небольшой листок бумаги, на котором были написаны вот такие слова: „Завтра, в три часа, перед Вестминстерским Аббатством, вы получите вторую половину карточки.“ Я прибыл на это любопытное свидание. В назначенной точке я обнаружил остановившийся экипаж. Так как я непринуждённо держал в руке карточку, ко мне приблизился пеший человек, и, подав мне знак, открыл передо мной дверь кареты. Внутри была леди в черной одежде, с плотной вуалью на лице. Она предложила мне сесть рядом с ней, показывая мне в то же самое время вторую половину карточки. Дверь закрылась, экипаж тронулся, и когда леди приподняла свою вуаль, я увидел, что это пожилая персона с седыми бровями и черными глазами, обладавшими необычным блеском и выражением. „Сэр“, — начала она, с сильным английским акцентом. — „Я осведомлена о том, что закон секретности строг среди адептов; друг сэра Б-Л⁴⁴, который видел вас, знает, что вас спросили о необычных явлениях, но вы отказали ему в удовлетворении любопытства такого рода. У вас, вероятно нет материалов по этому вопросу; я хотела бы показать вам полностью оборудованный магический кабинет, но заблаговременно должна заручиться нерушимым молчанием с вашей стороны. Если вы не дадите мне такой зарок, я распоряжусь, чтобы вас отвезли домой“. Я дал требуемое обещание, и верно держал его, не раскрывая ни имя, ниместо, ни жилище этой леди, о которой я вскоре узнал, что она посвященная, не самой первой степени, но все же очень возвышенной. У нас было несколько долгих диалогов, в ходе которых она неизменно настаивала на необходимости практического опыта для завершения инициации. Она показала мне коллекцию магических облачений и инструментов, а также одолжила мне несколько редких книг, которые мне были необходимы; в общем, она сподвигла меня предпринять в ее доме эксперимент по полной эвокации, к

⁴⁴ Сэр Эдвард Бульвер-Литтон.

которой я готовился в течение двадцать одного дня, скрупулезно соблюдая правила, заключенные в тринадцатой главе *Ритуала*.

Искус закончился 24 июля; было предложено призвать фантом божественного Аполлония и спросить его о двух секретах, одном, касавшемся меня, и другом, который интересовал леди. Она рассчитывала на участие в эвокации доверенного лица, но этот человек в последний момент занервничал, и, так как для магических ритуалов группа из трех человек и их единство необходимы, мне пришлось рассчитывать на собственные силы. Кабинет, приготовленный для эвокации, находился в башенке; в нем находилось четыре вогнутых зеркала и алтарь с мраморной вершиной, окруженной цепью из намагниченного железа. На белой мраморной поверхности был вырезан и позолочен знак пентаграммы, который показан в пятой главе этой работы; он так же был выполнен в разных цветах на новой белой овчине, натянутой под алтарем. В центре мраморного стола находилась маленькая медная жаровня с углями из ольхи и лавра; передо мной на треножнике находилась другая жаровня. Я был облачен в белое одеяние, очень похожее на ризы наших католических священников, но длиннее и шире, поверх моей головы была корона из листьев вербены, переплетенных золотой цепью. В одной руке я держал новый меч, в другой *Ритуал*. Я поджег два огня из заранее приготовленных требуемых веществ, и стал сначала низким, а затем постепенно повышая голос, читать эвокации из *Ритуала*. Распространился дым, пламя заставило дрогнуть объекты, на которые оно падало, затем огонь погас, белый дым все еще медленно плыл подле мраморного алтаря; я будто почувствовал своего рода дрожание земли, мое сердце заколотилось и застучало в ушах. Я подкинул больше веточек и благовоний в жаровни, и как только пламя вновь вспыхнуло, перед алтарем я отчетливо узрел фигуру человека, размером больше обычного, которая растворилась и исчезла. Я возобновил эвокации и встал внутри круга, который я перед этим начертил между треножником и алтарем. Вслед за тем зеркало, которое находилось за алтарем, будто просияло в своей глубине, в нем вырисовалась бледная форма, которая

увеличивалась, будто постепенно приближаясь. С закрытыми глазами я трижды призвал Аполлония. Когда я вновь взглянул перед собой, я увидел человека, с головы до ног окутанного пеленой, которая казалась больше серой чем белой; он был тощий мрачный и безбородый, и в целом не соответствовал моим предыдущим представлениям об Аполлонии. Я почувствовал аномальный холод, и когда я попытался спросить фантома, я не мог выговорить и звука. Поэтому я поместил руку на знак пентаграммы и направил меч на фигуру, мысленно повелевая ей подчиниться и не пугать меня в силу указанного знака. В след за этим форма стала расплываться и вдруг исчезла. Я приказал ей вернуться, и теперь почувствовал, что-то вроде дыхания возле себя. Что-то коснулось моей руки, державшей меч, и рука тут же оцепенела от холода по самый локоть. Я догадался что меч вызывал у духа недовольство, и я опустил его острие вниз внутри круга. Человеческая фигура мгновенно возникла вновь, но я почувствовал сильную слабость во всех своих конечностях и почувствовал, что упаду в обморок. Я сделал два шага и сел, после чего впал в глубокую летаргию, сопровождаемую грезами, о которых, когда вновь пришел в себя, остались только спутанные воспоминания. Несколько дней моя рука болела и оставалась оцепенелой. Призрак не говорил со мной, но казалось, что предназначавшиеся ему вопросы сами собой нашли ответы в моем сознании. На тот, который интересовал леди, внутренний голос ответил — Смерть! — это касалось информации, о человеке, которую она желала. Что касалось меня, я стремился узнать возможно ли согласие и примирение между двумя людьми, которые занимали мои мысли, и то же непреклонное эхо внутри меня ответило — Мертв!...

Должен ли я из всего этого сделать вывод о том, что я призвал, видел и касался великого Аполлония Тианского? Я не настолько не серьезен и не страдаю галлюцинациями, чтобы верить в это... Я не пытаюсь объяснить физические законы, посредством которых я видел или осязал; я лишь утверждаю, что я действительно видел и что я действительно осязал, что я видел ясно и отчетливо, не во сне, и этого достаточно для того чтобы установить реальную силу магических церемоний».

Леви еще дважды повторял эвокацию Аполлония, и каждый раз переживал тот же феномен. Предостерегая своих читателей, которые могли соблазниться попробовать такие же эксперименты, он в качестве заключения к своему отчету упоминает, что от таких процедур наступает «великое утомление».

Он вернулся в Париж в 1854 году. Вердикт Аполлония о его браке оправдался, так как спустя некоторое время после его возвращения его жена подала на развод и получила его. Брак в конечном итоге был признан недействительным в 1865 году.

Глава 10

МАГ

Осень 1854 года обнаруживает Элифаса Леви живущим в апартаментах на первом этаже по адресу бульвар Монпарнас, 120 (Boulevard du Montparnasse), состоящих из одной-единственной скромной комнаты. Кроме скудной мебели там находился мольберт, так как Леви снова предавался своим талантам иллюстратора, когда времена были тяжелыми. Сообщество Кармелитов в Рю д'Анфер (Rue d'Enfer) поручило ему написать серию картин. Другая задумка — иллюстрировать работы Рабле (Rabelais) — была упреждена, когда появились иллюстрации, выполненные Гюставом Доре (Gustave Doré). Со своими умениями Леви едва ли смог бы соперничать с Доре, и ему пришлось оставить этот проект.

Но скоро литературная работа вновь обрела свое первенство в его жизни. В 1855 году он в сотрудничестве с Чарльзом Фавети (Charles Fauvety) и Чарльзом Леммонье (Charles Lemmonier) основал ежемес-ячник под названием *La Revue philosophique et religieuse*, в котором его задачей были поэзия и статьи о Каббале. Этот журнал просуще-ствовал только три года, но он помог распространить его оккультную репутацию. Вдобавок его произведения *Dogme*, и ее спутник, том *Rituel de la magie* продолжали пользоваться большим спросом и проходили издание за изданием.

Привлеченные его растущей репутацией большое число посети-телей устроили паломничество к его двери. Один из этих гостей в пылу пришел в ранний утренний час, и его стук разбудил Леви ото сна. Он открыл дверь незнакомцу». Это был человек с белыми воло-сами, полностью одетый в черное; его облик выдавал чрезвычайно набожного священника; словом, его вид был достоин уважения». Вот как Леви продолжает свое повествование в *Clé des grandes mystères*:

«Этот духовник имел при себе рекомендательное письмо выра-жавшее следующее:

Дорогой Мастер,

Настоящим представляю вам пожилого ученого, который хочет бормотать с вами Еврейские заклинания. Примите его как я — я имею в виду, как принял его я — избавясь от него, как только сможете.

Всецело ваш, в неприкосновенной Quabalah,

Ад. Дебарроль (AD. Desbarrolles)⁴⁵

«Почтенный сэр, — сказал Элифас, улыбаясь, прочитав письмо, — Я полностью в вашем распоряжении, и не могу отказать пишущим мне друзьям. Получается вы виделись с моим превосходным учеником Дебарролем (Desbarrolles)?»

«Да, сэр, и мне он показался очень любезным и сведущим человеком. Я считаю, что как вы, так и он достойны правды, которая недавно открылась изумительными чудесами и несомненными откровениями Архангела Св. Михаила».

«Вы оказываете нам честь, сэр. Значит, добрый Дебарроль впечатлил вас своей наукой?»

«О, безусловно, он выдающийся обладатель секретов хиромантии; только взглянув на мою руку он поведал мне чуть ли не всю историю моей жизни».

«В этом он достаточно компетентен. Но углублялся ли он в мельчайшие подробности?»

«Достаточно, сэр, чтобы убедить меня своей экстраординарности».

«Поведал ли он вам, что вы когда-то были викарием Мон-Луи в епархии Тура? Что вы наиболее ревностный последователь восторженного Эжена Вентры? И что ваше имя Чарвоз (Charvoz)?»

Это прозвучало как гром среди ясного неба; от каждого из вопросов старый священник вскакивал со стула. Когда он услышал свое имя, то побледнел и выпрямился как пружина.

«Получается, вы и в самом деле маг? — закричал он; — Чарвоз, несомненно, мое имя, но ношу я другое; Я называю себя Ла Параз (La Paraz)».

«Я знаю это; Ла Параз это имя вашей матери. Вы оставили достаточно выгодную позицию сельского викария, и ваш прелестный дом

⁴⁵ Хиромант Адольф Дебарроль.

священника, для того, что \бы разделить беспокойное существование сектанта».

«Слова великого пророка!»

«Сэр, я совершенно верю в вашу добросовестность. Но позвольте мне немного изучить миссию и характер вашего пророка».

«Да, сэр; изучение, полный свет, микроскоп науки, это все чего мы просим. Приезжайте в Лондон, сэр, и вы увидите! Там постоянно устанавливаются чудеса».

«Не были бы вы так любезны, сэр, чтобы прежде всего дать мне более точные и детальные описания чудес?»

«О, сколько угодно!»

И тотчас старый священник стал перечислять вещи, которые весь мир считал бы невозможными, но от которых Профессор Трансцендентной Магии и глазом бы не моргнул.

Вот одна из его историй:

Однажды Вентра, в приливе энтузиазма, проповедовал пред своим неортодоксальным алтарем; присутствовало двадцать пять человек. На алтаре стояла пустая чаша, которую Аббат Чарвоз хорошо знал; Он сам принес ее из церкви Мон-Луи, и он был совершенно уверен, что священный сосуд не имел ни потаенных каналов, ни двойного дна.

«Для того, чтобы доказать вам, — сказал Вентра, — что Сам Бог вдохновляет меня. Он сообщает мне, что этот сосуд сейчас наполнится каплями Его крови под видом вина, и у вас будет возможность вкушать лозу вина будущего, вина которое мы будем пить со Спасителем в Царстве Отца его...»

«Преодолевая изумление и страх, — продолжал аббат Чарвоз, — я подошел к алтарю, взял чашу и заглянул в нее: она была совершенно пуста. Я перевернул ее на глазах у всех, затем я вернулся и преклонил колени у подножия алтаря, обеими руками держа чашу ... Вдруг раздался слабый звук; был отчетливо слышен звук капли воды, упавшей в чашу с потолка, и на дне сосуда появилась капелька вина.

«Я чувствовал на себе взгляды всех присутствующих. Затем они взглянули на потолок, так как наша простая молитвенная проводилась в бедном помещении; в потолке не было ни дыр, ни щелей; падать было нечему, но звук все же множился ... И вино стало подниматься со дна чаши к ее краю.

«Когда чаша была полна, я пронес ее по кругу, чтобы каждый мог видеть это; затем пророк пригубил ее, и все мы друг за другом

пробовали чудотворное вино. Тщетно искать в памяти вкус, чтобы описать ... И что мне сказать вам, — добавил аббат Чарвоз. — О тех чудесах крови, которые изумляют нас каждый день? Тысячи кровотокащих облаток обнаруживаются на наших алтарях. Священные стигматы являют себя всякому, кто желает их узреть. Облатки, сначала белые, затем покрываются знаками и сердцами из крови ... Мыслимо ли, чтобы Господь отказался от своих святейших предметов в пользу ложных чудес дьявола? Не следует ли вместо этого боготворить, и верить в то, что час наивысшего и финального откровения настал?

В голосе Аббата Чарвоза говорившего обо всем этом, чувствовалась нервная дрожь, которую Элифас Леви уже отметил в деле М. Мадроля (M. Madrolle)⁴⁶. Маг мечтательно покачал головой; затем, вдруг:

«Сэр, — обратился он к аббату. — У вас при себе одна или две такие волшебные облатки. Будьте так добры показать их мне».

«Сэр...»

«Они при вас, я знаю это; к чему вам это отрицать?»

«Я этого не отрицаю, — ответил аббат Чарвоз. — Но разрешите мне не подвергать скептической проверке предметы самой искренней и благоговейной веры».

«Почтенный сэр, — серьезно сказал Элифас. — Скептицизм — это недоверие по незнанию и почти наверняка самообман. Наука не скептична. Прежде всего, я верю в вашу собственную убежденность, ведь вы избрали путь лишений и даже укоризны для того чтобы придерживаться этой несчастной веры. Так покажите же мне эти чудесные облатки, и будьте полностью уверены в моем уважительном отношении к предметам искреннего поклонения».

«Что ж, хорошо! — ответил аббат Чарвоз, немного поколебавшись. — Я покажу их вам».

Затем он расстегнул верх своего черного жилета и вынул серебряную шкатулку, перед которой опустился на колени, со слезами на глазах и молитвами на устах; Элифас преклонил колени рядом с ним, и аббат открыл шкатулку.

В ней было три облатки, одна целая, другие две, как клейстер, раскисли от крови.

⁴⁶ Другой ученик Вентры с которым познакомился Леви.

В центре целой облатки было сердце, проявляющееся на обе стороны — это был сгусток крови в форме сердца, который, казалось, сформировался сам по себе невообразимым путем. Кровь не могла быть привнесена извне, так как впитываемое красящее вещество оставило бы частицы на довольно белой поверхности с внешней стороны. Но проявления феномена идентичны с двух сторон. Мастера Магии охватила непроизвольная дрожь.

Элифас Леви был еще больше шокирован, когда аббат показал ему альбом с изображениями других чудотворных облаток, три из которых привлекли его внимание символами, которые были на них изображены. На первой была звезда микрокосма, или магическая пентаграмма. «Это пятиконечная звезда оккультного масонства, звезда, которой Агриппа изображал фигуру человека, голова в верхней точке, четыре конечности — в четырех остальных. Пламенная звезда, которая в перевернутом положении являет собой иероглифический знак козла Черной Магии, чья голова может быть нарисована внутри звезды, два рога в вершине, уши вправо и влево, и борода внизу. Это знак сопротивления и рока. Это козел вождения, атакующий Небеса своими рогами. Это знак призыва проклятий посвященными высокого ранга, даже на Шабаш».

Появление дьявольской перевернутой пентаграммы на святом предмете было бы явным святотатством, но, как отмечает Алистер Кроули в сноске к своему переводу *Clé des grandes mystères*, если знак нанесен на круглую облатку, как он может быть перевернутым?

Вторая облатка несла символ двух переплетенных герметических змеев. «Но головы и хвосты, вместо того чтобы сходиться в двух одинаковых полукругах, были вывернуты наружу, и промежуточная линия символизирующая кадуцей отсутствовала. Поверх змеиных голов кто-то мог видеть роковую V, Тифонианскую вилку, символ ада. Справа и слева, священные числа III и VII были низведены на горизонтальную линию, которая представляет пассивные и второстепенные вещи».

И наконец, третья облатка носила на себе каббалистическую монограмму Йеговы, Йод и Хе, но перевернутые. «Это, согласно докторам оккультной науки, наиболее ужасное из всех богохульств, и некоторыми читается так: „Существует только рок: Бога и Духа нет. Материя — это все, и дух — всего лишь вымысел обезумевшей материи“ .»

Чарвоз также дал Леви описание одеяний Вентры. «Они красного цвета. Поверх лба он носит крест в виде фаллоса; и вся его паства встречает его рукой с зажатými пальцами, кроме большого и мизинца.

«Теперь понятно. Все это является дьявольским в наивысшей степени. И не является ли поистине удивительным это наитие знаков утерянной науки? Ведь это трансцендентная магия, которая, основывая мир поверх двух столбов, Гермеса и Соломона, разделила метафизический мир на две интеллектуальные зоны, первая — белая и светящаяся, заключающая в себе позитивные идеи, вторая — черная и мрачная, содержащая негативные идеи, и которая дала синтез первого, имени Бога, и второго, имени дьявола или Сатаны».

При всей занятости, с которой Элифас Леви был занят оккультизмом, он не утратил вкус к тому чтобы вмешиваться в политику. И вновь у него возникают проблемы с полицией из-за сатирического стихотворения под названием *Caligula*, в котором он провел очевидную параллель между правлением упадочного Римского императора и Наполеона III, критикуя тщеславие последнего, расточительность его двора и его напрасные военные приключения. Результатом стихотворения для Леви стал большой срок тюремного заключения в Мазе (Мазас). Но на этот раз Леви не был настроен делать из себя мученика. Прямо из тюрьмы он написал другое стихотворение, которое назвал *L'Anti-Caligula*, адресовал его Наполеону III, в котором остроумно извинился за сравнение Императора с «монстром античности», однако отметил, что, принимая во внимание то, как негуманно он был схвачен и заключен имперской полицией, это было маленьким чудом, что люди перепутали Императора с Калигулой. Наполеон III был растроган стихотворением и сразу простил Леви, которого и выпустили на свободу.

В начале 1856 года *Dogme et Rituel de la magie* вышли вместе в составе одного тома. Элифас Леви передал авторские права издателю, вдове Гермер-Баилъе (Germer-Baillière), в обмен на 500 франков за каждое новое издание. В следующем году он стал писать для журнала Александра Дюма, *Le Mousquetaire*, для которого написал несколько стихов.

1857 год начался со странного и неприятного события. 3 января Архиепископ Парижа, Сибур (Mgr. Sibour) открывал фестиваль Св. Женевьевы (St. Geneviève) в церкви Сент-Этьен-дю-Мон (Saint-Etienne-du-Mont). Элифас, который присутствовал на церемонии, описывает что случилось в Clé:

«Глава процессии уже вернулся в клирос, Архиепископ подходил к перилам нефа: там было слишком узко для того, чтобы идти в шеренгу; Архиепископ шел впереди, а два гранд-викария несшие края

его риз — позади. Таким образом, грудь священника была прикрыта только скрещенной вышивкой его орария.

Затем те, что шли позади Архиепископа, увидели, как он задрожал, и все услышали, как процессию прервал громкий и ясный голос; но без крика, или ропота. Что было сказано? Казалось что-то вроде: „Долой богинь!“ Но я не думал, что расслышал правильно, настолько невольно и настолько лишенным смысла это казалось. Тем не менее, возглас повторился дважды или трижды; затем кто-то закричал: „Спасайте Архиепископа!“ Другие голоса вторили: „К оружию!“ Толпа, переворачивая стулья и ограждения, разделилась и с визгом бросилась к дверям. Среди воплей и криков женщин и детей, влекомый толпой или еще как-то, я оказался вне церкви; но последнее, на что ему удалось бросить изумленный взгляд, было ужасно и неизгладимо!

Посреди круга, образованного страхом расступившегося окружения, стоял один прелат, все еще опираясь на свой крест, удерживаемый тяжестью своих риз, которые гранд-викарии уже не придерживали, и которые соответственно пали на пол.

Голова Архиепископа была немного запрокинута, его глаза и свободная рука вскинуты к Небесам. Его поза была как на картине Эжена Делакруа (Eugène Delacroix) у Епископа города Льеж (Liège) в сцене его убийства бандитами Дикого Вепря из Арденн (Ardenness); в его жестах выделась вся эпопея мученичества; это было и принятие, и жертва; и мольба за свой народ и прощение своему убийце...

Перед Архиепископом в тени вырисовывалась занесенная рука, словно адский силуэт, в ней был зажат нож. Подбежали полицейские с мечами наголо».

Несколькими днями позже убийца, молодой священник по имени Луи Верже (Louis Verger), предстал перед судом. Читая о судебном процессе в прессе, Леви неожиданно посетил воспоминание, спровоцированное описанием обвиняемого. После того как он увидел иллюстрацию убийцы, у него не осталось никаких сомнений. Убийцей Архиепископа был молодой священник, который годом ранее приходил к Леви с вопросом, как можно получить копию редкого магического труда известного как *Grimoire of Pope Honorius* (Гримуар Папы Гонория), и загадочно объяснял, как он искал «реализации мысли» и должен был «что-то сделать». Присутствовавший при этом Дебарроль исследовал ладонь молодого человека, который отказался назвать свое имя, заключил, что он обладает живым воображением, которому

щедро потакает, что может привести к опасным действиям. Уходя, загадочный посетитель обернулся и сказал: «Вскоре вы кое-что услышите ... Вы услышите, что обо мне говорится».

В качестве постскриптума к этому инциденту, Леви рассказывает, как спустя несколько недель после суда он посетил торговца книгами, специализировавшегося на оккультизме, и что ему ответили по поводу *Grimoire of Pope Honorius*.

«„Его сегодня невозможно найти, — сказал торговец. — Последнюю что я держал в руках я продал священнику за сотню франков“.

„Молодому священнику? И вы помните, как он выглядел?“

„О, превосходно, но вы, пожалуй, должны его лучше знать, ведь он говорил, что виделся с вами, и это я — тот, кто послал его к вам“.

Сомнений больше не оставалось; несчастный священник отыскал роковой Гримуар, совершил эвокацию, и приготовил себя к убийству серий святотатств».

Шесть месяцев спустя после несчастья Леви, которому стало немного лучше, переехал в более просторное жилище на Авеню оф Мэн (*Avenue de Maine*), где ему пришлось прожить семь лет. Здесь он работал над своей *Histoire de la magie*, которая была издана в 1859 году. Он так же продолжал давать уроки оккультизма, но всегда заранее внимательно предупреждал своих учеников, что он не занимается исполнением захватывающих магических подвигов. Тем не менее, несмотря на эти предупреждения, у его учеников иногда возникали трудности с удержанием своей магии в разумных границах. Следующий инцидент описан в корреспонденции Леви.

«Рабочий по имени Морис (*Maugice*), увлекавшийся эвокациями, получил от меня молитву, которую он был проинструктирован читать вечером перед сном, для того чтобы изгнать духов тьмы и приблизиться к духам света. Однажды вечером он ненароком потушил свою свечу, держа эту молитву в руке. Однако бумажка самопроизвольно загорелась, и он мог отчетливо прочитать то, что я написал ... В следующую ночь возле его кровати возник настолько яркий свет, что он проснулся и узнал среди света мой силуэт ... протягивающий руку к нему. Принимая меня за бога или за дьявола, бедняга стал донимать меня, прося о контактах, откровениях и т. д., и я был вынужден указать ему на дверь».

В то время одним из учеников Леви был Доктор Фернан Розье (*Dr. Fernand Rozier*) (1839–1922), который был призван стать

одним из лидеров французского оккультизма. Получив квалификацию доктора, Розье пристрастился к путешествиям и провел семь лет в качестве судебного доктора. После возвращения он возобновил практику в Париже. Позднее он стал одним из основателей движения, созданного оккультистом Папюсом в 1885 году.

Вместе Розье и Леви ставили алхимические эксперименты, один из которых описан в сообщении Розье следующим образом:

«Насколько я помню это было в 1859 или 1860, точная дата мало важна; скажем так, это было давно. Элифас Леви был поражен сходством между пиритами и определенными герметическими фигурами. Этот минерал состоит из кристаллов железистой серы, сгруппированных вместе, слишком напоминая абрикос; все в нем, даже черенок. Это сходство между минералом и фруктом казалось ему ключом.

Кое-что еще больше наводит на мысли: в этом минерале часто находится золото.

В конце концов, существовал лозунг: *Visita Interiora Terrae Rectificando Invenies Occultum Lapidem Veram Medicinam*⁴⁷, заглавные буквы которого составляют слово *Vitriolum*. Это было важным элементом свидетельства: пириты могли бы быть ничем иным, как *первоматерией* (*first matter*), веществом, над которым нужно поработать для получения *философского камня*.

Новое наблюдение добавило новых возможностей. Пирит, оставленный во влажном воздухе, портится, образуя белый порошок смесь железистого сульфата и естественной серной кислоты; открытие было жестоким, когда в один прекрасный день я заметил, что мои запасы стекли в ящик, в котором хранилось мое белье. Последнее пришло в полную негодность, остались одни лоскуты, изъеденные соляной кислотой, купоросным маслом (*oil of vitriol*).

Тем не менее это свойство побудило Элифаса Леви полагать что *первоматерия* так же должна обладать свойством

⁴⁷ Посети внутренние регионы земли и очищением ты найдешь оккультный камень, истинную медицину.

порождать ОГОНЬ. По факту любое окисление излучает тепло; тут имела место разновидность окисления, которая должна давать слабое тепло; это слабое тепло должно быть *слабым огнем (gentle fire)*.

Следуя всем этим рассуждениям, и согласно инструкциям Элифаса Леви, я закупился довольно большим количеством пиритов; я расплыл их часть, которую затем заключил в стеклянную колбу *герметично(?)* запечатанную. Герметичное запечатывание состояло в корковой пробке, уплотненной восковым покрытием ... Было бы лучше запечатать горлышко сосуда гончарной глиной (*glazier's lamb*), но она не была оборудована для этого. Колба была по горлышко погребена в куче пиритов, разломанных на мелкие кусочки, затем все это оставлялось в сторону, до тех пока пириты не разлагались до состояния жидкой мази составленной железистым сульфатом, серной кислотой и остатками пиритов, еще не разведенных; все это занимало несколько месяцев.

К концу этого времени я извлек колбу с оправданным чувством любопытства, и внутри я обнаружил ... порошок пиритов, который я и клал внутрь: не претерпел никаких изменений. Снова философский камень не удалось найти.

Я повторял этот эксперимент несколько раз, изменяя условия, но ни в одном не достиг какого-либо результата — который, я должен сказать, удивил бы меня по меньшей мере».

Однако в один из дней Элифас Леви полагал, что он видел свет, оттененный черным. «Это могло бы означать, что мы прикоснулись к Голове Ворона (*Raven's Head*)⁴⁸. Должен сказать по правде, что я не имел такого удовольствия; я не видел признаков Головы Ворона»⁴⁹.

Сам Элифас Леви предпочитал теоретическую часть алхимии, но он утверждал, что знает секрет трансмутации. «Я владею, — начал он в письме, — некоторыми очень любопытными рукописями

⁴⁸ Согласно алхимической традиции, трансформация материи проходит в три стадии, представленных тремя разными цветами — черным, белым и красным. «Голова Ворона» было аллегорическим термином, выражающим первую или черную стадию.

⁴⁹ *L'Hyperchimie*, № 10, октябрь 1900.

по герметическому искусству, и я имею глубокое знание тайн этой науки. Я видел секрет производства огня, я видел, как формируются два металлических спермия, белый, который походит на ртуть, и красный, который представляется собой вязкое масло, похожее на расплавленную серу. Я знаю, что может быть сделано с золотом, но поверь мне, когда я говорю это я никогда этого не сделаю». Одним из близких друзей Леви был Луи Лукас (Louis Lucas) (1816 — 1863), ведущий алхимик и автор *Roman Alchemique*.

Поздние 1850-е были счастливым временем для Леви. Он имел хорошее признание как оккультист и грелся в лучах любви и уважения в кругу друзей. Его блестящий монахоподобный образ был виден на встречах по всему Парижу. Среди регулярно посещаемых им салонов были и те, что держал его друг, религиозный писатель, Чарльз Фавети (Charles Fauvety) (1813 — 1894), и его жена в их доме на Rue de la Michodière. На этих мероприятиях собиралась весьма любопытная публика, состоящая из философов, литераторов и оккультистов. Фавети и сам когда-то был Сен-Симонистом, и был вовлечен в несколько радикальных смелых публикаций, включая и *La Vérité*, в которой он сотрудничал с Леви.

Одним из постоянных посетителей Фавети был Д-р Анри Фавр (Dr. Henri Favre) (1827 — 1916). Помимо того, что он был врачом и автором нескольких научных и медицинских книг, Фавр так же был оккультистом и умелым астрологом. Его оккультизм был Христианским по ориентации, и одной из его работ был огромный трактат по Библии. Наряду с этим, он был литературным критиком и в одном из своих трудов изложил подробное исследование работ Бальзака.

Другим частым гостем был хиромант Адольф Дебарроль. Когда-то он был учеником Леви, но нервировал мастера своей заинтересованностью в мировом успехе и они перестали быть друзьями. В свою книгу, *Les Mystères de la main*, Дебарроль включил и анализ ладони Леви.

В 1861 году в жизни Леви произошло значительное событие. Убеденный Фавети и другим другом по имени Кобэ (Caubet), он стал франкмасоном. 14 марта он был инициирован в ложу под названием Роза Превосходного Молчания (Rose of Perfect Silence), в которой Кобэ был Почтенным Мастером.

Кобэ вспоминает, что во время своей вступительной речи Леви сделал следующее заявление:

«Я пришел, чтобы вернуть в вашу среду утерянные традиции и точное знание ваших знаков и эмблем, и, как следствие, показать вам цель, для которой ваша организация была сформирована».

В последствии он предпринимал попытки убедить своих товарищей-масонов, что символизм масонства происходил от Каббалы. Но, очевидно, их не убедили его теории. Позднее он оставил общество, и причину своего поступка описал в 1870 году в работепод названием «Книга мудрецов» (*Le Livre des sages*)⁵⁰. Книга состоит из серий воображаемых диалогов между автором и представителями разных вероучений. С «церковником» состоялся следующий диалог:

ЦЕРКОВНИК: Смелее, месье, сорвите свои маски наконец. Вы, безо всяких сомнений, франкмасон, и вам хорошо известно, что франкмасоны были недавно отлучены Папой.

ЭЛИФАС ЛЕВИ: Да, я осведомлен об этом, и с тех пор я прекратил быть франкмасоном, потому что франкмасоны, отлученные Папой, полагают, что они больше не должны терпеть католицизм. Поэтому я оторвался от них, чтобы сохранить свободу своего сознания, и чтобы не связывать себя с их репрессалиями, которые, хотя, возможно, и простительны, но незаконны и определённно алогичны. Потому что сущность масонства — это терпимость ко всем культурам.

В 1861-м Леви посетил Лондон во второй раз, на этот раз в компании своего друга Графа Александра Бражинского (Alexander Braszynsky), практикующего алхимика, чья лаборатория находилась в Замке Борегар (Château de Beauregard) в Вильнёв-Сен-Жорж (Villeneuve-Saint-Georges), в доме госпожи де Бальзак. Как и Леви, граф был другом Бульвер-Литтона (Bulwer-Lytton), и они оба остановились у Литтона в его доме Небуорт (Knebworth), в Хартфордшире (Hertfordshire). Репутация Литтона как оккультиста росла, и спустя десять лет после второго визита Леви его сделали Великим Покровителем общества Розы и Креста в Англии (Grand Patron of the Societas Rosicruciana in Anglia).

Вторым человеком, кого Леви повидал в Англии, был сосланный пророк Эжен Вентра. Леви несколько раз навещался к Вентре в

⁵⁰ Неизданная при жизни, эта книга была выпущена фирмой Шакорнака в 1912.

его апартаменты на Мэрилебон-роуд (Marylebone Road), и однажды вместе с Графом Бражинским принял участие в его «жертвах». Впечатления Леви о личности Вентры даны в одном из его писем:

«Вентра — безграмотный работага, но одарен уникальной возможностью водной стихии. Он мгновенно отражает дух любого человека, приходящего к нему, и тут же воспроизводит мысли людей, которых видит впервые. Таким образом, когда я навестил его в первый раз, я увидел кривошею юридиового с благочестивым нравом ... Как только он услышал мой голос, все его тело претерпело трансформацию; он выпрямился, поднял голову, посмотрел мне прямо в лицо, принял мой тон голоса и выражение, и заговорил со мной так, словно он имел точное представление обо всем, что я знал. Затем он вообще заговорил как настоящий лунатик».

Вскоре после возвращения Леви в Париж, вышел его роман «Волшебник из Медоны» (*Le Sorcier de Meudon*). Эта работа, несмотря на название, имеет очень малое отношение к колдовству. Это беззаботная и отчасти автобиографическая история. Роман начинается в монастыре, в котором молодой новичок Любин (Lubin) только готовится принять свои клятвы, но в голове его появляются и иные мысли. На помощь к нему приходит его приятель, монах по имени Франсуа (François), который изучал медицину. Франсуа, который явно изображает автора, организовывает «чудо», прикинувшись живой статуей Святого Фрэнсиса (St. Francis). Под этой личиной он освобождает Любина от его клятв и взамен женит его на достигшей брачного возраста девушке по имени Марджолайн (Marjolaine). Шалости Франсуа и его осмеяния напыщенного духовенства в итоге вылились в исключение его из монастыря, после которого Франсуа путешествует по всей округе, решая проблемы людей, начиная с лечения своего больного отца. Роман посвящается мадам де Бальзак в память о прелестных вечерах, проведенных в Замке Борегар.

В декабре 1861 молодой англичанин по имени Кеннет Маккензи (Kenneth Mackenzie), который являлся членом Societas Rosicruciana in Anglia, нанес визит Профессору Трансцендентной Магии в его апартаментах на Авеню дю Мен. Причина встречи, которая фигурировала в журнале *The Rosicrucian and Red Cross* за май 1873, стоит подробного цитирования:

«Поэтому утром 3 декабря 1861, я отправился в резиденцию Элифаса Леви по адресу Авеню дю Мен №19. Здание

оказалось красивой, хорошо расположенной постройкой из кирпича, с квадратным садом спереди, красивыми воротами, домиком швейцара и в общем-то хорошими подъездами — здание было трехэтажным. Спросив швейцара, я выяснил что Элифас Леви расположился на втором этаже, первый же этаж занимали офисы всякого рода. На втором этаже я обнаружил узкий проход с четырьмя дверями справа от меня, по-видимому ведущих в ряд небольших помещений. На четвертой двери я усмотрел небольшую карточку примерно в три дюйма в длину, поверх которой были написаны символы на иврите, эквивалентные имени Элифаса Леви (Alphonse Louis); в каждом уголке было по одной из четырех букв, образующих священное слово INRI, а все написанное на иврите было выполнено в трех простых цветах — а именно: красный, желтый и синий.

Было примерно десять утра, когда я постучал, дверь открыл сам Элифас Леви. Это был коренастый румяный мужчина, с ноткой доброго юмора в очень маленьких пронзительных глазах, широким лицом, тонкими, плотно сжатыми губами и широкими ноздрями. Нижняя часть его лица была покрыта густой черной бородой с усами, и я подметил его уши, они были маленькие и острые. Как личность — силен, в одежде — прост и скромен. На голове что-то вроде фетровой шляпы, сдвинутой вперед. Когда он приподнял шляпу, чтобы поприветствовать меня, я увидел, что его голова была частично лысой, его волосы, темные и блестящие, а волосы на той части головы что предназначалась под тонзуру уже частично отросли.

Он извинился за то, что он в шляпе, заявив, что он вынужден ее носить из-за особенностей его прически, мол опасно оставаться с непокрытой головой.

Кратко представившись и предъявив свои верительные грамоты, я стал выражать свое удовольствие от информации, что я подчерпнул от прочтения его работ, и сказал, что миссия моего приезда состоит в том, чтобы узнать состояние его исследований, в той степени в которой ему будет угодно проинформировать меня, и в тоже время дать ему последнюю информацию о состоянии оккультных исследований в Англии. Он ответил, на французском, что язык латинский и иврит — единственные языки, известные ему, что он был очень доволен

принять любого незнакомца, чьи исследования схожи с его собственными, и что он удовлетворен тем, что его работы по Философской Магии снискали ему симпатию многих пытливых умов во всех концах Европы.

Среди учеников Элифас Леви особенно отметил Графа Бражинского, польского миллионера, которому, по его словам, он был обязан за множество рукописей, которыми тогда обладал. Я сказал, что я когда-то делал коллекции с отсылкой на оккультную игру Таро, и что в частности я желал узнать, не предлагали ли ему выполнить намерение, выраженное в *Rituel et Dogme de la Haute Magie* — издать полную колоду карт Таро.

Он ответил, что он полностью готов сделать это — и взял из числа его манускриптов небольшой том в котором, были изображения двадцати одной карты с Нулевой или Дураком, в соответствии с ранними значениями. Эти карты были нарисованы его собственной рукой, и маленький том содержал большое количество символов по Теургии (Theurgia) и Гоетии (Goetia), разное из Ключа Равви Соломона и подобного оккультного репертуара.

На эту маленькую работу (сказал он мне) у него ушло двадцать лет. Он был достаточно добр утверждать, что если у меня было хоть какое-то намерение опубликовать в Англии любую колоду карт Таро, я могу рассчитывать на любую его помощь, и что он предоставил бы мне все с рисунками и инструкциями по их использованию.

После этого предварительного диалога наша беседа приобрела более общий характер, и я впервые отважился оглядеться в его апартаментах.

Комната мала и необычна по форме, и ее размеры кажутся еще меньшими по факту присутствия в ней множества мебели. В укромном уголке позади его письменного стола, находился алтарь с набором позолоченных сосудов, наподобие тех, которые обычно используются в Римских Католических Церквах при службе Мессы. Его покрывала пышная желтая драпировка, а в центре лежал еврейский свиток Закона; выше находился золоченый треугольник с именем Иеговы; на правой стороне этого алтаря находился некоторого рода сервант, так же завешенный драпировкой. Под витриной я заметил манускрипт талисманов, насколько я понял по открытой странице.

Следом шло окно, выходящее на север, возле него располагался письменный стол Элифаса Леви — большой и существенный элемент мебелировки, с полками впереди, заполненными книгами и рукописями. Позади, на стене, рядом с письменным столом и окном, висела картина женщины в человеческий рост, руки ее были прижаты к груди, она поклоняется Священному Слову, которое появилось в виде сияния.

Элифас сообщил мне, что женщина представляла Святую Каббалу. Под картиной находился антикварный диван с красными бархатными подушками. В конце комнаты располагался камин, перед которым находился сложный экран. Каминная полка была загружена рядом ваз массивного вида, в которых были монеты, медальоны и талисманы. На другой стороне камина напротив картины находился меньший шкаф со стеклянными дверцами, увешанный красной драпировкой, с полками выше, на которых были расставлены книги не оккультного содержания. В шкафу я заметил несколько манускриптов, печатных книг, талисманов, стеклянный сосуд для воды голубого цвета, два черепа, и множество других магических инструментов.

Следом за шкафом находилась дверь, поверх которой была подвешена большая каббалистическая диаграмма, которых, как сообщил мне Элифас Леви, в мире имеется всего сто экземпляров. По стенам было развешено множество гравюр и картин со ссылкой на Каббалу. Вся комната была щедро украшена портьерами разных видов, и внешне имела театральный эффект. На одном из сервантов я заметил Египетскую фигурку Изиды, о которой я отозвался, что она превосходна, на что Элифас Леви рассмеялся, и сказал мне что в Париже это предмет торговли, и что по факту это большая банка табака.

Мы много беседовали на предмет Теософии, и Элифас Леви благоприятствовал мне своим наблюдением о форме моей головы сказав, что внешне она соответствует человеку, очень одаренному для таких исследований. Элифас Леви сообщил мне что, если в его книгах может быть открыта какая-то истина — а он думал именно так — они не должны быть отнесены только к его собственной мудрости, но он приходил к различным индукциям в них, опубликованным посредством

комбинаций, представленных двадцатью двумя картами Таро. Он так же упомянул, что эти работы были приготовлены в печать его другом, сам он не обладал необходимой литературной способностью.

В целом мое впечатление от первого визита было в наивысшей степени благоприятным; его манера общения была проста, искренна и прямолинейна. Он говорил со мной о его визите в Англию, отмечая свою неспособность говорить по-английски, на языке которым он тщетно пытался овладеть — он выразил почтение универсальному знанию Господа, затем сэру Эдварду Бульвер-Литтону, хоть и с акцентом. Среди прочих вопросов я спросил его, признавал ли он, как факт, существование средств коммуникации с духами усопших. Его ответ был таким:

„Разбей бутылку масла под водой, на какой бы ни было глубине от поверхности, масса масла будет подыматься к поверхности, в то время как осколки бутылки будут тонуть на дно. Таким образом, — продолжал он. — Я могу понять, что душа, выйдя из тела, под своим духовным удельным весом, подымается в сферы, для которых и была предназначена. Как масло, она всегда остается наверху и не возвращается на землю“.

Я стал убеждать его, что духи могли бы, через рефракцию или отражение общаться с землей, но понял, что в этом вопросе он крайний материалист. Время уже было на исходе. Поэтому я с ним распрощался, назначив продолжение разговора на следующее утро.

В мое второе интервью, следующим утром, он повторил все свои дружелюбные выражения, и продолжал с большим великодушием показывать мне множество манускриптов, и своих собственных, и принадлежащих другим людям. Одной из работ, что он мне представил, была фотокопия печатной книги, заглавная страница которой была ему неизвестна. Она была оторвана; однако это было пророчество прославленного Парацельса, иллюстрированная символическими рисунками, и предрекавшая, на безошибочном языке, первую французскую революцию, восхождение Наполеона, падение Папства, восстановление королевства в Италии, аннулирование временной власти Папы, падение духовенства, и окончательный подъем

окультурных наук, как средств восстановления общей гармонии в обществе.

Формат книги в 1/8 долю листа, книга содержала 32 главы, и копия, которую я видел была одной из тех шести, что были сделаны Графом Бражинским с незаконченного оригинала, который профессор, джентльмен, проживавший в Варшаве, не продал бы Графу, какие бы деньги он ему за нее ни предлагал. Некоторая часть работы процитирована Элифасом Леви в *La Clé des grandes mystères*, на стр. 378 и 99...

Из своих многочисленных вместилищ он достал замечательную Каббалистическую пластину, которую купил на одном из причалов. Относительно этой пластины он сообщил мне что в рукописной записи, в собственности его друга, Графа Бражинского, приписываемой прославленному Калиостро, было сделано предсказание что в девятнадцатом веке возникнет некий человек, который будет способен ясно выразить значение этой пластины, и в рукописи имя человека значилось как Альфонс; это Элифас Леви приписывал себе.

Элифас Леви и я так же беседовали об Уриме и Туммиме, и нагруднике Аарона. При этом Элифас Леви сослался на уже упомянутую маленькую книгу, и показал мне находившуюся в ней иллюстрацию Ковчега Завета, с четырьмя символическими изображениями по углам. Затем он обратил мое внимание на то, что верх ковчега был плоской поверхностью, и что она была достаточно велика, чтобы позволить прямоугольному нагруднику Первосвященника свободно оборачиваться в любом направлении. Затем он сказал мне, что он открыл методику использования Урима и Туммима, и заключалась она в следующем:

Нагрудник Первосвященника, как известно, содержал двенадцать камней, ограненных с шести сторон; на каждой грани было выгравировано одно из семидесяти двух имен Бога. Таким образом Урим и Туммим заключали в себе всю Каббалу. Поместив его поверх ковчега, Первосвященник, вознося молитву просветления, вращал нагрудник вокруг собственной оси, и когда тот прекращал вращаться, Первосвященник наблюдал отражение четырех животных в камне того колена, которого касался вопрос, и, сочетая их с Божественным Именем, давал свои заключения.

В конце концов я расстался с Элифасом Леви с самыми большими заверениями хороших чувств с его стороны, и свидетельством его удовлетворения от осведомленности о современном состоянии магических и других учений в Англии; он повторил мне предложения своих услуг и попросил связываться с ним по поводу любых тем, которые могут представлять интерес для обоих».

Одной из наиболее примечательных историй, которые этот английский адепт увез с собой была вот эта. Однажды вечером Элифас Леви сидел за столом и размышлял о Парацельсе, задаваясь вопросом, почему в писаниях мудреца шестнадцатого века он не смог найти какого-либо упоминания о Таро, поскольку был убежден, что великий человек должен был быть знаком с «Книгой Гермеса». В этих размышлениях он уснул и проснулся в своих снах посреди алхимической лаборатории. Перед ним предстала величественная фигура. Это был не кто иной, как сам Парацельс.

Леви поведал привидению о своем вопросе, и Парацельс ответил. Порывшись в сумочке, висевшей у него на поясе, он достал медный медальон и вручил его Леви. Снаружи вещицы было представлено нечто похожее на фокусника или мага, на первый ключ Таро; на обратной стороне был алфавит.

Показав ему монету, Парацельс кивнул Элифасу, предлагая тому следовать за ним. Минувя улицы Парижа, они наконец пришли в местечко возле Пон-Неф (Pont Neuf), где мудрец указал на точку на тротуаре.

На следующий день Леви, помня сон, отправился на поиски монеты. Проходя вдоль доков Контти (Quai Conti) возле Пон-Неф он достиг места указанного Парацельсом, теперь занятое прилавками с которых торгуют медальонами и монетами. Он поискал среди товаров и там среди множества безделушек он наткнулся на одну, которая была похожа на монету из сна.

Опыта такого рода вполне достаточно для того, чтобы большинство людей поверило в спиритуализм. Все же Леви отказался принимать какое-либо иррациональное объяснение. Как он объяснил Макензи (Maskenzie): «У меня нет сомнений в том, что это исключительное видение может быть объяснено чисто естественными причинами. Я уснул с работами Парацельса в руках — к чему другому

мог обратиться мой разум при таких обстоятельствах? Что касается вопроса о монете, мне было хорошо известно о том, что торговец монетами обычно выкладывает свои товары в доках у моста. Я часто проходил мимо этих прилавков, все же я признаю, что никогда не видел эту монету. Случай для меня необъясним».

Этот закоренелый скептицизм был одним из тех качеств, которое возвысило Элифаса Леви над дилетантами оккультизма. Он осознавал, что в магический мир не входят, глядя с открытым ртом на прекрасно объясняемые феномены. Истинному магу необходимо обычное чутье, равно как и вера.

Глава 11

УЧЕНЫЙ МУЖ

В июле 1861 итальянский аристократ оккультных пристрастий прогуливался мимо книжного магазина в Марселе, и через окно заметил копию книги Леви *Dogme et rituel de la haute magie*. Он купил книгу и вскоре уже стремился связаться с ее автором. Завязавшаяся переписка позднее вылилась в то, что он стал ближайшим последователем Леви.

Этим человеком был Барон Николас-Джозеф Спедальери (Nicolas-Joseph Spedalieri), родившийся в Сицилии в 1812 году, в старинной выдающейся семье. В свои двадцать с небольшим лет он заинтересовался магией и мистицизмом, прочитал работы Сен-Мартена. Позднее он присоединился к обществу Мартинистов в Неаполе. В возрасте примерно тридцати он переехал жить во Францию.

Леви, должно быть, был очень впечатлен Спедальери, ведь одной из первых вещей, что он послал Барону, была копия его рукописной работы, *Clés majeures et clavicules de Solomon*, написанной в 1860. Эта работа была опубликована посмертно в 1896, но в оригинале состояла по большей части из иллюстраций, раскрашенных от руки, большинство из которых в печатном издании утрачено, и ныне не содержит цветных картинок⁵¹. В конце книги есть пометка о том, что рукопись была «скопирована для эксклюзивного и личного пользования Господина Барона Спедальери в октябре и ноябре 1861». Книга содержит некоторые важные данные о доктринах Леви, и позднее я буду обсуждать их более детально.

⁵¹ Оригинала я не видел, но изучил, как я понимаю, достоверную копию, выполненную одним из учеников Леви. Прежде копия находилась в библиотеке Уинн Уэсткотт (Wynn Westcott), выдающегося английского оккультиста и одного из основателей Герметического Ордена Золотой Зари. На момент написания она находится в частной коллекции мистера Джеффри Уоткинса (Geoffrey Watkins).

В одном из своих писем Барону Леви писал: «У меня двенадцать учеников, но не все они находятся в Париже. Из двенадцати четверо, включая вас — мои преданные друзья. Один из этих четверых — доктор в Берлине; два оставшихся — великие польские дворяне. Из этих четверых вы наиболее продвинуты в Теософии; берлинский доктор далеко шагнул в вопросах Каббалы, один из польских дворян — первоклассный ученый в вопросах герметической философии, другой влюблен в науку; и наука превратила его из человека удовольствий, которым он был, в человека долга и разума».

Два польских дворянина о которых говорилось были Граф Александр Бражинский и Граф Жорж-де-Мнишек (Georges de Mniszech). Доктором в Берлине был человек польского происхождения по имени Новаковский (Nowakowski), который пришел в оккультизм через интерес к дервишам.

В другом письме к Спедальери, Леви дает собственный рецепт упорядоченной жизни. «Великое спокойствие духа, великая чистота тела, постоянно даже температура, лучше ниже, чем слишком горячо, сухое и хорошо проветриваемое жилье, где нет ничего неуместного и ничего не напоминает о базовых нуждах жизнедеятельности (мне было бы одинаково стыдно показать умывальник в своих апартаментах, как и если бы я вышел на улицу без штанов), четко организованные приемы пищи, соразмерно аппетиту, для насыщения, а не для пресыщения. Простая и сытная пища; не работать до усталости; умеренные и регулярные упражнения; никогда не позволяй себе перевозбуждения от впечатлений вечером, чтобы обеспечить насколько можно большее спокойствие перед сном».

Трезвая жизнь, рекомендованная Леви, контрастировала с общими настроениями Парижа 1860-х. Вторая Империя находилась в своем крайнем зените. Наполеон III и его красивая Императрица Эжени (Eugénie) задавали тон для веселой жизни, которой Париж упивался. Все же эта пирушка несла оттенок отчаяния, будто страна пыталась не впускать угрожающее громыхание из-за границы, как например Русское подавление польского восстания, в котором братья Бражинские потеряли большую часть своего имущества. Многие люди должно быть понимали, что золотые годы правления Наполеона III не могут продолжаться долго, и стремились отвлечь себя от будущего, как только могли. Одним из симптомов этого настроения был растущий интерес к спиритуализму, и в ранних 1860-х весь Париж говорил о подвигах американского медиума Дэниела Дангласа Хьюма

(Daniel Dunglas Home), чья книга, *Revelations of my Supernatural Life*, была опубликована во французском издании в 1863. Хьюм был незаконнорождённым сыном 11-го графа Хьюмов и горничной из Саутгемптона; Сер Алек Дуглас-Хьюм (Alec Douglas-Home), следовательно, является его внучатым племянником.

Элифас Леви рассматривал Хьюма с презрением, и включил в свою книгу *La Clé des grandes mystères* много нападок на медиума. Ниже приведен анекдот, отражающий поддельный характер утверждений Хьюма:

«Мистер Хьюм ... снова собирался покинуть Париж, тот Париж, в котором даже ангелы и демоны, если бы они явились в любой форме, долго бы не протянули как чудесные существа, и не нашли бы ничего лучше, как на максимальной скорости вернуться в Рай или в Ад, чтобы сбежать от забывчивости и безразличия человеческого рода.

Мистер Хьюм, его вид печален и разочарован, тогда прощался со знатной леди, чье доброе гостеприимство было одним из первых счастливых моментов, которые он вкусил во Франции. Мадам де Б — была очень добра к нему в тот день, как и всегда, и предлагала остаться на ужин; человек-загадка уже было принял предложение, когда кто-то проронил, что они ожидали каббалиста, хорошо известного в мире оккультной науки после публикации книги под названием *Haute magie* («Высокая магия»), мистер Хьюм вдруг изменился в лице и сказал, заикаясь и с видимым конфузом, что он не сможет остаться, и что приближение этого Профессора Магии вызвало в нем несравнимый страх. Любые попытки его успокоить оказались бесполезными. „Я не позволю себе судить человека, — сказал он. — Я не утверждаю, что он добр или зол, я ничего об этом не знаю; но обстановка его присутствия вредит мне; возле него я буду чувствовать себя, так сказать, без силы, и даже без жизни“. После этого объяснения мистер Хьюм поспешил откланяться и удалился».

Конечно же «Профессором Магии», был сам Леви. После изложения этой истории, в виде пояснения Леви добавляет: «Этот ужас торговцев чудесами, в присутствии подлинных посвященных в науку, является не новым фактом в анналах оккультизма».

Продолжая свои нападки на Хьюма, Леви говорит; «Мы далеки от того, однако, чтобы осудить мистера Хьюма в том, что он низкопробный чародей, то есть шарлатан. Прославленный американский медиум мил и естественен как дитя. Он — бедное и сверхчувствительное существо, без хитрости и без защиты; он игрушка в руках ужасной силы, о природе которой он не знает, и первый кого он дурачит, это, безусловно, он сам...

Мистер Хьюм подлжит трансам, которые по его собственному мнению, приводят его к прямой связи с душой его матери, и через нее со всем миром духов. Он описывает, лунатиков Кахагнета (Cahagnet), людей которых он никогда не видел, которые узнаются теми, кто призвал их; он скажет вам даже их имена, и от их имени ответит на вопросы, понятные только вам и призванной душе».

Леви продолжает описывать некоторые странные явления, происходившие на сеансах Хьюма:

«Видимые и осязаемые руки вышли из столов, или как будто бы вышли, из столов; но в этом случае столы должны быть покрыты. Под невидимым должно скрываться некоторое оборудование, как у умнейших приемников Жан Эжен Робер-Удена (Robert Houdini).

Эти руки проявляются, прежде всего, в темноте; они теплые и светящиеся, или черные и холодные. Они пишут глупости, или касаются пианино; и когда они его касаются, сразу нужно звать настройщика, их прикосновение всегда губительно влияет на точность инструмента.

Один из наиболее значительных персонажей в Англии, Сер Бульвер-Литтон, видел и касался этих рук; мы читали написанное и подписанное им свидетельство. Он утверждает, что схватил их и потянул на себя со всей силой, для того чтобы оторвать их от настоящих рук, которым они принадлежат. Однако невидимые руки оказались сильнее английского романиста и ускользнули от него.

Русский дворянин, покровитель мистера Хьюма, чья персона и добрая вера не могут подвергаться какому-либо сомнению, Граф А. В., так же видел и с силой тянул таинственные руки. „Они, — говорит он, — идеально повторяют формы человеческих рук, теплых и живых, но словно без костей“. Схваченные

железной хваткой, эти руки не пытались высвободиться, сопротивляясь, но становились все меньше, и каким-то образом плавилась, так что все заканчивалось тем, что в какой-то момент Граф не ощущал, что вообще за что-то держался.

Другие люди, которые видели их и прикасались к ним, говорят, что пальцы надутые и тугие, и сравнивают их с перчатками из каучука, надутыми теплым и светящимся воздухом. Иногда вместо рук высовываются ноги, но стопы никогда не бывают обнажены. Дух, у которого вероятно недостаток обуви, уважает (по крайней мере в этом конкретном случае) деликатность дам, и никогда не показывает своих стоп, они всегда покрыты одеждой или тканью».

Леви лично присутствовал на сеансах спиритуалиста, что следует из анекдота в письме к Спедальери:

«Я должен рассказать тебе совсем недавнюю историю о медио-мании. Я инкогнито пошел в круг спиритуалистов; юноша не здоровый на вид держал карандаш и писал, словно судорожным движением, угадывая мысли и отвечая на сложные вопросы. Я приблизился к нему, и он написал, что я причинил ему боль. Я приказал ему успокоиться и отвечать на мои вопросы. „Чего ты хочешь от меня? — спросил он наконец. — Скажи, как меня зовут“. Его рука немного поколебавшись написала крупными и немного неровными буквами: Ривоэль (Rivoel). Я был странным образом поражен оттого, что имя совпало с именем, которое дал другой медиум, хотя возможность их знакомства исключена. Я спросил, что могло бы это имя означать, и он наскоро написал:

„Разве ты не знаешь, как читать, глупец?“ — И ниже он написал подпись: „Osphal“.

Это было для меня лучом света. Я прочитал слово наоборот и получил: Leo vir. Теперь главным символом гравюры Лафатера представляющей Alphos, the Marphon of Gablidom, был посвященный, опирающийся на льва. Я хорошо позаботился о том, чтобы не объяснять все это поклонникам Об (Ob), и в их глазах я остался раздавленным под тяжестью, от обиды которую притворный дух адресовал мне. С этого момента

так называемый дух безнадежно бредил и диктовал медиуму фразы, лишенные смысла и полные безумства».

Очевидно, дух распознал присутствие истинного мага в лице Леви, и был расстроен этим опытом, как и Хьюм. История иллюстрирует полную неспособность Леви сопротивляться всякого рода символам, даже если они идут от пера презренного медиума. Как бы там не было, слово, которое дух сообщил Леви, могло иметь перевод или быть анаграммой, полными для него смысла.

Если «торговцы чудесами» вроде Хьюма, старались избежать общества Профессора Высшей Магии, то подлинные искатели эзотерической мудрости продолжали придерживаться его наставлений. Одним из таких был ученик по имени Жан-Батист Питуа (Jean-Baptiste Pitois), политический редактор *Moniteur Parisien*, который пришел к Леви где-то в 1852. Питуа надлежало стать лидером среди множества оккультистов которые шли по следам Леви. Мир знал его под его псевдонимом Пол Кристиан (Paul Christian).

Он родился в Ремирмоне (Remiremont), Вогезы (Vosges), в семье среднего класса, и, как и Леви, с раннего возраста был направлен в священство. В возрасте восемнадцати он оказался в монастыре Траппистов и после года послушничества был готов принять свои клятвы. Однако в последнюю минуту он передумал и продолжил светскую жизнь, став студентом в Страсбурге под руководством его дяди, который служил ректором в тамошней академии.

В 1846-м Кристиан (Christian) отправился на Мартинику (Martinique) где оставался три года. Вернувшись во Францию, он получил пост в библиотеке Министерства народного образования (Ministry of Public Instruction), где ему поручили привести в порядок нагромождение книг и манускриптов, взятых из опальных монастырей. В процессе выполнения поставленной задачи ему на глаза попались несколько работ на запрещенную тему оккультного содержания. Их эзотерический язык сначала озадачивал, а затем очаровывал, так как любопытство повело его все глубже за знание их содержания.

Вскоре он запоем читал все, что только мог получить на предмет оккультизма, и это случилось незадолго до того, как он и сам был готов внести свой собственный вклад в оккультную литературу. Его ранние работы выходили под множеством колоритных псевдонимов: Гортензий Фламель (Hortensius Flamel), Сибилл (Une Sybille),

Рис. 9

Альфонс-Луи Констан в 1836-м. Рисунок одного из его друзей

Рис. 10

Бюст Константа, сделанный Ф.-Ф. Рубандом в 1852-м, за год до того, как Констан взял имя Элифас Леви

Фредерик де ла Гранж (Frédéric de la Grange), Ясный (Lucidès). В конечном итоге он остановился на более заслуживающем доверия имени Пол Кристиан (Paul Christian).

Какое-то время он, баловался политикой левого крыла, председательствуя в Центральном якобинском клубе (Central Jacobin Club) и учредил журнал *Journal des Jacobins*, который просуществовал недолго. В 1853 он женился на итальянке, состоявшей в родстве с сэром Вальтером Скоттом.

В 1854-м он опубликовал работу по астрологии под заголовком *Carmen Sybillum*. Двумя годами позднее сбылось предсказание, которое он сделал в книге, когда у Наполеона III и Императрицы Эжени родился имперский принц. Это сделало ему имя, и вскоре он стал излюбленным астрологом в салонах и при дворе. Некоторое время он жил по соседству с Леви и брал у него несколько уроков по Каббале и Таро.

Наиболее известные работы Кристиана *L'Homme rouge des Tuileries* (1863) и *Histoire de la magie* (1871). Название предыдущей относится к легенде о демоне, который посещал Тюильри (Tuileries Palace) в облике маленького красного человека, с которым предположительно советовался Наполеон Бонапарт и который ответственен за его победы. Он так же упоминается ясновидящей Мадемуазель Ленорман (Mlle Le Normand) в ее книге *Le Petit Homme rouge des Tuileries*.

Книга Кристиана в форме истории о чудаковатом старике, живущем в Париже, в ветхом доме, и рекламирующем себя как «Professeur des Mathématiques cèlestes». («Профессор небесной математики»). Его ценное приобретение — манускрипт о котором он говорил, что это «фрагмент утраченной книги» секретной мудрости. Манускрипт, который полностью копируется и несет в себе основную часть текста, служит для Кристиана проводником для того, чтобы объяснить его особенную и в высшей степени неортодоксальную форму астрологии. Документ представляет на обсуждение своего рода каббалистическую астрологию согласно которой «семь духов, которые обладают своими тронами, планетами Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий и Луна, являются посредниками, через которые вселенский Разум осуществляет свое господство над людьми и вещами». Далее, согласно манускрипту, под этими семью есть еще тридцать шесть низших демонов, соответствующих деканам; те в свою очередь правят

над 360-ю разумами управляющими градусами зодиака. Планеты и знаки связаны с каббалистическими ангелами и ключами Таро.

Система гадания, предложенная Кристианом является ономантической, другими словами она принимает имя человека за отправную точку для построения выводов о его будущем. Гороскоп строится на буквах имени и на цифрах года рождения.

Кристиан был одним из немногих астрологов, практиковавших во Франции на то время. Традиционный вид астрологии, использовавший тщательные вычисления для определения положений небесных тел на момент рождения человека, временно пропал из виду, главным образом по той причине, что в течении века или даже дольше очень мало материалов публиковалось на эту тему, за исключением Англии где происходило возрождение астрологии. Познания Леви в астрологии были поверхностными как показывают его упоминания о предмете.

В *L'Homme rouge des Tuileries* [«Красный человек Тюильри»] появляется следующий абзац:

«Только два человека в Париже читают будущее как открытую книгу.

Для этих двух людей не существовало невидимого мира. Невидимое существует только в пропорции к восприимчивости наших органов.

Первый из этих людей, молчаливый словно орел в своем гнезде, обдумывал в свете своего гения, планы, диктуемые его миссией славы.

Второй, одинокий маг, возрос в изучении беспредельного и медитировал над алгеброй небес».

Орлом в этом абзаце был Кристиан. «Одиноким магом» был Леви.

В 1864-м Леви переехал на Рю де Севр (Rue de Sèvres) номер 155, где ему предстояло оставаться до конца своей жизни. У него было милое трехкомнатное жилье на третьем этаже с видом на сады и заполненное книгами, картинами и эзотерическими атрибутами. Там была кровать, установленная в алькове, увенчанная пышным балдахином на колоннах, прикрепленных к покрытому бархатом уступу; там были портреты Рабле, Вольтера, Руссо и Св. Софии; и на почетном месте, на столе рядом с письменным столом стоял прогнометр Вроньского. Хотя, как упоминалось ранее, к практической магии Леви относился с некоторой

неохотой, тем не менее он кажется осуществлял несколько подвигов полу магического лечения. Один из них описан в письме к Спедальери.

«Ты заешь как сильно я обожаю детей; у меня есть юная соседка одиннадцати лет по имени Мари, белокурая и розовощекая, которая любит меня больше, чем свою куклу. У этого дорогого маленького создания слабые легкие, и она часто кашляет по ночам. Итак, во время холодов, которые мы только что пережили, ее мать, которая положила ребенка спать рядом с собой, услышала ее кашель. Мать была в полудреме; ей показалось что она видела меня у кровати и сказала мне: „Вы, который исцеляете тех, кто болен, избавьте мою малютку от кашля“. Я ответил (само собой в своем сне): „Отлично. Я желаю ей перестать кашлять.“ При этом мать полностью проснулась, маленькая девочка больше не кашляла; она не кашляла ни этой ночью ни в последующие, и сейчас она свежа как роза и весела как белка...

Несколько дней спустя я мгновенно исцелил от головной боли эту же леди (мать маленькой Мари), взяв две ее стопы в свои руки слегка и подув ей на лоб.

Я тронут этим явлением, и я бы очень хотел исцелять таким образом всех, кто болен, но мне хорошо известно о том, что эта сила идет не от меня».

Одной из учениц Леви в то время была миссис Хатчинсон (Hutchinson), жена английского консула в Париже, которая брала уроки у Профессора Высшей Магии дважды в неделю в течение года. Вот что она написала о своем учителе:

«Элифас Леви — единственный человек из всех, кого я знала, который достиг состояния глубокого мира. Его добрый юмор был нерушим, его веселость и живость неистощимы. Его блестящее раблезианское остроумие, глубоко для тех, кто понимал философское значение его слов, равно увлекало и простых людей, которые замечали в них забавные шутки, поддавшись шарму этого любезного человека. Какими бы ни были способности душ, которые приближались к его душе, он ставил себя на один уровень с ними, в то же самое

время, не обманывая себя, возвышал их до уровня, которого они могли достигнуть. Говоря много, никогда не позволяя себе нескромного слова, он в то же самое время проявлял полную откровенность при максимальной сдержанности; его сознание — священническое святилище.

Глубоко привязанный к Католической религии, он говорил мне много раз: „Католицизм — единственная религия, чьи таинства действительны“.

Он посвятил меня в святую Науку без учета моего уровня, без изнурения и напряжения моего ума. Если он видел мою увлеченность идеей он подводил меня к учету противоположной идеи, таким образом, создавая равновесие. Равновесие было его целью до такой степени, что я иногда восставала против очевидных противоречий. Он сохранял свою улыбающуюся серьезность, заставляя меня колебаться между Рассудком и Верой, прекрасно зная, что посеянное таким образом в мое сознание семя принесет желаемый ему плод».

Репутация Леви привлекла к нему не только учеников, но также и очень странных посетителей. Одного из таких Леви описал своем письме к Спедальери:

«Между тремя и четырьмя часами после полудня я услышал, как кто-то стучит в мою дверь легко стукнув семижды, как-то типа: оо-о-о-о-о-о-о. Я открыл, и в комнату со слегка злобной улыбкой вошел хорошо одетый молодой человек видный лицом и фамильярно произнес: „Мой дорогой мсье Констан, я рад найти вас дома“. Сказав это, он как у себя дома прошел в мой кабинет и уселся в мое кресло. „Но, сэр, — сказал я. — Я вас совсем не узнаю“. Он засмеялся „Охотно верю; вы видите меня впервые, по крайней мере в этой форме. Но что касается меня, я хорошо знаю вас. Я знаю всю вашу жизнь, прошлую, настоящую, будущую; она управляется неумолимым законом чисел. Вы человек пентаграммы, и годы, отмеченные числом пять для вас всегда судьбоносны. Вспомните и посудите сами: в 1815-м начинается ваша смертная жизнь, потому что ваша память не простирается далее в прошлое. В 1825-м вы поступили в семинарию. В 1835-м вы покинули семинарию и вошли в свободу сознания. В 1845-м вы опубликовали *La Mère de Dieu*, ваше первое эссе по религиозному синтезу, и вы

порвали с духовенством. В 1835-м вы свободны, оставив женщину, которая поглощала вас и двоила вас. Заметьте, если бы вы остались вместе, она бы вас полностью уничтожила или, как вариант, сошла бы с ума. Затем вы отправились в Англию; а что такое Англия? Это йод современной Европы; вы отправились туда чтобы вновь пропитаться сильным и активным принципом. Это там вы видели Аполлония, печального, раздраженного и измученного, каким и вы были тогда, по сему Аполлоний которого вы видели и были вы; он вышел из вас и вновь в вас вошел и остается там“.

„Вы вновь увидите его в этом 1865-м, но на этот раз красивого, сияющего и триумфального. Естественный конец вашей жизни (за исключением несчастных случаев) отмечен 1875-м годом, и если вы преодолеете этот срок, то проживете до 1885-го. Аполлоний, когда вы видели его, боялся острия мечей, и вы так же, как и он боитесь этого, так как в этот самый момент вы принимаете меня за сумасшедшего, как кого-то, кто пришел однажды с намерением вас убить⁵²; и вы тревожитесь узнать, завершу ли я свое сумасбродное поведение подобным поступком (и тут он засмеялся)“».

Испуганный этими откровениями, Леви спросил его, не дух ли он. На что посетитель ответил:

«Духи суть скорпионы, сосущие трупный яд под надгробиями. Они притягивают к ним мертвецов, но не оживляют их. Скоро земля покроется ходячими мертвецами. Мы находимся в эпохе смерти. Луи-Филипп был Меркурием без крыльев на своих храмах — он имел их лишь на своих ногах, и он пролетел. — Наполеон III суть Юпитер без Солнца; после него придёт хромой Сатурн, король выживших из ума старых дураков и священников, — M. le comte de Chambord (Граф де Шамбор)...»

Выяснилось, что посетителя Леви звали Жулиано Капелла (Juliano Capella). Внешне, «его лицо напоминало портреты Лорда Байрона,

⁵² Это было правдой. В 1862-м с Элифасом Леви пришел увидеться человек; под рукой у него была копия *Dogme et ritual*, а в рукаве — кинжал. Мастер говорил с ним с тихой убедительностью и человек удалился в трепете.

если не присматриваться; у него были очень белые руки, все в кольцах, уверенный взгляд, полный иронии, красные губы и ровные зубы».

Капелла спросил о повторном визите, но Леви, который ощутил конкретную антипатию к этому любопытному индивиду, вежливо указал на дверь, и Капелла удалился, как он сказал, в рискованное путешествие. Больше его не видели.

В июне 1865-го вышла в свет *La Science des esprits*, последняя из книг Леви, опубликованная при жизни. Эта книга закрепила его репутацию среди оккультистов Европы.

В 1865-м будучи гостем миссис де Бальзак в замке Борегар он выздоравливал от серьезного заболевания гриппом. Пока он был там, Леви дал несколько уроков в Каббале зятю миссис де Бальзак, Графу де Мнишек.

С возрастом Леви стал страдать от сильных головных болей, которые полностью выводили его из строя во время приступов. Тем не менее, он все еще принимал множество людей, которые стекались к нему за обучением или советом в оккультных вопросах.

Однажды его посетили два фермера с Джерси, отец и сын, которые утверждали, что подверглись атаке черной магии, сотворенной тремя враждебно настроенными соседями. Вследствие этих атак умерли животные, погибли посевы, и сами жертвы пережили серию личных неудач. Леви их не разочаровал. Он дал им талисман со знаками микрокосма и священными письменами, а также магнетизированную фотографию, по-видимому собственную. Два фермера щедро отблагодарили его и обещали написать ему отчет об эффективности его помощи.

Около двух недель спустя он получил письмо от сына, в котором говорилось, что после ухода от Леви, его отец почувствовал, что две противные силы работают над ним, он воззвал к помощи Леви, и добрая сила тотчас восторжествовала. Были замечены и прочие положительные эффекты, но все же они страдали от злых сил по определенным дням, когда была полная луна, и просил у Леви, дальнейшей помощи которую он предположительно оказал, возможно другой талисман.

В начале 1868-го Леви задумал идею о новой книге по магии и смежным предметам, которая бы называлась *Le Grande Arcane*. Первые две части были окончены в 1868-м, к этому времени его головные боли усилились и вынудили его закрыть свои двери даже для последователей. Однако к концу 1868-го года его состояние улучшилось.

Ближе к концу 1869-го года Леви посетил старый друг, актер Байёль (Bailloul), который годы назад пришел к нему на помощь, предложив ему место в турне, когда тот нуждался и был безработным. Байёль прочитал работу Леви и стал его пылким последователем. Но его энтузиазм привёл Байёля в тупик. Он попытался читать стихи Леви в театрах Руана и Эльбёфа, но ему запретили тогда он стал декламировать их в кафе. Это вызвало вражду со стороны духовных властей, и вскоре он стал объектом диких обвинений, таких, например, что он агитатор под защитой Иудеев (в счет имени его героя). В конечном итоге он прибыл в Париж в надежде на лучший прием.

Байёль — один из наиболее трагичных среди множества странных людей, которые появлялись и исчезали в жизни Леви. Что стало с ним — загадка, так как Леви писал, что однажды он просто пропал без следа.

Глава 12

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Франко-прусская война 1870 года и унижительное поражение Франции стало для Элифаса Леви, который видел Францию будущей спасительницей цивилизации, жестоким ударом. Сидя в своем маленьком убежище полном книг, пока снаружи бушевала война, он писал:

«Дворец Людовика XIV стал домом короля вандалов. Наша сельская местность уничтожена, деревни сожжены, нашу молодежь вырезали, наши солдаты разбиты Пруссией. Париж, некогда центр мира, больше не кажется его частью. Для время от времени громящей пушки на улицах и площадях тишина. Мимо проходят вооруженные люди, одни тихие и печальные, другие поют или вооружены счастьем умирания. При взгляде на них глаза полнятся слезами, ведь большинство из них не вернется»⁵³.

Все же это отчаяние разбавлено фаталистическим оптимизмом.

«Всему этому надлежало случиться, — пишет он. — Любой с суждением или мудростью мог бы видеть приближение этого, и лишь недалёковидные удивляются. Люди как слепое стадо, погоняемое судьбой».

И в другом отрывке он говорит:

⁵³ *Les Portes de l'avenir. Dernières paroles d'un voyant* (1870). Эта ненапечатанная рукопись ранее принадлежала Уинн Уэсткотт, и на момент написания книги является собственностью Джеффри Уоткинса.

«Пруссия говорит нам: „Сила — то что должно превалировать над правом“. И Франция отвечает: „Нет, право — это то что должно превалировать над силой“.

Если все — лишь сила и материя, как хотел бы Доктор Бучнер (Dr. Buchner), тогда Пруссия права. Но если сила есть лишь манифестация всеобщего ума, право существует над и поверх силы, и Франция права.

Когда-то сила может служить и глупости, но истинная и стабильная мощь принадлежит только разуму, так как совершенный разум тождественен слову Бога»⁵⁴.

Во время осады Парижа Леви не жил, а болезненно существовал. Его глаза приняли иступленное выражение, которого я в них до этого еще не видел, когда, указывая на Христа, он сказал мне: «Он сказал мне что пошлет Утешителя: Духа, и теперь я жду Духа, Святого Духа!» Невозможно описать религиозную светимость и глубокую веру которые выражал его вид⁵⁵.

Итак, Леви уверенно ждал Заступника. В мае он выразил свою последнюю волю в завещании. Графу де Мнишек он оставил свои рукописи книги и научные инструменты, включая прогнометр. Более того, особым условием он выделил, что никто не должен прикасаться к его манускриптам, кроме графа, его жены, графа Бражинского и мадам Густаф Гебхард (Mme Gustaf Gebhard). Паскалю досталось право на выбор ненаучных книг Леви, диковинок и предметов искусства (objets d'art). Своей сестре, мадам Полин Босселе (Mme Pauline Bousselet), он отдал свои картины и религиозные предметы, объясняя это тем, что он не мог отдать ей предметы большей ценности «из-за моего свояка» с которым он, по-видимому, имел некоторые разногласия. Его одежды и белье отдали сообществу монахинь на улице Сен-Жак (Rue Saint-Jacques). Все, что осталось от его вещей, надлежало продать, а выручку поделить между друзьями, которые ухаживали за ним в его последние часы.

Старая ученица мадам Жобер (Mme Jobert) посетила его 29 мая и рассудив, что конец близок, вышла за священником. Получив отказ

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *L'Initiation*, Том XVI, № 11, август 1892.

в одной церкви, она отправилась в Иезуитскую церковь на Рю де Севр (Rue de Sèvres) и убедила священника по имени Отец Лежен (Father Lejeune) прийти. Он пришел на следующий день, но ему не удалось войти, и он пришел еще на следующий день, 31 мая, и долго проговорив с Леви, по всей вероятности, даровал ему отпущение грехов.

Приход священника был как раз ко времени, ведь недолгим после его ухода, в два часа дня, Элифас Леви умер.

М. Паскаль организовал его фотографирование на смертном ложе, и похоронная служба проводилась два дня спустя в церкви Святого Франциска Ксавьера (Saint-François Xavier), на Бульваре Инвалидов (Boulevard des Invalides). Погребение происходило на кладбище Иври (cemetery of Ivry). Вокруг могилы собралась небольшая группа приверженцев, и слово было предоставлено другу Леви, Генри Диролю (Henri Deurolle). Он говорил о мужестве Леви отвергнувшем свое священство, о его личном милосердии, о его попытках объединения науки и религии, и о великих писаниях, которые он оставил. Панегирик заканчивался следующими словами:

«Прощай Констан! Искренняя и верная душа, которая не знала милосердия к себе, но давала его другим с достоинством; покойся с миром и пусть искреннее горе твоих друзей будет свидетельством вакуума, который ты оставил в них своим уходом.

Прощай! Прощай! И возможно до свиданья (*au revoir*)!»⁵⁶.

⁵⁶ Paul Chacornac, *Eliphas Lévi*.

Глава 13

ЭЛИФАС ЛЕВИ: ОЦЕНКА

Поколение оккультистов, которые следовали за Леви, считали его своим ориентиром и мастером. И его имя почиталось не только во Франции. Кеннет Маккензи (Kenneth Mackenzie), как мы видели, прибыл в Париж чтобы сидеть у его ног, Макгрегор Мазерс (MacGregor Mathers) называл его «великим каббалистом», а Алистер Кроули думал о себе что он реинкарнация Леви. Все эти люди в разные времена были вовлечены в Герметический Орден Золотой Зари, который возымел сильное влияние на развитие оккультизма на Западе. Леви таким образом может рассматриваться как одна из ключевых фигур в истории современного оккультизма.

Должно быть, однако, много людей, которые, зная о позиции Леви в оккультном пантеоне, прочитали его работы с чувством крайнего разочарования. Многое из того, что он писал — высокопарно, путанно и безыскусно. Читатель, который храбро встречает хаос писаний Леви, вскоре оказывается сбитым с толку противоречиями, которые окружают этого человека и его работу. Он успешно мог быть радикалом и в то же самое время традиционалистом, рационалистом и верующим в сверх-рациональное, оккультистом и ортодоксальным католиком. Его писания изобилуют видимыми несоответствиями. Пытаться извлечь связанное учение из книг Леви — это все равно что подгонять друг к другу элементы головоломки, которые постоянно меняют форму и цвет. Уэйт (A.E. Waite), один из главных экзегетов Леви и так же член Золотой Зари в итоге сдался в отчаянии, заключив, что его писания представляют собой «меняющиеся настроения блестящего разума без определенной опоры, вне гипотезы для объяснения некоторых явлений»⁵⁷. Но для того

⁵⁷ Биографическое Предисловие к *Трансцендентальная магия, Это Доктрина и Ритуал* (*Transcendental Magic, Its Doctrine and Ritual*).

чтобы оценить Леви, необходимо понимать, что он не в одно мгновение развил свою оккультную философию; он эволюционировал, прокладывая себе путь сквозь туманы, пересекая опасные моря — и нет ничего удивительного в том, что он несколько раз менял курс. В конечном итоге он преуспел, найдя, если не опорную точку, то метод. Но перед оценкой его вклада в оккультизм мы, в свою очередь, должны рассмотреть два других аспекта Леви: радикальный полемист и литературный стилист, каждый из которых ждет скромного признания.

Как радикальный мыслитель Леви не предоставлял очень уж оригинальных идей. Но он разными путями опережал свое время и отличался от многих своих соратников-социалистов в строгом следовании католицизму и в попытке основать свою политическую философию на христианских принципах. Хотя он не был в силах построить глубокую политическую теорию, он обладал способностью видеть определенные истины и выделять их кратко и содержательно. Например, в *Les Portes de l'avenir* («Двери будущего»), он говорит: «Свобода, Равенство, Братство! Три слова, которые вроде бы сияют, но по факту скрыты в тени! Три истины, которые вместе вышли из троичной лжи! Ведь они разрушают одна другую. Свобода требует неравенства, а равенство есть процесс выравнивания, который не позволит свободы, потому что головы, возвышающиеся над другими, должны быть впихнуты в середину. Попытка совместить равенство и свободу порождает бесконечную борьбу ... что делает невозможным братство между людьми».

Когда, однако, речь заходит о составлении какой-либо политической программы, Элифас Леви становится наивным и экстравагантным. В *Les Portes de l'avenir*, он рекомендует серию реформ, включая следующее:

«Эти публичные скандалы больше допускаться не будут.

Эти женщины без имени, которые живут праздною и расточительною жизнью, должны исправляться в коррекционных домах.

Честные женщины должны защищаться законом и должны приниматься на любую работу, которую они способны выполнять, так же, как и мужчины, с тем, чтобы им больше не приходилось искать выход в проституции.

Людей, живущих проституцией должно заключить в тюрьму.

Смертная казнь должно заменить более долгим и жестким наказанием: пожизненным заключением в темной дыре без человеческих контактов и только на хлебе и воде.

Должен существовать союз всех народов, а разногласия между нациями должны решаться не войной, а судом.

Люди, доведенные до попрошайничества, должны быть судимы: если это произошло по их собственной вине, то они должны помещаться в тюрьму, если же они попрошайничают по вине других, то Общество должно компенсировать им это».

Помимо в некоторой степени не гуманного предложения о замене смертной казни, некоторые из этих идей совершенно невозможно претворить в жизнь. Некоторые из рекомендаций Леви, однако, более разумны и дальновидны. Он говорил, например, о том, что начальное образование должно быть бесплатным и обязательным. Он говорит так же о том, что избрание церковных сановников должно происходить по всеобщему одобрению — очень революционное предложение, исходящее от того, кто исповедовал строгое послушание Папе.

Les Portes de l'avenir конечно была написана ближе к концу его жизни. Его ранние работы на политическую тему, такие как *Le Testament de la liberté*, содержат очень мало политически конструктивных мыслей и больше риторических. Они больше представляют собой пылкую реакцию на несправедливость, нежели последовательную политическую философию. Тем не менее, они помогли активизировать движения за реформы в то время, когда они были наиболее необходимы, и тот факт, что Леви трижды побывал в тюрьме за свои взгляды, показывает его искренность.

Качество его литературного стиля так же беспорядочно, как его политическая мысль; от пустого многословия до мощи и простоты. Нет сомнения в том, что худшим из его творений является попытка писать в сенсационной манере об оккультных вопросах. Следующий абзац из 18 главы *Rituel de la haute magie* [«Ритуал высокой магии»], тому пример:

«Познаем случившееся в Фессалии, стране волшебства. Тут Апулей отвлекал внимание, как компаньоны Улисса, и претерпел унизительную метаморфозу. Тут все магическое — птицы что летят, насекомые жужжащие в траве, даже деревья и цветы. Тут в лунном свете варятся зелья, вызывающие

любовь; тут ведьмы придумывают заклинания, чтобы оставаться молодыми и прелестными как Хариты. О берегитесь, молодые люди!»

Такого рода высокопарное излияние контрастирует с некоторыми пассажами из его последующих философских работ, в которых подлинное благочестие отражается в чистой и нетронутой прозе отмеченной умелым использованием парадоксов. В *Libres pensées sur des idées nouvelles* [«Свободные мысли о новых идеях»⁵⁸] он пишет:

«Благочестивый человек может совершать ошибки и даже преступления, потому что он знает, как искупить их с величием: неблагочестивые люди делают все бесплодно и бесчестно. Существуют мириады подлых честных людей, которые не стоят и одного благородного мошенника».

Но этих вспышек откровения и литературного качества было недостаточно для того, чтобы Леви обрел какую-либо прочную значимость как писатель. Помнить его будут как оккультного философа, и именно в этой области он становится тем, кого чрезвычайно сложно оценить. Был он, как выразился Уэйт, «оккультным философом для которого не было оккультизма»?⁵⁹ Или имел ли он подлинное учение?

Одна из вещей от которой недоумевает Уэйт — это частая настойчивость Леви в том, что его оккультная философия основывалась на вере, науке и разуме — комбинация, которая Уэйту казалась несовместимой. Но Леви в *La Clé des grandes mystères*, в части 1 главе 3 объясняет свою позицию достаточно ясно:

«Вера, будучи стремлением к неизвестному, нуждается в одном-единственном объекте — Тайне.

Для того, чтобы сформулировать свои стремления, вера вынуждена заимствовать свои стремления и образы из известного.

⁵⁸ Я изучил эту неопубликованную работу в форме рукописной копии, сделанной неизвестным лицом с манускрипта, который принадлежал Уинн Уэсткотт, в библиотеке Золотой Зари.

⁵⁹ Биографическое Предисловие к *Трансцендентальная магия, Доктрина и Ритуал*.

Но она специализируется на использовании этих форм, располагая их вместе таким образом, который при известном порядке вещей невозможен. В этом заключен глубокий смысл для очевидной абсурдности символизма...

Формула тайны неизбежно исключает ту самую разумность этой формулы, поскольку она заимствована из мира известных вещей; ведь если кто-то поймет ее, это будет выражать известное, а не неизвестное.

Тогда она будет принадлежать к науке, а не к религии, иными словами — вере.

Объект веры — это математическая проблема, чей x ускользает от операций нашей алгебры.

Абсолютная математика доказывает только необходимость, и впоследствии существование этого неизвестного, которое мы представляем непереводаемым x .

Таким образом в системе Леви существует пространство и для веры, и для науки, при условии, что каждая признает свою истинную область.

Уэйт был в равной степени озадачен исповедуемым Леви послушанием католической церкви, но тут у Леви снова имеется тонкая защита своей позиции. В своем предисловии к части первой *La Clé des grandes mystères* он утверждает, что между известным и неизвестным всегда будет зазор, который наука не сможет покрыть. Человеческий род нуждается в акте веры, чтобы осмысленно навести мост через эту пропасть. Но вера должна быть направлена так, чтобы дать человеческой жизни моральное значение и цель, а для этого «необходимо иметь абсолютное и неизменное утверждение догмы, оберегаемой уполномоченной иерархией. Необходимо иметь действенный культ, предлагающий вместе с абсолютной верой существенную реализацию символов веры. Священство, говорит Леви, которое является хранителем этой догмы, должно уважаться.

«Священник, *quia*⁶⁰ священник — это всегда представитель Бога. Недостатки или даже преступления человека

⁶⁰ «И только». прим. ред.

Рис. 11
Элифас Леви в 1862 году.

не принимаются во внимание слишком пристально. Когда Александр VI освящал своих епископов, не заключенный возлагал на них руки, а Папа ... Везде и во все времена существовали лжецы и преступники, но в иерархической и божественно уполномоченной Церкви не было никогда, и никогда не будет ни плохих пап, ни плохих священников. „Плохой“ и „священник“ — это оксюморон».

Это, конечно, очень опасная доктрина, и кажется, что Леви не верил в нее беззаветно. Такое впечатление, что в своих писаниях он представляет некоторые варианты для общественного потребления

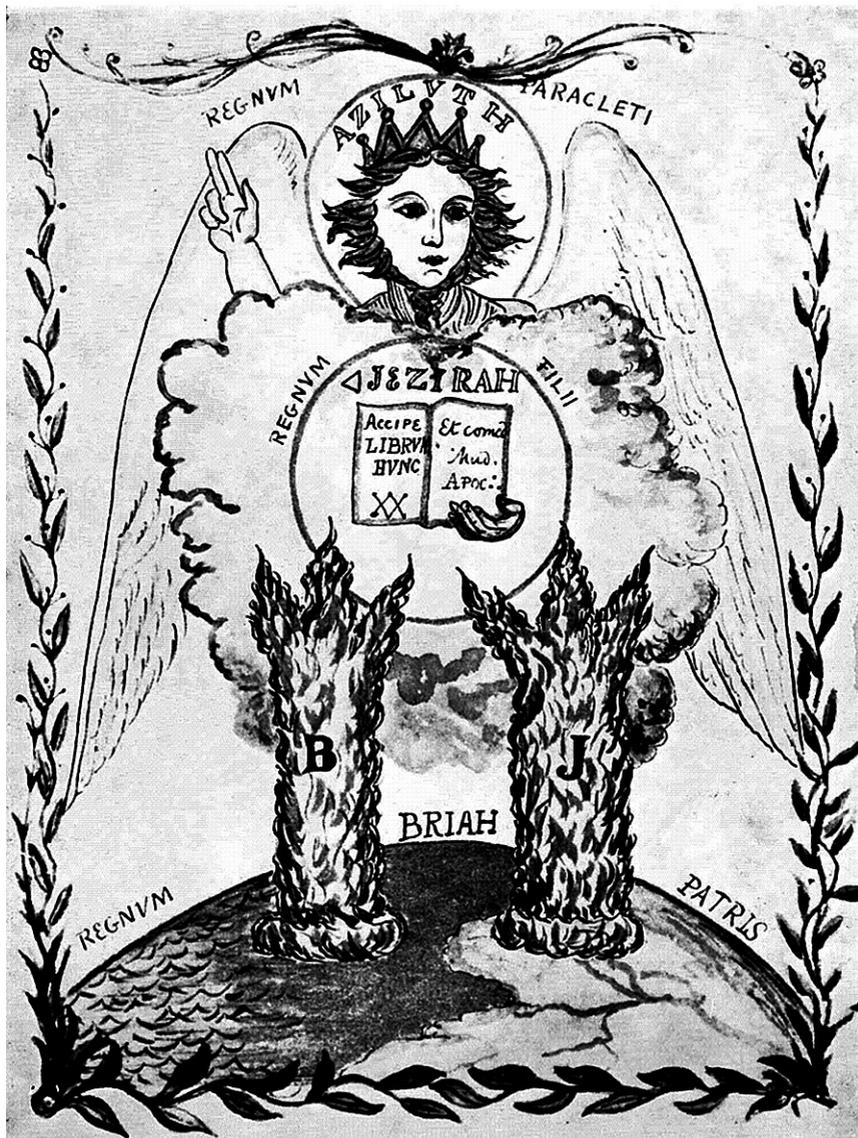

Рис. 12

Обложка книги Леви *Clés majeures et clavicules de Salomon*, изображающая Апокалиптического ангела. Копия с оригинала, выполненного Леви собственноручно

и утаивает остальные, которые могут оказаться опасными для непосвящённого. В некоторых своих рукописях он критиковал Церковь и также выражал свое уважение другим религиям. Ключ к его действительной точке зрения следует искать в *Libres pensées sur des idées nouvelles*, где он говорит о существовании внешней и внутренней стороны морали. Внешняя мораль — это соблюдение законов и обычаев; внутренняя мораль — это пиетет, который, по его словам, «абсолютно не зависит от религиозных формул и предписаний священников». Соблюдение внешних форм религии бесполезно без внутренней составляющей.

Но Леви всегда был осторожен, приходя к идеям, которые могли конфликтовать с Католицизмом, и в том была его специфическая хитрость — внешне кланяться ортодоксии, а на деле быть открытым для любого мнения, которое он хотел исповедовать. Хорошим примером будет абзац из второй главы *Rituel*.

«Я знаю, что Христианство всегда пресекало Церемониальную магию и запрещает эвокации и жертвоприношения старого мира. Поэтому мы не намерены предоставлять новое основание для их существования, открывая их античные мистерии после того как они упустились столько веков... С точки зрения колена Левия использование Высокой Магии должно рассматриваться как узурпация священства; эта же причина вызвала запрет на Оперативную Магию всеми официальными культурами. Чтобы наглядно показать настоящие основы чудесного и творить его по своему желанию, необходимо упразднить для ума простолудина это убедительное доказательство от чудес, на которое каждая из религий заявляет свои права, как на эксклюзивную собственность и последний аргумент».

Этот абзац в высшей степени двусмысленен. Читающий его священник, вероятно, был бы убежден, что автор разделял ортодоксальную точку зрения и отвергает церемониальную магию. Но на самом деле Леви кажется говорит следующее: все так называемые чудеса случаются вследствие вполне объяснимых феноменов. Этими феноменами может управлять любой, кто знает магические техники. Таким образом, для посвященного, магия — это чудесная демонстрация единения всех религий; но непосвященного человека она бы привела лишь к отказу от своих личных верований. Таким образом,

для адепта благоразумно не открывать самые сокровенные секреты магии для публики.

В своих письмах к Спедальери Леви меньше осторожничает, выражая свои взгляды на ортодоксальную религию и Католическую Церковь. Следующее письмо особенно откровенно:

«Я не в состоянии понять, как наш разговор может в другой день заставить тебя бояться суматохи реакционного Католицизма, или, больше, какое отношение имеет великая книга *Zohar*, которую я тебе читал, к четкам, которые ты уже почти боишься использовать. Я должен где-то иметь четки или что-то другое; это игрушка, приемлемая для детей. Церковь дает их вместо книги тем, кто не умеет читать, и тем, кто опасается думать. Ты из их числа? С чего бы? Четки — это бусинки молитвы; они представляют собой снисхождения Церкви для малых, престарелых и для идиотов, которые делают все что могут, верх знаний которых в том лишь, чтобы постоянно заикаться в ухо Бога, как дети по слогам; папа, мама. Не краснея, даже с трогательными слезами я могу присоединиться к почти блеющей молитве этого стада инвалидов и малых сих. Четки угрожают не больше, чем *гримуар*, и я не считаю эти воззрения отсталыми или противоречивыми».

Для Леви внешние атрибуты ортодоксии играли роль удовлетворения массовых религиозных нужд. Но избранные, которые имели ум и смелость пожелать шагнуть за узкие границы догмы, могли бы обойтись без них.

То, насколько сам Леви знал магическую традицию, всегда было темой диспутов. Судя по его опубликованным работам, кто-то легко мог заключить что, он почти ничего не знал и прикрывал свое невежество тем, что сохранял облик обладателя секретов и осторожничал; но изучение того, что он писал своим последователям и внимательное чтение печатных работ показывает, что он действительно имел своего рода учение.

Большинство того, о чем писал Леви, основывалось на ходовых идеях западного оккультизма, изложенных в работах таких писателей как Тритемий, Парацельс и Корнелий Агриппа. В его работах могут встречаться все традиционные взгляды на основы магии: что человек — это микрокосм вселенной; что все вещи связаны друг с другом сетью

внутренних соответствий; что на разных планах обитают сущности, которых можно вызывать и которыми можно манипулировать посредством знаков и талисманов. Но Леви не очень строго придерживался традиционной доктрины. Он был довольно таки готов изменить ее там, где это соответствовало его идеям. Например, традиционный каббализм считает, что существует четыре мира, происходящих от Бога, в следующем порядке по нисхождению: первым идет Ацилут (Atziluth), мир эманаций; второй, Бриа (Briah), мир создания; третий Йецира (Jetzirah), мир формирования; и четвертый, Асия (Assiah), мир делания, в котором мы живем. В главе 3 книги *Doctrine* Леви прибегает к верному порядку: «Евреи называют эти три серии степеней в прогрессе духов [от нижнего к высшему], АСИЯ, ЙЕЦИРА, БРИА ... Высший круг назывался АЦИЛУТ». Но на фронтисписе к *Clés majeures et clavicules de Salomon* Леви показывает Бриа в нижнем мире, Йецира над ним и Ацилут на самом веру, совсем не включая Асия. Должно быть, это было осознанное отступление от ортодоксии, потому что письма Леви к Спедальери показывают, что он был хорошо знаком с главными каббалистическими текстами. Еще одна интересная точка, в которой он отходит от традиционного каббализма, открывается в письме к Спедальери, содержащем следующий абзац:

«Слово, что ты не смог прочесть в одном из моих предыдущих писем, это наука — знание. Это первый из даров Святого Духа, он соответствует вере в перечисление семи Христианских благодетелей.

Ты знаешь, что Знание не является одной из Сфирот, но является зеркалом, в котором концентрируются лучи от всех их. Оно зовется Даат (Daath)».

Письмо содержит рисунок дерева жизни, изображающий Сфиру Даат, расположенную в центре бездны, между первой и второй триадами. Чем еще интересен этот абзац, так это, тем что Даат не выделяется старыми каббалистическими писателями и не особо большую роль играет в традиционной системе, считаясь «ложной сфирой». Однако современные оккультные группы, пользующиеся Каббалой, делают на нее большой акцент, и это может идти от Леви.

Но самой поразительной инновацией Леви было соединение Каббалы и Таро. Современные оккультисты настолько принимают

это соединение как должное что существует тенденция забывать, что эти два явления никогда исторически не пересекались. Кур де Жебелен не упоминает Каббалу в своем разделе о картах; и Эттейлла, несмотря на то что он был практиком и Каббалы, и Таро, не предпринимал каких-либо систематизированных попыток соотносить их. Леви, судя по всему, был первым. В своей *Doctrine et rituel de la haute magie* он соединяет двадцать два козыря с двадцатью двумя буквами Еврейского алфавита и четыре масти с четырьмя буквами тетраграмматона или Имени Бога и десять нумерованных карт каждой масти с десятью Сфирот. В двадцать второй главе книги *Rituel* он насмехается над поверхностностью работ Эттейллы, а затем продолжает:

«Истинные посвященные, которыми были современники Эттейллы, например, Розенкрейцеры и Мартинисты, обладали истиной Таро, что доказывает работа Сен-Мартена, где возникают многочисленные разногласия из-за Таро, а также эта цитата от врага Розенкрейцеров: „Они претендуют на обладание книгой, из которой могут учиться всему, что может быть открыто из других книг, которые существуют или которые будут написаны когда-либо в будущем. Эта книга является их мерилем, в котором они находят прототип всего что существует, благодаря возможностям для анализа, которые она предлагает, построения абстракций, формирования классов интеллектуального мира и создания всех возможных вещей. Смотри философские, теософские, микрокосмические карты“. („Конспирация от Католической Религии и Суверенов“, от автора „Вуали Поднятой для Любопытных“. Париж, Crapard, 1792)».

Ничто из этого не составляет доказательства древности Таро как оккультной системы, и еще меньше подтверждает ее связь с Каббалой. Сам по себе факт, что Сен-Мартен разделил свою книгу вдоль линий Таро, в итоге ничего не доказывает и почти наверняка является совпадением. Цитата из антирозенкрейцерской полемики интересна, но тоже ничего не доказывает, так как она была выпущена гораздо позже, чем *Monde primitif* Кура де Жебелена, из которой Розенкрейцеры, атакованные автором, вполне могли черпать свои заявления о Таро.

Очевидно, Леви обладал материалом не до-Жебеленовским, связывающим Каббалу и Таро. Эта связь была его изобретением.

Это, безусловно, привлекательная идея, предлагающая возможность для бесконечных уточнений, таких как предполагаемое сходство между рисунками на картах и Еврейскими буквами. Леви, например, утверждает, что первый из козырей, Маг (The Juggler), выполнен на основе формы буквы Алеф, которой он соответствует. Миф о каббалистическом Таро был подхвачен Папюсом, Освальдом Виртом и большинством поздних писателей о Таро. Но именно Леви был тем, кто породил этот миф.

В дополнение к тому, что Леви менял части магической традиции, он также привнес в оккультизм некоторые новые идеи. Одной из наиболее важных является его теория об «Астральном Свете» (Astral Light) или «Универсальном Агенте» (Universal Agent), которую он, возможно, услышал у Месмера. Он использовал эту теорию для объяснения всей магической работы и явлений.

«Изначальный огонь, — писал он, — который является проводником всех идей, является матерью всех форм ... Следовательно, Астральный Свет или земная жидкость, которую мы называем Великим Магнетическим Агентом (Great Magnetic Agent), пропитывается всем многообразием изображений и отражений»⁶¹.

Этот Астральный Свет, говорит Леви в другом абзаце, податливая среда, поверх которой могут отпечатываться все мысли и изображения. Душа, воздействуя на этот свет через свои желания, может растворять его или сгущать, проецировать и отзываться. Это зеркало воображения и помыслов. Астральный свет воздействует на нервную систему и таким образом производит движения тела ... Он может принимать любые формы, вызванные мыслью, и во временных сгущениях его лучистых частиц, появляется перед глазами; он даже может оказывать своего рода сопротивление прикосновению»⁶².

Если мысли могут быть отпечатаны на Свете, из этого следует что, используя воображение можно манипулировать светом. Всемогущество воображения, говорит Леви, «принадлежит исключительно

⁶¹ *Doctrine*, гл. 5.

⁶² *Clés des grandes mystères*, Часть 2.

области магии»⁶³. Он продолжает: «Воображение выступает в роли душевного ока; в нем формы обрисовываются и сохраняются; тем самым мы зрим отражения невидимого мира; это стекло видения и инструмент магической жизни. Посредством его вмешательства мы исцеляем болезни, видоизменяем времена, отпугиваем смерть от живущих и возвращаем мертвых к жизни, потому что это воображение возвышает волю и дает ей власть над Универсальным Агентом».

Но в магии воображение должно работать соответственно установленным правилам. В противном случае маг не создаст контакт с силами уже внедрёнными в Астральный Свет. Таким образом, он использует хорошо знакомые знаки. «Империя воли над Астральным Светом, которая есть физическая душа четырех элементов, представляется в Магии посредством Пентаграммы ... Элементарные духи подчиняются этому знаку если его использовать с пониманием»⁶⁴.

Но цель магии Леви не в том, чтобы погрузить мага в приятную область фантазии и ни в том, чтобы дать ему контроль над духами. Базовая функция магии, согласно Леви, состоит в том, чтобы позволить магу направлять свою волю более эффективно. «Вы бы царствовали над собой или другими? Учитесь воле. Как научиться изъявлять волю? Это первая тайна магической инициации...»⁶⁵

Для того что бы воля действовала свободно, она должна овладеть Астральным Светом вместо того, чтобы быть обладаемой им. Астральный Свет состоит из двух сопротивляющихся течений, представленных в одном смысле мужским и женским полюсами; человеческое существо невольно колеблется от приливов и отливов этих течений. В качестве первого шага для обретения контроля над Светом маг должен достигнуть равновесия, баланса между мужским и женским, позитивным и негативным, тьмой и светом. В этом заключается смысл странной иллюстрации в начале книги *Rituel*, существа с козлиной головой и ногами, женской грудью и мужским фаллосом.

Идея равновесия пронизывает все магические операции. Маг всегда находится в поиске точек, где противоположные силы уравнивают друг друга. Он ищет баланса не только двух течений Астрального

⁶³ *Doctrine*, гл. 1.

⁶⁴ *Doctrine*, гл. 5.

⁶⁵ *Rituel*, гл. 1.

Света, но также и сил четырех элементов оказав почтение сущностям, которые ими управляют — Саламандрам, Гномам, Сильфам и Ундинам, которые относятся соответственно к Огню, Земле, Воздуху и Воде. Все магические операции, говорит Леви, должны начинаться с освящения четырех элементов. Формула проведения этой церемонии дана в главе 4 книги *Rituel*. Баланс также представляется в виде каббалистического Древа Жизни, в котором присутствует мужской столп, женский и центральный, срединный столп.

Магическая операция влияет и на самого мага, использующего внешние знаки чтобы добиться внутренних изменений. Астрологические символы, например, могут быть использованы для этой цели». Семь планет, по факту, являются иероглифическими символами наших влечений. Что бы составить талисман Солнца, Луны или Сатурна, это приложить волю магнетически к знакам соответствующим основным силам души ... Аналогично металлы, животные, растения и ароматы являются вспомогательными инструментами для достижения этой цели»⁶⁶.

Несмотря на активную магическую практику, Леви предостерегал своих учеников от проведения магических инвокаций. Очевидно, он обнаружил опасность проведения таких ритуалов, когда проводил инвокацию Аполлония Тианского в Лондоне. Поэтому Леви всегда обучал своих учеников делать талисманы и выполнять различные ритуалы, основанные на Каббале, чтобы те могли манипулировать силами внутри себя.

Следует упомянуть еще один аспект его преподавания, а именно его озабоченность пророчествами. В книге *Le Testament de la liberte*, он упоминает, что вскоре наступит царствование Параклета, но позже Леви привлекли прогнозы Тритемия, как изложено в его книге *De Septem Secundeis*. Теория Тритемия заключалась в том, что мир управляется последовательно Семью архангелами, каждый из которых управляет 354 годами и 4 месяцами. Семь ангелов: Орифиэль, Анаэль, Захариил, Рафаэль, Самаэль, Габриэль и Михаил. По расчетам Тритемия, царствование Михаила должно было начаться в 1879 году.

В 1855 году Леви писал: «Согласно расчетам, мы можем видеть, что около 1879 года или ещё через двадцать четыре года будет основана всемирная империя, которая принесёт мир всей Земле.

⁶⁶ *Doctrine*, гл. 7.

Эта империя будет сочетать в себе самые высокие идеалы политики и религии. Она предложит миру решение всех проблем, волнующих нас на данный момент, и правление этой империи будет длиться 354 года и 4 месяца, после чего последует эпоха правления Орифиэля, эпоха установления могущественных сил, которые будут править миром. Всемирная империя будет находиться под управлением Солнца, в руках ее правителя будут лежать ключи Востока, которые теперь оспариваются князьями всех четырех четвертей мира. Именно рационализм и деятельность — те силы, которыми управляет Солнце в высших царствах, и та нация, которая сможет сочетать в себе все эти качества и удержать в руках ключи Востока и установит Вселенское царство. Для этого такому государству, возможно, придётся пройти через Мученичество, аналогичное мученичеству Бога-Человека Иисуса Христа. Но мёртвый или живой, его дух восторжествует между народами»⁶⁷.

Позже Леви, похоже, отказался от этой схемы в пользу различной системы правления у разных государств. В своей работе *Gies majeures et clavicules de Salomon* он излагает теорию о том, что Земля управляется последовательностью существ, которых называют Митатрон-Сарпанним⁶⁸. Енох, по словам Леви, был первым из таких существ, затем пришёл Илия, затем Иисус.

Каждый Митатрон, согласно этой теории, имел два времени царствования, возвращаясь на землю после прохождения всех планет солнечной системы. Следовательно, возвращение Еноха и Илии будет предшествовать Второму пришествию Иисуса.

В периоды раздробленности и сомнений Леви говорит, что недобрые духи, овладевающие государственным строем, всегда предшествуют появлению на земле регенерирующего духа в форме Митатрона. Он продолжает эту мысль в следующем интересном отрывке:

«Говорящие столы и бунтующиеся духи, активизировавшиеся в настоящее время, говорят о возвращении Еноха. Он вернётся тогда, когда папство потеряет всякую власть над миром науки и Каббалы, и тогда он вновь возьмёт власть

⁶⁷ *Rituel*, гл. 21.

⁶⁸ Леви использует это написание вместо нормального, то есть «Митатрон».

в свои руки. Появлении Илии не заставит себя ждать, он придёт сразу после Еноха. И тогда Иисус, Спаситель Мира, вновь придёт на Землю.

Ему будет предшествовать Антихрист, чья миссия заключается в том, чтобы подготовить великую империю, о которой говорится в Евангелии. Астральный свет будет заполнен элементарными духами. Новое творение уже находится на стадии подготовки. Ключи Соломона были заново открыты, а тайны высшего масонства стали достоянием общественности.

Школа, чьё будущее ещё не предопределено и почти невидимо, будет формироваться в славянском мире, в Германии и во Франции. Через столетие эта школа будет иметь более 7000 адептов, а её последним великим учителем будет Енох.

Енох появится в 2000 году христианского мира, и то мессианство, которое он совершит, будет процветать на земле в течение 1000 лет».

Те, кто причтут этот отрывок, несомненно, захотят предоставить собственные теории об этом пророчестве. Заявление о таинственной школе, в которой будет более 7000 адептов, в частности, в наше время становится предметом многочисленных обсуждений.

Какое же значение имеет Леви в истории оккультизма? Он помог изменить популярную концепцию магии. В то время, как магия рассматривалась большинством людей как средство манипулирования силами природы или как опасное суеверие, Леви представил магию как способ проецировать свою волю на реальность через определённые каналы, а мага — как более осознанного человека. Это, конечно, всегда было истинной целью Теургии, в отличие от грубой формы магии, и Леви не был первым, кто выразил это в такой форме. Но он стал первым, кто сделал это мнение массовым и популярным.

Оценка Леви не была бы полной без упоминания его личных качеств. Помимо довольно сложных отношений с его любовницей Эжени, матерью сына, которого он никогда не видел, постыдного в жизни Леви было мало. Все указывает на то, что Леви был человеком мужества, честности, тепла и сострадания. Это те качества, равно как и его учения, расположили к нему его учеников.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НАВСТРЕЧУ
ЦАРСТВУ
ЗАСТУПНИКА

Глава 14

НАСЛЕДНИКИ ЭЛИФАСА ЛЕВИ

Одной из тем для обсуждения в оккультных кругах в 1884 году был интересный феномен, который появился в Париже в форме пространной системы Мадам Блаватской, чье Теософское Общество к этому времени хорошо обосновалось в Америке, и которая прибыла во Францию проповедовать свое евангелие. Ко времени ее прибытия французская ветка общества уже была сформирована и управлялась Леди Кейтнесс (Lady Caithness) Герцогиней Помара, состоятельной женщиной, которая верила в то что является реинкарнацией Марии Стюарт (Mary Queen of Scots). Привезти теософию во Францию было все равно, что привезти уголь в Ньюкасл, и Теософское общество никогда не имело особого успеха среди французов. Тем не менее, оно обрело достаточно приверженцев, чтобы проводить регулярные встречи и печатать журнал.

В 1888-м *Petit bulletin Théosophique* сделал доклад о речи, данной для ложи Исиды, принадлежащей обществу, никем иным, как полковником Олкоттом (Colonel Olcott), со-основателем и правой рукой Мадам Блаватской. В своем обращении полковник объявил, что он предпринял необычный шаг назначения двух членов Исиды делегатами в штаб квартиру общества в Адьяре, в Индии.

«Избрание господина Турманна (M. Thurmann) и господина Анкосса (M. Encausse) в Верховный Совет Теософского Общества, — сказал он. — Является просто личной почестью и не наделяет вышеназванных господ правом вмешиваться в дела Исиды или в дела 150 существующих отделений Теософского общества...

Я пользуюсь случаем, дабы подтвердить, что господин Анкосс является добрым и постоянным членом Теософского Общества. Его прошение датировано октябрём 1887

и контрассигновано господином Драмардом (M. Dramard) и господином Габорио (M. Gaboriau), было одобрено мной 2 ноября того же года».

Этот господин Анкосс вскоре покинет Теософское Общество и станет одним из лидеров другого оккультного движения и плодотворным эзотерическим автором. Мир узнает его под писательским псевдонимом Папюс. На то время, когда полковник Олкотт говорил свою речь, Анкосс был молодым студентом медицинского университета. Ввиду его важности как оккультиста, следует привести в данной работе некоторый обзор его жизни.

Он родился 13-го июля 1865 года в Корогне (Cologna), Испания, сын француза и испанки. Закончив школу, он поступил на факультет медицины в Париже, и в 1884 опубликовал свою первую письменную работу. Озаглавленная *Hypothèses*, это была совершенно приземлённая работа без намека на его будущие оккультные интересы.

Его переход от материалистических взглядов на жизнь описан в коротком мемуаре, озаглавленном *Comment je devins mystique*, из которого я процитирую следующий абзац:

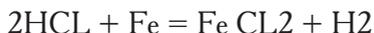
«Они сказали мне: „Эти минеральные соли, эта земля, медленно разлагаясь и усваиваясь корнем овоща, они будут *развиваться* и станут клетками овоща. Этот овощ в свою очередь, трансформируясь секретами и ферментами желудка животного ... трансформируется в клетки этого животного“. Но рефлексия вскоре дала мне понять, что они забыли один наиболее важный фактор в проблеме.

Да, минерал развивается и его основные элементы становятся материальным базисом растительной клетки. Но лишь при одном условии, которое состоит в том, что физико-химические силы и само солнце придут на помощь этому явлению, другими словами, при условии, что высшие силы своим развитием *жертвуют* собой для развития низших сил.

Да, переваренный овощ вскоре становится материальным базисом животной клетки, но лишь при условии, что кровь и нервная сила (другими словами, высшие силы в эволюционной лестнице) приходят, чтобы жертвовать собой для эволюции растительной клетки.

Короче говоря, каждый шаг в цикле, каждая эволюция требует жертвы одной, или что еще чаще двух, высших сил. Доктрина эволюции является неполной. Она представляет только одну сторону фактов и игнорирует другую. Она проливает свет на закон борьбы за жизнь, но она забывает закон жертвы, который преобладает над всем явлением.

Одержимый этой идеей, которую я освятил, я решил углубить свое исследование насколько мог, и я проводил свои дни в Национальной Библиотеке (Bibliothèque Nationale) ... Годы что мои коллеги провели в научных работах своих исследований, я посвятил изучению алхимических работ, старых магических гримуаров и элементам Иврита, с тех пор мое будущее было определено. Это открытие, которое, как мне казалось, сделал я, я вновь открыл в работах Луи Лукаса (Louis Lucas), затем в Герметических текстах, затем в Индийских традициях и Каббале. Лишь язык был разным; где мы пишем HCL, алхимики изобразили бы *зеленого льва*, и где мы пишем:

Алхимики изобразили бы война (Марс, Железо), пожираемого зеленым львом (кислота).

Короче говоря, эти известные гримуары для меня так же легко читались, как и еще более туманные работы педантичных химиков современности. Более того, я научился владеть этим чудесным *аналогическим методом*, так мало знакомым современным философам, который позволяет объединить воедино все науки, и который показывает, что древние были чисто и просто оклеветаны с научной точки зрения беспредельным историческим невежеством современных профессоров».

Этот абзац красноречиво выражает восхищение любого юноши или девушки, впервые уловивших проблеск магической вселенной. Такой опыт часто приводит к тому, что исследователь теряет себя в фантазиях, но Анкосс (Encausse), несмотря на его оккультные исследования, а возможно и благодаря им, представил блестящую диссертацию к своему Докторату по Медицине и соответственно удостоился степени в 1894 году.

К тому времени он уже обрел свою славу как оккультный писатель под псевдонимом Папюс. В 1891 в возрасте двадцати шести лет он опубликовал увесистый том под названием *Traité méthodique de science occulte*, который стал классикой оккультизма конца девятнадцатого века. В своей речи, сопутствующей присвоению степени, Профессор факультета медицины Матиас Дюваль (Mathias-Duval) сделал следующее обращение к своему студенту:

«М. Анкосс, вы необычный студент. По философским и медицинским предметам и более того по сложным вопросам на которых я здесь задерживаться не буду, под собственным именем или под псевдонимом, который вы уже сделали знаменитым, вы написали работы высокой ценности, и я горд быть экзаменатором вашей диссертации»⁶⁹.

Получив степень доктора, Папюс, следуя примеру Парацельса, провозгласил, что он ничего не знает и решил вылечить свое невежество туром по Европе. Посетив Англию, Голландию и Бельгию, изучая гомеопатию и другие неортодоксальные медицинские системы, он направился в Россию, где был уже достаточно известен, благодаря русскому изданию его *Traité méthodique*. Он был представлен императорской семье и пользовался определенной известностью, которая приводится в истории, рассказанной М. Paléologue (Морис Палеолог), французским послом, и опубликованной в *Revue des deux mondes* [«Обзор обоих миров»] от 5 марта 1922, хотя обрывок должно быть был написан недолгим после смерти Папюса в 1916.

«Газета, которая недавно прибыла во Францию через Скандинавию, сообщает, что Папюс умер 25-го октября.

Я клянусь, что эта новость не привлекла мое внимание; но это вызвало великий ужас среди людей, которые прежде знали „духовного мастера“, как называли его между собой восторженные последователи.

М.Р., который одновременно был адептом спиритуализма и фанатиком Распутина, объяснил мне, что весь этот страх

⁶⁹ Филипп Анкосс, *Папюс (Доктор Жерар Анкосс), sa vie, son oeuvre* (Париж, 1932).

происходил из-за странного пророчества, которое ничего не стоит: а именно, что смерть Папюса, предвещала не что иное, как неизбежный крах царизма. И это все объяснение.

В начале октября 1905-го, Папюс был призван в С. Петербург одним из его верных и высокопоставленных учеников, который сильно нуждался в блеске его ума, в условиях ужасного кризиса, который переживала Россия в это время. Маньчжурская катастрофа спровоцировала революционные проблемы во всех уголках империи. Кровавые удары, мародерство, резня и поджоги. Император жил в состоянии тревоги, не в силах выбрать среди противоречивых советов своей семьи, своих министров, своих сановников, своих генералов и всех придворных, досаждавших его каждый день. Некоторые внушали ему, что он не имел никакого права отречься от наследственной автократии и увещевали его не уклоняться от применения строгих мер непримиримой реакции; другие рекомендовали ему признать остроту современности и лояльно озаменовать конституционный режим.

В то самый день, когда Папюс сошел с трапа в Петербурге, в Москве вспыхнул бунт распространяя террор, в то время как таинственный синдикат объявил об ударе по главной железной дороге.

Мага немедленно вызвали в Императорский Дворец. После скорого разговора с Императором и Императрицей, он к следующему дню организовал великий ритуал колдовства и некромантии. Кроме государей, на тайной литургии присутствовал только один человек, молодой адъютант Его Величества, Капитан Мандрыка (Captain Mandryka), который теперь — генерал-майор и губернатор Тифлиса. Посредством интенсивной конденсации его воли и чудовищной экзальтации его текучего динамизма, „духовный мастер“ преуспел в эвокации духа очень набожного Царя Александра III; присутствию невидимого духа свидетельствовали несомненные знаки.

Подавляя эмоции, Николай II серьезно спросил своего отца, должен ли он реагировать на течение либерализма, угрожавшего поглотить Россию. Фантом ответил:

„Ты должен любой ценой сокрушить начинающуюся Революцию; но она однажды возродится, и степень ее жестокости

будет пропорционально больше, чем если бы нынешние репрессии были бы более суровыми. Не имеет значения! Мужайся, сын мой! Не прекращай борьбу!“

Пока изумленные государи обдумывали ошеломляющее предсказание, Папюс утверждал, что его магические силы позволяли ему изгнать предсказанную катастрофу, но действенность его заклятий прекратится, поскольку его самого не будет на „материальном плане“. Затем он торжественно прекратил ритуалы экзорцизма.

Что ж, с 25 октября, раз маг Папюс отсутствует в “материальном плане”; действенность его экзорцизма упраздняется. Следовательно, Революция близка...»

Эта история получила следующее горячее опровержение в октябрьском выпуске журнала *Le Voile d'Isis*, за 1922й год, журнале, который в 1890 основал сам Папюс. «По мнению людей осведомленных (*au courant*) о событиях в России, эта статья кишит заблуждениями. Сцена с колдовством — чистый вымысел, как и сообщение о том, что Папюс обладал силами изгнать угрозу, которая нависла над Россией и двором...»

Тем не менее, тот факт, что история, правдивая или ложная, получила столь широкое обращение, сам по себе интересен. Человек, который стал сюжетом такой легенды, не мог быть заурядным фантазером, особенно в стране, которая вырастила мага величины Распутина.

В начале Первой Мировой Войны Папюс вступил в армейский медицинский корпус в звании капитана и был прикомандирован к госпиталю. Фотография 1915 года изображает его к этому времени уж седым, нарядно одетым с щегольской тростью. Позднее он был отправлен на фронт и продвинулся до звания майора. Заботясь о своих компаньонах, он заработал туберкулез, был демобилизован и отправлен обратно в Париж для лечения. Он достаточно выздоровел, чтобы продолжать свою медицинскую службу, но в 1916 его недуг и инсульт стали причиной его смерти.

Папюс оставил после себя не только большой объём работ на тему оккультизма, но и внушительное число работ по медицине. Последние, вероятно, по большей части забыты на сегодняшний день, но его оккультные работы до сих пор широко читаемы, в частности *Le Tarot des Bohémiens* (Цыганское Таро), в которой он выдал гениальную теорию корреляции между Таро и Каббалой, связывая четыре

масти с четырьмя буквами Тетраграмматона. Эта работа, вероятно, сделала больше, чем любая другая, для того, чтобы увековечить идею связи между Каббализмом и Таро — идею, которая занимает такое важное положение в современном оккультизме.

Одним из основных наставников Папюса в его ранние годы был некто Saint-Yves d'Alveydre, чье настоящее имя было Joseph-Alexandre Saint-Yves (1842—1910), (Александр Сент-Ив д'Альвейдр) еще один странный и колоритный персонаж. Сент-Ив, именовавший себя «Маркиз» был учеником Фабра д'Оливе и автором ряда работ, в которых смешивалась политика и оккультизм. В этих работах он продвигал идеальное общество, управляемое интеллектуальной элитой. Его наиболее известными работами являются *Mission de ouvriers* (1883) и *Missions des Juifs* (1884).

Жюль Буа (Jules Bois), в своем *Le Monde invisible* сообщает о его встрече с Сент-Ив д'Альвейдром.

«Он тогда жил в прекрасном доме на Рю Верне (Rue Vernet). Никогда даже в домах наиболее древних семей аристократов я не видел столько торжественных родовых портретов с их париками и геральдическими знаками. Ему было привычным сидеть напротив света, чтобы производить более глубокое впечатление ... У него были красивые седые волосы, лукавая улыбка, все руки в кольцах, носил он сюртук. Однажды, с видом серьезной убежденности он сказал мне, что за три дня написал 400 страниц и что имел телепатический сеанс с Великим Ламой Тибета...

Некоторые его друзья шептались, что он сделал золото. „Это правда?“ — спросил я Маркиза де Сен-Ив ... Уставившись на меня он сказал: „Не хотели бы вы посетить мою лабораторию и стать моим учеником?“ Я имел неосторожность сказать „Да“ ... Однако я больше не видел Маркиза де Сен-Ив снова, не проник в его лабораторию, которой возможно не существует. Я бы никогда не научился делать золото — ибо не был ли нескромен, поставив его в неловкое положение, буквально интерпретируя простую формулу алхимической вежливости?»

Сен-Ив утверждал, что прошел инициацию у Брамина, который бежал из своей деревни во время восстания и обосновался в Гавре

(Le Navte) как торговец птицами и учитель восточных языков. Сен-Ив брал у него уроки, но противодействовал своему учителю своей склонностью к спиритуализму и другим Западным феноменам, которые Брамин опровергал. Отношения подошли к концу, когда как заявляет Сен-Ив, Брамин угрожал ему ножом.

К концу его жизни он развил одержимость по поводу своей мертвой жены. Комнату в доме в Версале, где она умерла, он превратил в часовню, и получил разрешение от Папы справлять в ней мессы. У покойницы оставалось ее место, оставляемое для нее на столе, и Сен-Ив, утверждал, что он находился в постоянном контакте с ней.

Папюс познакомился с Сен-Ивом вскоре после того, как оставил Теософское общество в 1888 году, для того чтобы учредить его собственную независимую группу эзотерических исследований (Groupe Indépendant d'Etudes Esotériques). Папюс был впечатлен заявлением Сен-Ива о том, что он являлся Гранд Мастером ордена Мартинистов (это орден, составленный последователями Паскуалиса и Сен-Мартена), и активно отстаивал вопрос Мартинистов в сотрудничестве с его другом Огюстом Шабосо (Augustin Chaboseau). Ложки стали множиться, и в 1891 по адресу No. 29 Rue de Treviso (Рю де Тревизо), в Париже проводилась встреча, на которой был учрежден Верховный Совет, члены которого были бы выбраны навечно. Папюс был избран Гранд Мастером.

Тем временем Папюс оказался вовлеченным в другой орден, которому надлежало стать одним из ведущих оккультных обществ того времени. Это был Каббалистический Орден Розы и Креста, который возглавляли два любопытных персонажа, Маркиз Станислас де Гуайта (Stanislas de Guaita) и Жозеф Пеладан (Josphin Péladan).

Предполагалось, что эти двое были преемниками уникальной Розенкрейцеровской инициации, ведущей свое существование со времен истоков братства. Роберт Амбелен (Robert Ambelain), в его *Templiers et Rose-Croix* (1955), утверждает, что Элифас Леви принял посвящение от Английских Розенкрейцеров во время его поездки в Лондон в 1853, по возвращении во Францию передал его Аббату Лакуриа (Abbe Lacuria), а тот передал его Доктору Адриену Пеладану (Dr. Adrien Péladan), выдающемуся гомеопату и герметическому ученому, который, в свою очередь, передал его своему брату Жозефу. Правда в том, что Эдвард Бульвер-Литтон (Edward Bulwer-Lytton) какое-то время был достопочтенным Гранд Патроном

общества Розенкрейцеров в Англии (*Societas Rosicruciana in Anglia*), и он, вероятно, мог передать Леви некоего рода посвящение, но все это спекуляции, и в высшей степени сомнительно, чтобы Каббалистический Орден Розы и Креста был частью такой цепочки посвящений.

Тем не менее, де Гуайта, который внезапно умер в достаточно раннем возрасте, в 36 лет, в 1897-м году, был важной фигурой в оккультизме Франции, и главные факты из его короткой и романтической жизни стоят того, чтобы быть записанными.

Гуайты были старой семьей в Ломбардии. Пра-пра-прадедушка Станисласа женился на дочери Французского барона и таким образом унаследовал имение в Альтвиле (*Alteville*) в Лотарингии. Именно тут 6 апреля 1861-го года родился Станислас де Гуайта. Школьное образование он получил от Иезуитов, сначала в Дижоне (*Dijon*), а позднее в Нанси (*Nancy*). В 1878 он поступил в Лицей в Нанси (*Lycée at Nancy*), где одним из его компаньонов был Морис Баррес (*Maurice Barrès*), который позднее станет плодовитым писателем, выдающимся политиком и Академиком Франции. Баррес был одним из ранних членов Каббалистического Ордена Розы и Креста, но покинул его из-за того, что орден противоречил его строгому католицизму.

Станислас был проворным, но в некотором роде ленивым учеником, который прилагал усилия только тех в предметах, которые его интересовали — литература, Латынь и естественная наука. Его интриговала химия, и с ранних лет у него развилась страсть к поэзии с особым предпочтением к творчеству Бодлера.

С намерением получить юридическое образование он отправился в Париж и вскоре завел дружбу с поэтами Латинского Квартала. В 1881-м он опубликовал свой собственный сборник поэзии, *Oiseaux de passage*, за которым последовали два других тома, *La Muse noire* (1883), и *Rosa mystica* (1885). Одним из его поэтических наставников был Катюль Мендес (*Catulle Mendès*), который рассказал ему об Элифасе Леви. «Прочти его, — советовал Мендес. — Это того стоит; он мыслитель исключительных идей и неординарного стиля, но большой артист»⁷⁰.

Де Гуайта последовал совету, и работы Леви стали для него откровением. С этого момента, как он говорит в письме от 30 августа 1893 года,

⁷⁰ Освальд Вирт, *Станислас де Гуайта, souvenirs de son secrétaire* (Париж, 1935).

«Я полностью посвятил себя оккультизму, и приступил к исследованиям и чтению всего, что было написано на тему оккультных наук. Немногим спустя я познакомился с Пеладаном, затем с Барле (Barlet) и Папюсом»⁷¹.

Пеладан (1858–1918) — персонаж, который чувствовал бы себя как дома в одном из наиболее богемных анклавов Калифорнии двадцатого века. Бывший банковский клерк, он рассматривал себя в качестве пропагандиста оккультизма и называл себя Sar Merodack Pèladan; Sar — это Ассирийское слово, означающее царя; имя Merodack происходило от Merodach Baladan, царя Вавилона, упоминающегося в книге пророка Исаии XXXIX, и также от Мардука (Marduck), Халдейского бога, ассоциировавшегося с планетой Юпитер.

Царь (The Sar) был человек поразительного вида, с густой, черной бородой, огромной копной курчавых волос и большими, темными, слегка навывкате глазами, пристально смотрящими из-под кустистых бровей. В кафешках Монмантра он вырисовывался причудливой фигурой, где предстал в различных вариациях экзотических костюмов. Иногда он появлялся в робе монаха, иногда — в средневековой двойке с бархатными бриджами, окаймленными белым кружевом. Пеладан был разносторонней личностью и, среди прочего, писал серии экстраординарных романов, где смешивались оккультизм и эротизм, и в которых сам автор фигурирует в роли Меродака, мага, который прочитал «всю чувственную литературу от Военной до де Сада». Серии романов были названы *La Décadence latine*.

Одной из очевидных навязчивых идей в этих романах была фигура гермафродита, уже виденная в Бальзаковской *Séraphita*. В работе Пеладана идея андрогина, которая во многом позаимствована у Элифаса Леви, занимает особое оккультное значение. Пеладан видел в андрогине превосходное слияние сластолюбия и ума, активного и созерцательного дарований. Одним из романов, где подчеркивается эта идея, выступает *Curieuse* (1886), который вдохновил де Гуайту написать в своих *Essais des sciences maudites*:

«*Curieuse* напоминает о *Séraphitus-Séraphita*, но эта загадка, которую Бальзак высказал чисто интуитивно, М. Пеладан

⁷¹ Там же.

формулирует с безмятежной смелостью и властью знающего, а не с лихорадочным энтузиазмом предсказывающего».

Героиней *Curieuse* выступает Принцесса Паули Рязань (*Paule Riazan*), у которой было любовное приключение с индивидом, называемым Нево (*Nébo*), художником-эстетом, бывшим учеником Меродака. Возможно, что Нево был отдаленно списан с де Гуайты, который тоже использовал имя Нево в своих письмах Пеладану. Нево сначала сопротивляется ухаживаниям Русской принцессы, но в конце концов уступает после должных приготовлений своей студии к этому событию. Комната залита ослепительным светом медных ламп и благоухает ароматами веществ, курящихся на треноге. Стены исписаны Еврейско-Финикийскими фаллическими символами. В этой экзотической обстановке, Нево, в Халдейской тиаре и размахивая кадиллом, приближается к принцессе, приятно возбужденной запахом фимиама, представляющей себя «великой Иштар, Афродитой Халдеи».

Первым томом *La Décadence latine* [название серии романов] был *Le Vice supreme*, который вышел в 1884. Работа произвела на де Гуайту сильное впечатление, и он написал Пеладану.

«Твой *Vice supreme* открыл мне (мне, скептику, хотя и уважающему святое), что Каббала и Высшая Магия могут быть чем-то большим чем простая мистификация. Я знал Элифаса Леви лично; я, непосредственно получивший его законченные работы, размышлял над ними — слишком поверхностно — во время моей грубой ссылки, вместе с моей матерью (в имении в Альтвиле) ... Разреши мне вновь сказать тебе, мой дорогой Сир, что я никогда не забуду сей факт: я предпринял изучение Герметической науки из-за твоей книги, которая на первый взгляд кажется мне такой красивой и плодородной в возвышенных символах».

Это слегка конфликтует с письмами, процитированными ранее, в которых он говорит, что работы Элифаса Леви дали ему его оккультное пробуждение. Больше похоже, что он хотел польстить Пеладану, ведь он заканчивает письмо говоря:

«Через две недели, Сир, я буду снова в Париже. Если вы будете столь добры чтобы позволить мне, я приду, чтобы

просить совета направить меня в исследованиях, которые я надеюсь совершить»⁷².

Очевидно, Пеладан ответил, приглашая своего юного обожателя увидеться, так как в последующем письме Гуайта сказал:

«Вы были столь добры, предложив пообщаться с вами о Герметизме — то, чего я желал долгое время. Я не утверждаю, что не был до сей поры не более чем обожателем высших наук, который изучал их внимательно и стойко; таким образом будет великим удовольствием для меня иметь возможность говорить с истинным посвященным — который намного дальше меня зашел в изучении каббалистики».

После интервью с Пеладаном де Гуайта написал:

«Я благодарен вам, что вы пожертвовали несколькими драгоценными часами ... вы доставили мне удовольствие, заинтересовали и удовлетворили меня».

Цитируемая корреспонденция чрезвычайно интересна, так как показывает отношения учитель — ученик между двумя людьми, отношения, которые преуменьшались теми, кто писал о де Гуайте, и, несомненно, самим де Гуайтой, после того как эти двое расстались.

Встречи Пеладана с его учеником стали частыми, и характер переписки стал более личным. В одном письме де Гуайта сказал: «Я очень беспокоюсь о вас и был бы намного спокойнее, увидев вас снова. Мы стали редко видеться».

В другом он расписывал похвалу Пеладану: «Я знаю, я чувствую, что ваш интеллект превосходит мой ... в вас есть гений спонтанности и синтеза; у меня есть талант терпения и анализа».

Позднее дружба стала более походить на общение между равными, и в конечном итоге де Гуайта почувствовал себя достаточно близким, чтобы позволить себе критику Пеладана. Одна особенность, против которой де

⁷² *Lettres inédites de Stanislas de Guaita au Sar Joséphin Péladan, une page inconnu de l'histoire de l'occultisme à la fin du XIXe siècle.* Inr. By Dr. E. Berthelet (1952).

Гуайта возразил, была чрезвычайная ненависть Пеладана к Германии и всему немецкому, ненависть, которая была обострена смертью его брата Адриена по вине ошибочного предписания немецкого доктора. В похоронной речи, которую Пеладан написал по этому случаю, он костерил немецкую нацию. Когда де Гуайте выслали копию речи, он написал своему другу напоминание о том, что у немцев есть и хорошее, и просил не забывать о Месмере, Гете и Альбрехте Дюрере (Albrecht Dürer).

Де Гуайта так же призвал Пеладана к ответу за его амурные приключения, в которых тот, по мнению де Гуайты, несколько перегибал палку.

«Твоя душа, — писал он. — Бесконечно посещается и одержима нелепыми сентиментальными влечениями. Разве ты не можешь хоть неделю прожить без того, чтобы твой дух не был озабочен этими тщетностями?»

Они не соглашались и по поводу астрологии, которая вновь становилась популярной под влиянием работы Эли Стар (Ely Star) *Les Mystères de l'horoscope* (1887); тот учил ономантической⁷³, каббалистической астрологии, похожей на ту, о которой пишет Пол Кристиан (Paul Christian). Пеладан в своих работах делал большой акцент на астрологию и часто ссылался на доктрину (подписей) «signatures», согласно которой все земные вещи имеют свои небесные копии. Позиция де Гуайты проявилась в письме:

«... Я не верю в астрологию по причинам, которые я обозначал, хотя я действительно верю в возможное действие талисманов и в одическую медицину Парацельса, потому что тут имеет место направленное воздействие доктора на больного человека, приложение воли с целью исцелить, воли которая сформулирована соответствующим знаком».

Однако несмотря на скептицизм, де Гуайта все еще выражает желание, чтобы оккультист, и прорицатель Эжен Ледос (Eugène Ledos) составил его гороскоп, хотя не особо хотел расставаться с деньгами, которые просил Ледос за свои услуги, притом, как он писал Пеладану, он сомневался в том, что результат будет настолько же точным, как результат анализа почерка.

⁷³ Ономантия — гадание по имени. Прим. перев.

В определенный момент дружбы де Гуайта стал адресовать свои письма «Меродаку» а себя подписывал как «Нево» (отсылка к Набу (Nabu), бог Вавилона, ассоциируемый с Меркурием). В некоторых случаях эти имена сопровождаются планетарными сигилами. Многие из писем также усеяны другими эзотерическими знаками: среди них буквы еврейского алфавита, Хи-Ро монограммы, а однажды индийский лингам и йони (yoni) — символ, знаменующий сексуальное единение. Этот символ сопровождается вопросом: «Какие новости? Волчегодник (Daphne)? Линга-Йони?» — другая колкость па тему сексуальной активности Пеладана.

В другом письме де Гуайта написал Пеладану предупреждение о надвигающейся угрозе.

«... Вполне определено, хотя этого можно и избежать, надвигается опасность; ЛОВУШКА; Таро поведает тебе, как поведала мне, если ты осветишь обращение с молитвой — Les lusides idem. Я получил положительное подтверждение этому из трех разных источников, каждый из которых подтверждает другой. В этой борьбе — потому что это будет борьба — Я в Духе с тобой. Пещера, пещера, (Cave, Cave) ... Отнесись к этому без легкомыслия.

Погрузи себя в סְפִירַת הַיְצִירָה (Сефир Йецира). Не знаю, полностью ли ты осознаешь ее значение. Она чрезвычайно показательна.

Сердечно приветствую тебя в יהוה אלהים צבאות (Иегова Элохим Саваоф = Иегова Бог воинств).

Живой Бог Победы ז' (Zayin (Зайн)=7). Нево»

Видимо Пеладан преодолел угрозу, потому что вскоре де Гуайта снова написал, полный энтузиазма после прочтения *Le Vice supreme*. Де Гуайта вскоре и сам почувствовал себя в состоянии внести свой вклад в оккультную литературу, и в 1886 году опубликовал статью в *L'Artiste*, озаглавленную *Au seuil du mystère* («На пороге тайны») которая была заявлена как первая в серии под названием *Essais des sciences maudites*.

Французская ветвь Теософского Общества не привлекла де Гуайту, который предпочел Западную оккультную традицию Махатмам Мадам Блаватской. Однако он все же написал одобрително о Теософах в статье в *La Jeune France* за декабрь 1887го:

«Пусть дитя Запада, смиренному наследнику Иудео-Христианской традиции будет позволено обратиться ... братское и дальнейшее почтение адептам Гималаев — не забывая так же послать его поздравления и добрые пожелания этому доблестному Теософскому Обществу, которое растет с тенью его распростирающихся ветвей, доктрин истины, справедливости и мира».

В том же 1887 году де Гуайта встретил человека, которому впоследствии предстояло стать его секретарем и наиболее преданным последователем. Это был молодой швейцарец по имени Освальд Вирт (Oswald Wirth), который практиковал как гипнотический лекарь. В своих мемуарах⁷⁴ Вирт отзывается о своем первом знакомстве с де Гуайтой.

«В то время практикуя целебный магнетизм я работал с большой женщиной, которая под моим воздействием погрузилась в сон и передавала мне свои видения ... Я был поражен тоном ее исключительной убежденности, с которым она сказала мне: „Я вижу письмо, опечатанное красной печатью с гербовыми эмблемами. Вы его получите; оно очень важно для вас“.

Я хотел узнать, кто планировал написать мне и с какой целью.

„Это был молодой человек вашего возраста, но ниже вас, блондин, чистокожий, с голубыми глазами. Он очень эрудирован и интересуется теми же вещами что и вы. Он сказал мне о вас и озабочен знакомством с вами“.

Несколько недель спустя пришло предсказанное письмо с геральдической печатью:

«Сир, Мой превосходный брат, Кэнон Рока (Canon Rosa), говорил со мной о вас в таких оборотах, что я чрезвычайно заинтересован наладить с вами контакт.

Если вы сообразоволяете посетить меня завтра, в Субботу, в шесть часов, мы могли бы отужинать вместе в неформальной обстановке, и я смог бы познакомиться с вами».

Письмо было подписано «Станислас де Гуайта», адрес, значившийся на конверте — № 24 Рю де Пигаль (Rue de Pigalle). Вирт

⁷⁴ Stanislas de Guaita, *souvenirs de son secrétaire* (Париж, 1935).

принял предложение и был сильно впечатлен познаниями хозяина дома о целебном магнетизме. Вирт, несмотря на то что изучал Теософию и был посвящен в масонство в 1884 году, знал о предмете сравнительно мало и был благодарен де Гуайте за то, что тот обратил его внимание на Таро, как на магическую систему. Отношения между ними вскоре стали близкими, и Вирт в свое время предпринял свою попытку изучения Таро, результаты которой он подал на одобрение де Гуайте и которые были опубликованы в 1889 под заголовком *Les Vingt-deux clés kabbalistiques du Tarot*.

Тем временем де Гуайта задумал идею о создании собственного оккультного ордена. В 1888 году в Париже он собрал вместе группу друзей. Именно так появился на свет Каббалистический Орден Розы и Креста. Его возглавил верховный совет двенадцати. Имена шестерых из них были известны; остальные шесть остались неизвестными с той идеей, что они могли бы тайно восстановить орден, если обстоятельства попытаются уничтожить его. Однако похоже на то, что эти «неизвестные» шестеро никогда не существовали.

Основными участниками ордена были: де Гуайта, верховный глава; Пеладан; Папус; Марк-Хейвен (Marc Haven); аббат Альта (Abbè Alta), настоящим именем которого было Аббат Мелинг (Abbè Mélinge) и который являлся викарием в Версальской епархии и религиозным автором; писатель Поль Адам (Paul Adam); и Франсуа-Шарль Барле (François-Charles Barlet), чье настоящее имя было Альфред Фачо (Alfred Faucheux). Последний из вышеупомянутых, которому надлежало стать преемником де Гуайты в качестве главы ордена, был мелким гражданским служащим и жил в крохотной комнатке, заполненной алхимической атрибутикой, недалеко от Сены; он так же был автором большого количества книг об оккультизме.

Члены ордена проходили три стадии посвящения: бакалавриат, лицензиат и докторат Каббалы. Каждая ступень требовала прохождения экзаменов. У ордена было три главные цели: во-первых, изучение классики оккультизма; во-вторых, войти в духовное общение с Божественным посредством медитации; в-третьих, распространять слово среди не посвященных.

Но если де Гуайта мечтал об объединении всех оккультистов в одно большое братство под знаменами Розы Креста, вскоре он был разочарован. Оккультный мир Франции вскоре превратился в театр боевых действий между враждующими группировками.

Глава 15

ВОЙНА РОЗ

Пеладан, как Элифас Леви, строго привязывал свои оккультные изыскания к Католицизму, и вскоре обнаружил, что находится в опале у большинства языческих активистов ордена де Гуайты. В любом случае, он был слишком большой рыбой, чтобы плавать в одном и том же водоеме как де Гуайта, и неминуемое разделение публики произошло после того, как он опубликовал в *L'Initiation* за июнь 1890 статью, объявляющую о его выходе из Каббалистического Ордена.

«... Мое строгое следование, до сих пор плодотворное, стало бы отныне бесплодным. Моя природа абсолютиста изолирует меня от вашей эклектической работы. Я не смог бы воспринять оккультизм, во всей его полноте, и я отказываюсь натирать плечи спиритуализмом, масонством или буддизмом».

Заявляя о своей антипатии к масонству, Пеладан без сомнения отчасти думал об Освальде Вирте. Было совершенно ясно, что между ними не осталось приязни, так как Вирт в своих мемуарах часто высказывался о Пеладане язвительно, и создавалось впечатление, что де Гуайта презирал Царя (Sar) с самого начала.

Пеладан заявил в своей статье о своем намерении установить новый «троичный интеллектуальный орден Римлян, Артистов и женщин». Новая группа должна была называться Орден Католической Розы и Креста, Храма и Грааля. Вскоре после публикации этих объявлений, Пеладан отправился в Ним [город во Франции], написав на пергаменте впечатляющий документ, указывающий на его друга Гери Лакроза (Gery de Lacroze) как на его правую руку, с инструкциями о поиске рекрутов. Документ был увенчан изображениями диадемы, чаши, штандарта и крестов трех разных видов. Сообщение, написанное витиеватым устаревшим стилем Пеладаном от руки, гласило следующее:

Под Тау, Греческим крестом, анх [коптский крест] и Тиара Халдеи, пред Граалем, Штандарт и Роза Креста,

Мы, Гранд Мастер Ордена Католической Розы и Креста, Храма и Грааля, задержались в Берберии с тем, чтобы детально разработать конституцию ордена, настоящим назначаю вас, нашего друга Командующего Гери Лакроза, как Верховного Блюстителя (Archwarden) Парижской Области принимать и предварительно отбирать кандидатов...

Не забудьте, друг Командующий, что только наука или гений в нашем ордене могут компенсировать отсутствие мирского взгляда.

Выдано в Париже под нашей печатью этим днем ... и т. д.
Царь Пеладан (Sar Péladan)⁷⁵

Через свой орден Пеладан надеялся вернуть оккультизм под крыло Католицизма. Заявленной целью Ордена Католической Розы Креста было выполнение работы милосердия, с видом на приготовление к воцарению Святого Духа. Грядущее царство Утешителя к этому времени было знакомой темой среди оккультных групп.

Каждый кандидат в посвящение должен был предстать перед Гранд Мастером, который задавал ему следующие десять вопросов:

1. Кто ты?
2. В чем твоя потребность?
3. К чему склоняется твоя воля?
4. Как ты осознаешь себя?
5. Чьей силой?
6. Обозначь свои симпатии и антипатии.
7. Определи предмет своей гордости.
8. Заяви иерархию существ.
9. Определи счастье.
10. Определи скорбь⁷⁶.

Если кандидат проходил опрос удовлетворительно, то расценивался как подходящий и мог войти в общество под самой нижней

⁷⁵ Пьер Жеро, *Les sociétés secrètes de Paris* (Париж, 1939).

⁷⁶ Там же.

степенью. А степени в обществе делились в восходящем порядке на следующие градации: слуги работ (servants of works), конюшие, рыцари и командующие. Командующим присваивались различные Сфирот каббалистического Древа Жизни. Лакроз к примеру, был Командующим Тиферет, в то время как Граф Леонс Ларманди (Comte Léonce de Larmandie) был Командующим Гебура.

Пеладан принимал посвященных в большом помещении, в котором жил в Нотр-Дам-де-Шам (Rue Notre-Dame-des-Champs). Он носил монашескую мантию с Розой Креста на груди и обращался к верующим мелодичным голосом, энергично жестикулируя руками, усыпанными кольцами.

Когда де Гуайта прослышал об этом фиглярстве, он немедленно обратился к Пеладану с просьбой прекратить эти раскольнические действия. По началу его тон был примирительным и 13 августа 1891 он написал Пеладану следующее письмо, на бумаге увенчанной символом Каббалистического Ордена, крестом с четырьмя розами в углах и пентаграммой в центре (см. рис. 15b).

Мой дорогой друг,

Надеюсь моя книга приносит тебе столько же удовольствия сколько принесла мне андрогин: чтение ее напоминало мне о некоторых самых живописных годах моей жизни в колледже отцов иезуитов. Благодарю также за то, что ты великодушно направил мне свою Gynandre. Все, что приходит ко мне от тебя, напоминает мне о прошлом, которое является для меня драгоценным воспоминанием.

Я лишь сожалею о том, что провокации, более или менее косвенно происходящие от твоего R+C+C, вынуждают нас энергично протестовать против него. Важно, чтобы для студентов оккультизма стало известно, что его доктрины совершенно противоположны всем розенкрейцерским традициям, и что мы не можем иметь ничего общего с актами, умышленного безумия, которые вы совершали в растущих количествах целый год под ярлыком Розы и Креста. Более того, твое письмо Папюсу и твоя Декларация «Исхода» содержит искажение фактов, которые для нас важно отрицать, памятуя принципиальные события твоего разрыва и последующего основания R+C+C.

Я сильно сожалею что провокации твоей позиции заставили нас прибегать к таким объяснениям, которые всегда имеют неудачный эффект.

Твой
Гуайта

Кажется, Пеладан написал де Гуайте ответ, обвиняя его в ненужной суете и предполагая встречу, в ходе которой они могли бы сгладить свои разночтения.

Следующее письмо де Гуайты было более резким нежели предыдущее.

Мой дорогой друг,

Диалог бы ничего не сгладил: потому что вопрос не в том, что между нами существуют недопонимания; вопрос в провозглашении единства между нами перед публикой, которая верит, что мы все вовлечены в твои дела. Как твое последнее заявление: «вы хотите агрессии ради самой агрессии», так вот позволь сказать тебе, что я нахожу его странным, тогда как то, на что ты ссылаешься — лишь запоздалый ответ на беспричинную агрессивность с твоей стороны.

Твой и бон вояж.
Гуайта

После этого, казалось, де Гуайта оставил надежду подчинить Пеладана. Тем временем Царь привлекал к себе растущее внимание. В 1892 он опубликовал *Comment on deviant mage*, представляющую собой любопытную смесь оккультизма и Католической догмы. В начале работы Пеладан заявляет, что он провозглашает истину Католической Церкви, осознает непогрешимость Папы и готов сжечь книгу, если Св. Петр расценит ее как плохую или несвоевременную. Текст книги содержит раздел о различных планетарных типах человеческих существ, давая советы по использованию чьих-либо планетарных способностей. Он пытается связать свои теории с Католической доктриной.

Пеладан видел свою Розу Креста чем-то много большим чем оккультное общество. Он стремился основать ядро, из которого бы эманировал полный набор религиозных, моральных и эстетических

ценностей. Для распространения своих эстетических идей он предпринял серию ежегодных салонов изобразительных искусств, наряду с представлениями «idealist theatre» (театр идеалиста) и проведением концертов «возвышенной музыки». Первый из «Salons de la Rose Croix» (Салон Розы Креста) имел место в марте 1982, и к большому удивлению имел значительный успех.

Розенкрейцерские салоны стали настоящей частью общества, и к 1894 году Пеладан уже был готов написать в *L'Art idéaliste et mystique*: «От года к году Розенкрейцерская идея располагает к себе и артистов и публику. Эстетически цель достигнута». В той же книге он обсуждает свои теории о том, как должны работать артисты.

«Работа должна быть задумана в нашем воображении, как человек был создан в воображении Элохима; то есть она должна быть задумана на трех планах: гибком, органическом, интеллектуальном.

Артист должен начинать с абстракции своего субъекта, то есть фиксируя абстрактный план, который он занимает; затем он представит душу, наиболее совместимую с абстрактным планом; в конечном итоге он выберет формы наиболее характерные этой душе».

Пеладан был не менее активен и как театральный импресарио, драматург и режиссер. Он заявлял, что обнаружил две утерянные пьесы Эсхила, *Prometheus, Bearer of Fire* («Прометей, Носитель Огня») и *Prometheus Delivered* («Прометей Избавленный»), которые составляли трилогию вместе с *Prometheus Enchained* («Прометей Прикованный»). Не убедив Комеди Франсез (Comédie Française) принять эти пьесы, Пеладан организовал свое представление трилогии. Его компания «The Théâtre de la Rose+Croix», поставила также еще несколько пьес с оккультным или мистическим посылом. Реклама, воспроизведенная в *L'Art idéaliste et mystique*, анонсировала представление на Марсовом поле (Champ-de-Mars): «Вавилон, Вагнеровская трагедия в четырех актах, отвергнутая Комеди Франсез, исполняемая 11-го, 12-го, 15-го, 17-го, 19-го марта 1893 года в Розе Креста. М. Hattier сыграл Царя Меродака (Sar Mérodack); М. Dammebie — Архимага; a Mlle Mellot — Samsina

(М-зель Мелло сыграла Самсину)». Названия некоторых других поставленных пьес: *Orpheus* (Орфей), *Le Mystère du Graal* (Тайна Грааля), *Le Mystère des + Rose Croix* (Тайна Розы Креста) и *Les Argonautes* (Аргонавты).

Де Гуайта, до сих пор выражавший лишь лично свои протесты против действий Пеладана, решил, что пришло время публичного разоблачения конкурирующей Розы Креста. В 1893 его орден выпустил следующее провозглашение:

Мы, Братья Розы и Креста, полагаем что Жозефин Пеладан, бывший член совета двенадцати, пытаясь в 1890 году завладеть орденом по причине того, что недостаток папизма оскорбителен для самого Папы; выпустив свои «Декларации» от имени «Католической Розы Креста», изливал во имя Братства, не посоветовавшись ни с кем из Розенкрейцеров, различные фантастические обвинения широко ультрамонтанистического⁷⁷ тона; и это притом, что он с полной определенностью был в вопиющих противоречиях не только с традиционным духом Ордена, но и с дражайшими убеждениями его коллег — в общем, мы говорим, что Господин Жозефин Пеладан подал в отставку, чтобы в последствии учредить, независимо от нас и против наших желаний, «Троичный Интеллектуальный Орден», называемый «Католическая Роза Креста», сообразно букве своих деклараций;

Тем самым он бесстыдно присвоил название и эмблему Розы Креста, чтобы втягивать это почитаемое имя и символ во все противоречия и посмеяния;

Мы, Братья Розы Креста, провозглашаем упомянутого господина Пеладана раскольников и отступником Розенкрейцеров;

Мы осуждаем его и его так называемую Католическую Розу Креста перед трибуналом общественного мнения;

И мы торжественно утверждаем, что он должен готовиться чтобы проявить себя снова, что названия, под которыми он

⁷⁷ Монтанизм — религиозное движение II века. *Прим. пер.*

действует, были хоть и сознательно, но бесосновательно им присвоены.

Париж, 25 марта, 1893.

Арбитр
F.-Ch. Barlet (Барле)

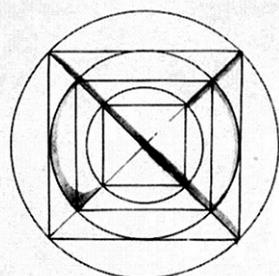
По порядку
Для Верховного Совета
Розы и Креста,
Директор
Станислас де Гуайта
Уполномоченный Генерал
Папюс⁷⁸.

Хотя Папюс был одним из подписавшихся под этим помпезным и высокопарным документом, позднее он кое в чем раскаялся и написал в статье в *Les Sciences maudites* в 1900:

«Со своей стороны, Жозефин Пеладан — этот замечательный артист, которому будущее воздаст справедливость в конечном счете рассматривая его отдельно от слишком оригинальных аспектов его работы — он возглавил движение спиритуализации эстетизма, чьи плоды только начинают проклевываться и приведут к глубоким последствиям в современном искусстве».

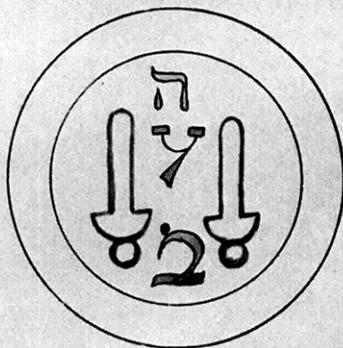
⁷⁸ Вирт, Станислас де Гуайта.

*La lettre Aleph
 unoglyphe — le batelun*

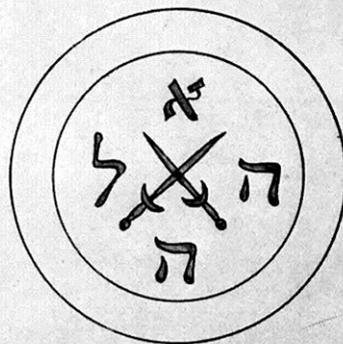

*Le pentacle d'Eden
 prototype des lettres sacrées*

Haamiah

Haahel

equilibre polit,

Рис. 13

Рисунки из копии книги Леви *Clés majeures et clavicles de Salomon*. Левая верхняя — маг из колоды Таро (Juggler), с наложенной на него буквой еврейского алфавита Алеф; нижняя левая, «пентакль Эдема», так называемый прототип всех еврейских букв; верхняя и нижняя правые, две стороны талисмана, каждая из которых представляет одно из Имен Бога из Шемхамфораш (Schemhamphorasch)

Рис. 14

Жозефин Пеладан (1858 — 1918), плодовитый писатель и лидер собственного Розенкрейцерского движения

Глава 16

МАГИЧЕСКИЙ ПОИСК Ж.-К. ГЮИСМАНСА (J.-K. HUYSMANS)

Излюбленным местом встречи оккультистов Парижа был книжный магазин Эдмона Байи (Edmond Bailly) на Rue de la Chaussée d'Antin, где была опубликована *La Haute Science* [«Высокая Наука»]. Это место было посещаемо представителями всех культов, и среди его завсегдатых были де Гуайта, Папюс и Пол Адам (Paul Adam). Среди посетителей, осматривающихся в магазине, можно было заметить аккуратно одетого, коротко стриженного мужчину, с выдающейся бородой. Его имя было Ж.-К. Гюисманс, он снимал квартиру на Рю де Севр, на той же улице, где умер Элифас Леви. Он работал мелким чиновником в Министерстве Внутренних Дел, но публике он был известен как романист. Со своей книгой «Наоборот» (*A Rebours*) он вызвал сенсацию в литературных кругах, перевернув реалистичные доктрины своего прежнего учителя, Золя, прославившись в мире искусственности и фантастики. Герой книги, Des Esseintes (дез Эссент), утомленный миром и его банальными удовольствиями, закрывается в доме на задворках Парижа, окружив себя всякого рода приспособлениями для стимуляции воображения — клавишной панелью, в которой ликеры играют роль нот, на ней он играет утонченные мелодии вкуса, столовая в его доме обустроена как каюта корабля, что позволяет ему вообразить себя в море, в доме так же имеется коллекция парфюмов, с которыми он бесконечно экспериментирует, придумывая новые, вызывающие воспоминания запахи. По мере того, как эти удовольствия начинают надоедать, дез Эссент переходит от одной экстравагантной схемы к другой, в отчаянном поиске возбуждения.

A Rebours была одной из тех книг, которая захватывает широкие настроения всего поколения. Она указывала путь для тех, кто чувствовал, что имеет что-то общее с ее гедонистическим героем, что должно быть чувствовал и сам Гюисманс. Если дез Эссент, со всеми

ресурсами в его распоряжении, не смог найти стойкое лекарство от скуки, то казалось, что для каждого с похожим поворотом сознания, дорога вела к суицидальному отчаянию. Все же, как понял Гюисманс, существовал другой путь, так как в разговоре со своим другом, Гюставом Гиша в 1887 году, после выражения своего разочарования жизнью, работой и женщинами, он по слухам сказал следующее:

«Возможно еще остался оккультизм. Я конечно же не имею в виду спиритуализм — дешевых прохиндеев со своими сомнительными трюками, медиумов с их шутовством, и слабоумных старух с их настольным антиквариатом. Нет, я имею ввиду подлинный оккультизм — не выше, но ниже или около, или за реальностью! Изменяющем веру Первобытного или первого причастника, которой я должен очень хотеть обладать, там есть тайна которая взывает ко мне. Я мог бы даже сказать преследует меня... »⁷⁹

Это был классический Фаустовский импульс, который повел Гюисманса в книжный магазин на Rue de la Chaussée d'Antin, и вскоре он свободно чувствовал себя в оккультных кругах. Одним из тех, кто стимулировал его интерес к оккультному, была Берта де Курьер (Berthe Courrière), муза писателя Реми де Гурмона, который описал ее в своих *Portraits du prochain siècle* как «оккультистку и каббалистку, эрудированную в истории азиатских религий и философий, увлеченную завесой Изиды, посвященную посредством личных опасных опытов в устрашающие мистерии Темного Искусства... душа, с которой говорила Тайна — и говорила не напрасно».

Гюисманса с ней познакомил де Гурмон в 1889-м, с которым она жила в квартире на Рю де Варен. Он проводил там много вечеров, слушая БERTУ Курьер, рассуждающую об оккультизме, и однажды принял участие в сеансе прямо в ее квартире.

Гюисманс также завел дружбу с Наундорфистами, которые, бывало, собирались на вечерах, устраиваемых писателем Чарльзом Буетом (Charles Buet) в его квартире на Авеню де Бретейль. Он так же переписывался с Маркизом де Мекенхеймом (Marquis de

⁷⁹ Роберт Балдик, Жизнь Ж.-К. Гюисманса.

Meckenheim), близким сторонником Наундорфистов, и стал собирать материал, на основании которого надеялся написать роман об этом движении. Вскоре, однако, он оставил эту затею, и вместо этого стал исследовать предмет черной магии, в частности средневекового французского сатаниста Жиля де Рэ, который, будучи выдающимся солдатом и Маршалом Франции, обратился в черные искусства и совершил серию ужасающих и развратных преступлений. Гюисманс изучил записи о судебном разбирательстве на Маршалом и посетил руины его замка. Всему этому надлежало войти в его роман *Là-Bas*, в котором рассказ о жизненном пути Жиля де Рэ сплетается в повествование о сатанизме во Франции девятнадцатого века.

Là-Bas («Там Внизу») содержит детальное описание черной мессы, и это большой повод для спекуляций о том присутствовал ли Гюисманс когда-либо при таком событии. Реми-де-Гурмон (Rémy de Gourmont) и другие кто знал его, сказали, что он не мог; но его друг Леон Хенник (Léon Hennique) говорил противоположное. В интервью, опубликованном в *Nouvelles Littéraires*, за 10 мая 1930-го, он заявил, что «Гюисманс присутствовал на черной мессе, и впоследствии рассказывал мне каким пугающим и дьявольским показалось ему это зрелище». Однако слова «черная месса» часто используются довольно свободным образом, и возможно, что описываемое Гюисмансом было не более, чем какой-то сеанс. Наилучшее доказательство предоставляется при оценке черной мессы в романе, который я обрисую немного позднее. Гюисмансовское описание церемонии, хоть живое и детальное, но не вполне правдиво. Подобно описаниям деятельности сатанистов в причудливых работах Монтегю Саммерса, оно создает впечатление состряпанной из анти-сатанинских полемик.

Другой темой для спекуляций является идентичность реальной жизни модели для Канона Докрэ (Canon Docre), сатанистского жреца из «Там Внизу». Наиболее предпочтительным предположением является то, что персонаж Докрэ писали с бельгийского священника по имени Аббат ван Хайк (Abbé van Haecke). Немного света на этот вопрос пролил барон Фирмин ван ден Бош (Firmin van den Bosch), который утверждал, что Гюисманс давал ему детальную оценку исследований сатанизма последнего. Согласно ван ден Бошу, Гюисманс присутствовал на черной мессе и во время церемонии заметил священника, наблюдающего чуть в стороне. Недолгим после он опознал священника по фото, на которое наткнулся в оккультном

книжном магазине. Гюисманс по-видимому сказал ван ден Бошу о том, что у ван Хайка вытатуирован крест на стопах и что тот получает удовольствие от постоянного поправления символа Христа. Правда это или нет, но определенно Аббата ван Хайка окружала зловещая репутация, в которую Гюисманс верил.

Другой персонаж, который приходит в «Гам Внизу» — белый маг, упоминающийся как Доктор Йоханес (Dr. Johannès). Об идентичности доктора Йоханеса и реального персонажа нет никаких сомнений. Его образом стал Аббат Буллян (Abbé Boullan), экстраординарная личность которая имела глубокое влияние на жизнь Гюисманса. Буллян был значительной фигурой в оккультизме девятнадцатого века, и, хотя, Гюисманс написал его как практика белой магии, оставалось множество тех, кто считал его черным магом, чернее черного. Вот основные факты о его жизни.

Жозеф-Антуан Буллян родился 18-го января 1824-го в деревне Сен-Поркье, Тарн и Гаронна. Он обучался священству в местной семинарии и позднее в Риме где принял докторат с отличием. Затем он присоединился к Миссионерам Драгоценной Крови, и, приняв участие в нескольких миссиях в Италии, остался в одном из домов Общества в Эльзасе (Alsace) и вскоре стал его директором. В 1856-м он оставил Общество и приехал в Париж как независимый священник, где создал себе репутацию теолога и редактировал периодическое издание под названием *Les Annales du sacerdoce* («Летопись священства»).

Вскоре после приезда в Париж ему поручили духовничество над юной монахиней по имени Адель Шевалье, у которой произошла серия удивительных видений. В 1859 Буллян и Сестра Адель организовали в Bellevue религиозную общину под названием Общество для Репарации Душ (Society for the Reparation of the Souls). Цель была довольно похвальна, но лишь до тех пор, пока на общину не начали поступать странные жалобы. Предполагалось использование обманных медицинских средств, и что хуже, ходили слухи что два основателя имели любовную связь, и предавались различным отвратительным практикам. Говаривали даже о том, что во время мессы Буллян принес в жертву дитя, рожденное ему Сестрой Адель⁸⁰.

⁸⁰ Буллян, как выяснил Гюисманс, имел множество хороших качеств, и я не склонен верить в то что он мог быть виновен в таком ужасном преступлении.

Результатом этих обвинений стало то что в 1861-м году Буллян и Адель Шевалье были преданы суду за мошенничество и непристойность. Их нашли виновными по первому пункту и приговорили к трем годам заключения, которые Буллян отбывал в Руане с декабря 1861-го по сентябрь 1864-го.

В 1869-м Буллян был заключен в камеры инквизиции в Риме (Holy Office in Rome), где написал признание в своих преступлениях, известное как *Cahier rose* («Розовая тетрадь»). Вскоре он был помилован Инквизицией и зимой 1869 года вернулся в Париж. В 1870-м он завел новый журнал под названием *Les Annales de la sainteté au XIXe siècle* («Летопись святости в девятнадцатом веке»), который вскоре привлек неблагоприятное внимание со стороны церковных властей из-за определенных еретических взглядов, выражаемых в нем. Буллян навлек на себя их немилость также и тем, что применял неортодоксальные методы при изгнании злых духов.

Ситуация достигла пика, когда в 1875-м году Архиепископ Парижа призвал Булляна и спросил его об этих процедурах. В результате интервью Архиепископ официально запретил Булляну проводить что-то подобное. Буллян обратился в Рим с тем чтобы запрет сняли, но приговор Архиепископа оставили в силе и ответной мерой Булляна был его уход из Церкви.

Немедленно после этого Буллян завел переписку с Эженом Вентрой, пророком из Тийи-сюр-Сель (Tilly-sur-Seule). Они встретились в Брюсселе 13 августа 1875-го и снова в Париже 26 октября. На второй встрече Вентра представил Булляну несколько знаменитых чудодейственных облаток, что последний очевидно посчитал меткой особого благоволения, так как, когда в декабре того же года пророк умер, Буллян немедленно провозгласил себя новым лидером секты. И если Вентра называл себя новым Илией, то Буллян анонсировал себя как реинкарнация Иоанна Крестителя. И в подобие голубя — символа Параклета (Святого Духа Утешителя) — которого Вентра изобразил на лбу, у Булляна в уголке левого глаза была вытатуирована пентаграмма. Но все это, однако, не помогло убедить большинство последователей Вентры, и только горстка из них приняла Булляна как своего нового лидера.

Неустрасимый, Буллян обустроился в Лионе, где собрал вокруг себя небольшой избранный круг лояльных людей, одним из наиболее активных членов которого была экономка средних лет, Джули Тибо

(Julie Thibault), также известная как Achildaël или Апостольская Женщина. Действия этой группы варьировались от странных церемоний, таких как Жертва во Славу Мельхиседека и Жертва Марии (Provictimal Sacrifice of Mary), до более секретных ритуалов, которые Булльян называл «Союзы Жизни» (Unions of Life), и на них могли присутствовать только самые привилегированные ученики. Булльян учил что если падение наших первых родителей было результатом акта заслуживающей порицания любви, то именно через акты любви, но выполненные в религиозном духе, человечество могло бы и должно получить Искупление. Эти «акты любви» принимали форму сношений либо с небесными сущностями, если адепт желал искупить себя, либо с низшими существами если адепт желал помочь им подняться по «лестнице жизни»⁸¹.

В 1886-м Булльян нарушил свое правило секретности, позволив трем сравнительно посторонним людям, принять участие в этих ритуалах. Первым был священник по имени Канон Рока (Canon Rosa), который вскоре после посвящения в мистерии «лестницы жизни», принятого от Джули Тибо, ужаснувшись увиденного, покинул Леон и решил больше никаких дел с Булльяном не иметь. Вторым был Станислас де Гуайта, который, как представляется сблизился с группой в духе покорности, так как, согласно Булльяну, пал на колени перед Джули Тибо, говоря ей, что он был «лишь малым ребенком в школе». Сложно сказать, была ли эта покорность искренней, или же де Гуайта устроил маскарад для того, чтобы получить больше козырей для последующих атак на Булльяна. Но если в мотивах дел де Гуайты и Булльяна есть сомнения, то в мотивах третьего участника, Освальда Вирта, который сознательно следил за Булльяном, сомнений нет. Больше года он изображал энтузиазм касательно идей Булльяна и постепенно прокладывал себе путь к доверию мастера. Когда он получил письменную форму, где излагались доктрины Булльяна, он решил, что у него уже достаточно доказательств, которые позволят дискредитировать секту, и в декабре 1886 написал Булльяну жесткое письмо, вскрывающее его вероломство.

В следующем году, когда Вирт и де Гуайта встретились, они сравнили заметки об опыте, полученном в Лионе, и решили устроить

⁸¹ Роберт Балдик, *Жизнь Ж.-К. Гюисманса*.

«начальный трибунал», чтобы судить Булляна. Найдя его виновным, они передали ему свой вердикт в письме от 24 мая 1887-го, которое было продиктовано де Гуайтой и подписано Виртом. В письме Вирт информирует Булляна о том, что он предпринял специальную поездку в Шалон-сюр-Марн (Châlons-sur-Marne), с тем чтобы побеседовать с некой мадмуазель М, которая предоставила ему целый ряд писем Булляна и сорокастраничный доклад, где поминутно изложены детали действий секты. Письмо продолжалось:

Теперь на меня возложена задача уведомить вас об этих фактах и убедить вас, в ваших собственных интересах и из милосердных побуждений отречься от ваших святотатственных действий и отвратительной пропаганды, которой вы себя посвятили. Истинные посвященные больше не будут терпеть ваши профанации Каббалы, то, что вы называете себя Каббалистом и смешиваете возвышенные доктрины Мастеров Мудрости с навозом вашего распутного воображения.

Отрекитесь от своей наивной гордости, потому что именно она мешает вам увидеть мерзость ваших доктрин и ваших работ. Имейте мужество признать свою ошибку, отрекитесь перед жертвами ваших непристойных учений, попросите прощения за свои преступления против Природы, Церкви и Святого Духа!

Последний путь к спасению открыт перед вами; вам решать, принесет ли это вам пользу.

Вы приговорены. Но так как трибунал ведом больше Христианским милосердием нежели строгим правосудием, трибунал подождет.

Приговор остается над вашей головой до того дня, когда из-за недостатка милостивых мер его применение станет неизбежным.

Я, не сомневаясь в реальности ваших преступлений, сделал все, чт бы воззвать к вашей добросовестности, которая, впрочем, более чем сомнительна, ввиду одного факта, перечисленного среди прочих мадмуазель М., факта, который всколыхнул негодование ваших судей до верхней точки. Это касается распоряжения, данного вышеупомянутому ясновидящему сделать запрос Маркизе де Сент-Ив (Marquise de Saint-Yves), не в соответствие с ее собственным сознанием

и правдивостью, но в соответствие с вашим собственным интересом, рассчитанным заранее.

Пусть Бог, смиловавшись над вашим ожесточением, отверзнет ваши ослепшие глаза, и коснется вашего бедного сердца! Желаю этого из глубины своей души.

Освальд Вирт⁸²

Это письмо Булльян воспринял как объявление войны. Убежденный, что де Гуайта и его компаньоны попытаются казнить его посредством магии, Булльян стал разрабатывать средства для отражения атак, веря в то, что враги будут использовать заклинания, которым они от него же и научились.

Очевидно, контрмеры Булльяна были эффективными, так как к 1891 году де Гуайта посчитал необходимым пробовать различные линии атаки. Если Булльян не может быть устранен, он, по крайней мере, может быть публично разоблачен, и в 1891 году де Гуайта опубликовал работу под названием *Le Temple de Satan* («Храм Сатаны»), где обличал практики секты из Лиона.

К этому времени Гюисманс уже имел контакт с Булльяном. Все, что он слышал о зловещем экс-аббате, заставило его думать, что тут он имел дело с ценной информацией об оккультизме из первых рук, и в 1889 его друг Гюстав Гиша (Gustave Guiches) написал от его имени Канону Рока, спрашивая, как Гюисманс мог бы иметь контакт с Булльяном. Канон ответил следующее:

В ответ на ваши письма спешу уведомить вас, что я прекратил всякие отношения с господином Булльяном из Лиона, и что я сделаю все чтобы никогда их не возобновлять ... Человек этот известен отсутствием друзей, и я сильно сомневаюсь, что найдется хоть один, кто мог бы устроить для господина Гюисманса знакомство. Но я могу отослать его к порядочному молодому приятелю в Париже, который знает все позорные секреты Булльяна, и который способен просветить ищущего и о самом человеке, и о его мерзком оккультизме. Напишите посвященному Освальду Вирту, упомянув мое

⁸² Вирт, Станислас де Гуайта.

имя ... и возможно молодому Барону Станисласу де Гуайте, который, должно быть, сейчас в Париже, он узнал Булляна при тех же обстоятельствах, что и я, хотя и более коротко...⁸³

Гюисманс последовал совету Канона и написал де Гуайте и Вирту. Ответ первого помощи не принес, а вот последний отписался, обещая дать ему всю информацию, которой он обладал, и они встретились на квартире у Вирта вечером 7 февраля 1890-го. Вирт не впечатлил Гюисманса, как это можно видеть из заметок, которые тот делал во время встречи.

«О. Вирт — пройдоха и заика — отрицает, что Аббат Буллян сатанист. Он Наундорфист, надеется на приход великого Короля и хочет быть Папой. Он мечтает о Религии „Чистой и Свободной Любви“. Предположительно прохиндей и жулик. Его оккультные силы? — Вирт отрицает их и заявляет, что обнажил развращенность Булляна перед Рока и другими оккультистами»⁸⁴

Чего Вирт не знал во время встречи, так это того, что Гюисманс уже переписывался с Булляном, получив его адрес от Берты де Курьер (Berthe Courrière), которая хорошо его знала и описывала как «очаровательного мужчину». В письме, датированном пятым февраля, Гюисманс объясняет Булляну, что он является исследователем современного сатанизма и уже консультировался у нескольких парижских оккультистов, но к сожалению результаты удручали. Эти личности излагали какие-то «идиотские теории, завернутые в дремучее словоблудие, тем самым больше походили на совершенных неучей и непровержимых болванов». Вот продолжение письма:

Несколько раз я слышал ваше имя, произнесенное с ужасом в голосе — и это само по себе предрасположило меня в вашу пользу. Затем я слышал, что вы были единственным посвященным в древние мистерии, который наряду с теоретическими добился так же и практических результатов, и еще мне сказали, что если кто и мог бы явить феномен, который нельзя отрицать, то это вы и только вы. В это я хотел бы верить,

⁸³ Роберт Балдик, *Жизнь Ж.-К. Гюисманса*.

⁸⁴ Там же.

потому что это означало бы, что я нашёл редкую личность в это однообразное время — и я мог бы дать вам исключительную рекламу, если она вам нужна. Я мог бы выставить вас Супер-человеком, Сатанистом, единственным в своем роде, далеко стоящим от детского спиритуализма оккультистов. Позвольте мне, Месье, задать вам эти вопросы сразу и напрямую, потому что я не люблю ходить вокруг да около. Вы сатанист? Можете ли вы дать мне какую-либо информацию о суккубах — Del Rio, Bodin, Sinistrari и Göttes, поскольку я совершенно неосведомлен по данному вопросу? Заметьте, я не прошу ни о каком посвящении или о тайных знаниях — мой поиск касается исключительно достоверных документов и полученных в результате ваших экспериментов результатов⁸⁵.

Булльян ответил на следующий день в письме, типично озаглавленном эпиграфом *Quis ut Deus?* [Кто как Бог?] и подписанном «Dr. Johannès» (Доктор Йоханес), тем самым именем, которое позднее Гюисманс использует в Там Внизу. Булльян отказался от предложения Гюисманса о рекламе и сказал, что он не сатанист «но Адепт, который объявил войну всем демоническим культам». Он ясно дал понять, что не готов давать какую-либо детальную информацию, пока не узнает точных намерений Гюисманса в проведении такого исследования.

Гюисманс ответил на следующий день, заверяя Булльяна, что у него нет желания возвеличивать сатанизм, он лишь хочет доказать, что продолжает существовать и осуществляет власть. Он продолжал:

«Так случилось, что я утомился от идей моего доброго друга Золя (Zola), чей абсолютный позитивизм вызывает у меня отвращение. Я так же устал от систем Шарко (Charcot), который попытался убедить меня, что демонианизм — это бабкины сказки, и что приложив давление к яичникам, он мог бы остановить или развить сатанические порывы у женщины под его наблюдением в Сальпетриер. И я еще больше устал, если это вообще возможно, от оккультистов и спиритуалистов, чьи феномены, хоть часто подлинны, но слишком часто одинаковы.

⁸⁵ Там же.

Что я хочу сделать, это преподавать всем людям урок — создать произведение искусства сверхъестественного реализма, духовного натурализма. Я хочу показать Золя, Шарко, спиритуалистам и остальным что ничего из окружающих нас тайн не было объяснено, если я могу получить доказательство существования суккубов, я хочу опубликовать это доказательство, чтобы указать на то что все материалистические теории Модсли (Maudsley) и ему подобных — ложь, и что Дьявол существует, что Дьявол царствует, что власть которой он пользовался в Средние Века не отнята у него, так как сегодня он абсолютный хозяин мира, Омниарх (Omniarch)...»⁸⁶

Буллян был впечатлен этим письмом, в ответном письме он выражал одобрение целей Гюисманса и обещал сотрудничество. Он подтвердил веру Гюисманса в то, что сатанизм процветает и заявил, что он даже более могущественен чем в средние века. «Я могу предоставить в ваше распоряжение, — писал он. — Документы, которые позволят вам доказать, что сатанизм активен в наше время, в какой форме и в каких обстоятельствах. Ваша работа, таким образом, продолжится как монументальная история сатанизма в девятнадцатом веке»⁸⁷.

Но Буллян не собирался подпускать Гюисманса слишком близко, пока не удостоверится, что он не поведет себя как повели себя де Гуайта и Вирг. Поэтому он послал Джули Тибо в Париж увидеться с Гюисмансом и осторожно о нем расспросить. Она, должно быть, не показалась ему шпионом — маленькая женщина средних лет, в шляпке и дешёвом черном платье, вцепившаяся в зонтик и молитвенник, с оловянным распятием, свисающим с шеи и пенсне на кончике носа. Ее строгий профиль, однако, выдавал сильный характер, и вскоре она впечатлила Гюисманса рассказами о своих выдающихся подвигах. Она, казалось, провела много лет, посещая святилища Девы Марии по всей Европе, пройдя более 25 000 миль, имея при себе только зонтик и узелок одежды, выживая только на хлебе, молоке и меде. Гюисмансу приглянулась эта красочная женщина; и несколько лет спустя,

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

после смерти Булльяна, она стала его экономкой и компаньоном, а ее домом стала квартира писателя.

Ей со своей стороны Гюисманс понравился, и она благожелательно отрапортовала мастеру в Леон, в результате чего писатель оказался заваленным документами от Булльяна дающими детальные описания по наложению чар, Жертве Славы Мельхиседека, Черной Мессе и других магических явлениях. Булльян также оказал Гюисмансу услугу в проведении двух магических операций, предполагающих своей целью защитить его от любых злых чар, которые могли наложить де Гуайта и его друзья. Вторая из этих операций длилась целых два дня. Свидетельств того, что община де Гуайты предпринимала попытки магических атак на Гюисманса нет, но отговорить его от каких-либо дел с Булльяном они все ж пытались. 13 февраля 1890 Вирт написал Гюисмансу, обращая его внимание на определенные отрывки из книги Чарльза Совестра (Charles Sauvestre) *Les Congrégations religieuses dévoilées*, имеющие дело с преступными действиями Общества Репарации Душ. Спустя несколько дней он обратился в офис Гюисманса в Министерстве Внутренних Дел и прочитал лекцию о развращённости Булльяна — но безрезультатно. «Он слушал, — докладывает Вирт. — С улыбкой на устах, и затем отметил, что если пожилой человек нашел некоторые мистические хитрости для получения небольшого плотского удовлетворения, то это без сомнения не так глупо с его стороны...»⁸⁸

Несмущенный Виртом, Гюисманс продолжил собирать материалы от Булльяна и из других источников, и к концу 1890 года «Там Внизу» была окончена. Что было удивительным для Гюисманса, одна из наиболее уважаемых газет, Эхо Парижа (*Echo de Paris*), попросила серийные права на выпуск этой работы, и первые взносы появились 15 февраля 1891 года. Ввиду публичного влияния, оказанного романом, и его превосходства, как работы оккультного жанра, его краткое изложение может представлять интерес.

История книги разворачивается вокруг Дюрталя, молодого писателя, который предпринял попытку изучения жизни и работ Жюль де Ре. Начало книги описывает его мотивы, которые побудили его искать столь сверхъестественный предмет. Школа натурализма, к которой

⁸⁸ Там же.

он до сей поры принадлежал, стала, как он чувствовал, бесплодной; в то время как методы ее оставались ценны, рассматриваемые ей предметы стали безынтересны. Поэтому Дюрталь ищет полностью новый предмет, к которому можно было бы приложить объективность натурализма. «Нужно было бы в мире следовать основному пути, так глубоко высеченном Золя, но также нужно и отследить в воздухе другой, параллельный путь, другой маршрут ... созидать, проще говоря, духовный натурализм...»⁸⁹

В своей личной жизни, равно как и в писательстве, Дюрталь чувствует нужду в каком-нибудь новом источнике вдохновения. Он периодически ощущает влечение к религии, но не способен предать самого себя, потому что критичность его мышления восстаёт против нее». Он не верит в нее, и все же признает сверхъестественность, ведь даже на этой земле, как кто-то может отрицать тайну, восстающую со всех сторон...»⁹⁰ Проблема Дюрталя ясно отражает его создателя, так как она отражает проблему, с которой в период написания романа столкнулась большая часть французской интеллигенции.

Гюисманс спроецировал себя не только на Дюрталя, но также и на персонажа друга Дюрталя, некоего де Герми, загадочного, замкнутого, привередливого человека, глубоко сведущего в странных предметах и частого посетителя компаний астрологов, каббалистов и алхимиков. Де Герми подпитывает интерес Дюрталя к оккультной литературе и снабжает его книгами, включая переведенный алхимический манускрипт с комментариями Элифаса Леви. Однако Дюрталь озадачен аллегорическими иллюстрациями и находит комментарии Леви бесполезными. «Элифас Леви как мог объяснил символику всех этих летучих жидкостей в их стеклянных сосудах, но он воздержался от того, чтобы дать знаменитый рецепт великого секрета и увековечил лишь дразнящие практики других своих книг, начиная с серьезной ноты, он заявлял о своем намерении открыть древнюю загадку, но все же, когда приходит решающий момент, под неясным предлогом замолкает, мол, он лучше погибнет, чем предаст столь могущественные секреты».⁹¹

⁸⁹ Ж.-К. Гюисманс *Là-Bas* (Livres de Poche edition, Plon, Paris, 1966) стр. 8.

⁹⁰ Там же стр. 15.

⁹¹ Там же стр. 75.

В романе появляется и ряд других красочных персонажей. Появляется так же персонаж по имени Карэ (Carhaix), старый звонарь, который живет со своей женой в кавернозном жилище высоко в церковной башне. В этих странных апартаментах Дюрталь и де Герми провели с Карэ немало бесед на совершенно разные темы, от звонарного искусства до порочности черной магии. Здесь же они познакомились с астрологом Жевэнже (Gevingey), который говорит им, что скоро наступит правление Параклета.

«„Время, ожидаемое Йоханесом, близко, — сказал Жевэнже. — И вот доказательство. Раймунд Луллий (Raymond Lully) свидетельствовал, что конец старого мира будет возведен распространением доктрин Антихриста, и эти доктрины он именовал Материализмом и чудовищным новопробуждением Магии. Это предсказание относится к нашему времени, я полагаю“..»⁹²

Это заявление было сделано во время долгой беседы на тему Параклета, когда Карэ признает, что теория отвечает его самым пылким желаниям.

«„В конце концов, — продолжал он, сидя и сложив руки. — Если третье Царство обманчиво, какое утешение остается Христианам, которые столкнулись со смятением мира, того мира, который ненавидеть нам не велит милосердие?“..

„Существует три царства, — сказал астролог, трамбуя пепел пальцем с в своей трубке. — То, что относится к Ветхому Завету, к Отцу, царство страха. То, что относится к Новому Завету, царству Сына, царство искупления. То, что относится к Евангелию Иоанна, царству Святого Духа, будет царствием воздаяния и любви“..»⁹³

Реальным двойником Жевэнже был астролог Эжен Ледос (Eugène Ledos), в то время как прообразом Карэ стал человек по имени Контес (Contesse), звонарь из Сен-Сюльпис. Другой видный персонаж в

⁹² Там же стр. 260.

⁹³ Там же стр. 257.

книге — это Гиацинт Шантелув (Hyacinthe Chantelouve), возлюбленная Дюртала, прообразом которой частично была Берта де Курьер (Berthe Courrière).

Мадам Шантелув была членом круга сатанистов, и именно она зовет Дюртала на черную мессу, устроенную скверным Каноном Докрэ. Церемония происходит в часовне бывшего монастыря Урсулы, которая теперь является частью частного дома, принадлежащего подруге Докрэ. В назначенный вечер Дюрталь и его возлюбленная едут в карете в окрестности Рю де Вожирар (Rue de Vaugirard) и сходят на маленькой, тихой улочке у калитки в неприступной стене. Пожилая женщина открывает им калитку, и Мадам Шантелув ведет Дюртала через мрачный сад к часовне, где они встречаются с маленьким человеком с пронзительным голосом и разукрашенным лицом. Они входят в угрюмую комнату, заполненную духом декаданса, в комнате общество довольно жалкого вида ожидало начала мессы. Традиционный алтарь с висящим поверх распятием, где помещалась гротескная фигура Христа со странно вытянутой шеей и лицом, которое перекосила «подлая улыбка».

Наконец появляется Докрэ, в сопровождении двух мальчиков из хора. На нем ярко-красная шляпа, из которой торчат два красных рога бизона, и риза цвета засохшей крови на черном, с изображением козла внутри треугольника, окруженного магическим рисунком трав шафрана, щавеля и молочая. Он кланяется алтарю и начинает мессу, которая поначалу следует шаблону обычной мессы; однако затем священник, поклонившись алтарю, выкрикивает:

«Мастер Скандалов, Распределяющий выгоды от преступления, Принц роскошных грехов и великих пороков, Сатана, это ты, кому поклоняемся мы, Бог логики, Бог справедливости!» Далее следует долгий панегирик Сатане, после которого Докрэ обращает свое внимание на фигуру Христа на кресте и начинает высказывать в его сторону грязные богохульства. После того как речь Докрэ заканчивается, общество предается истерии, усиливаемой дымом едких трав, курящихся в жаровнях. Запах вызывает у Дюртала предобморочное состояние. Не в силах выносить больше эту атмосферу, он спасается бегством из вонючей часовни, забрав с собой мадам Шантелув.

Это описание черной мессы ударяет по единственной сенсационной ноте в романе, который во всем остальном остается тонким и проникновенным произведением. Однако этого было достаточно,

чтобы обеспечить *Là-Bas* надежный *succès de scandale* (скандальный успех), который стал еще большим, когда Bibliothèque des Chemins de Fer (Библиотека железных дорог) наложила запрет на продажу книги во всех железнодорожных книжных ларьках, когда в апреле 1891 книга была напечатана.

После публикации *Là-Bas*, Гюисманс не перестал поддерживать контакт с Булляном. Он был убежден в том, что страхи последнего касательно оккультных атак были вполне обоснованными, и вскоре начал активно использовать магические antidotes, которыми снабдил его Булльян; объяснив, как их использовать, во время одного из визитов Гюисманса в Лион. Один из этих antidotes был продемонстрирован Жюлю Хюрэ (Jules Huret) во время интервью с Гюисмансом для *Echo de Paris*. Хюрэ сообщал, что во время диалога Гюисманс повернулся к нему и спросил:

«„Хотели бы вы понюхать, как пахнет экзорцистская мазь?“

„Да, — сказал я. “У вас есть с собой?“

Он встал, открыл коробочку и вынул квадратный кусочек коричневатой мази. Затем он совком вынул небольшой уголек из камина и положил поверх этот кусочек. Паста зашипела, густое облако дыма поднялось вверх и крошечную комнату наполнил сильный запах — запах, в котором перемешался аромат ладана и гнетущий запах камфары.

„Это смесь мирры, ладана, камфары и гвоздики — растения Св. Иоанна Крестителя, — сказал он мне. — Более того, тут всевозможные благословения. Это прислал мне из Лиона тот, кто сказал мне: Поскольку этот твой роман расшевелит множество злых духов вокруг тебя, я посылаю тебе это чтобы ты избавился от них“.⁹⁴

Повисло долгое молчание. Я стал понимать дез Эссента и Жиля де Рэ, и в красных косых лучах заходящего солнца, поджигающих оконные стекла, я почти ожидал увидеть искореженные фигуры, спасающиеся бегством от мук экзорцизма...»

⁹⁴ Роберт Балдик, *Жизнь Ж.-К. Гюисманса*.

Нападки, которые переживал Гюисманс, случались вечером, когда он собирался отойти ко сну. Согласно Эдмону де Гонкуру (Edmond de Goncourt), романиста «беспокоило ощущение, как что-то холодное движется по его лицу, и его очень тревожила мысль о том, что он может быть окружен какими-то невидимыми силами»⁹⁵. Эти случаи, которые Гюисманс довольно непочтительно определил, как «жидкостные кулачные бои», продолжали досаждать ему несколько лет. Однако он не был слишком напуган, ведь он умел практиковать Булляновские контрмеры. Один инцидент, должно быть, значительно укрепил его уверенность в маге и Лиона: действуя по совету Булляна, он держался по дальше от своего офиса в указанный день, а когда на следующий день пришел на работу, обнаружил что тяжелое зеркало в золоченой раме, висевшее позади его письменного стола, упало как раз туда, где он обычно сидел.

Как только Гюисманс почувствовал бы начало нападки, он должен был запереться в комнате и провести ритуал. Кусочек изгоняющей мази нужно было сжечь в камине, а на полу нарисовать защитный круг; затем, «размахивая чудодейственной облаткой в правой руке, и левой рукой прижимая к телу благословенный нарамник Или с Кармила (Elijan Carmel), нужно было вслух читать заклинания, которые растворяли астральные флюиды и парализовали силу колдунов»⁹⁶.

Пред лицом всего происходящего Гюисманс, очевидно, сохранил свое привычное циничное чувство юмора. Даже во время своих визитов в Лион он не мог оставаться полностью серьезным на счет активности Булляновского кружка. Во время одного из визитов он написал Берте Курьер:

«В этом изумительном доме я на самом деле видел Мессу, читаемую женщиной. Слава возрожденному сексу и обожествленным органам (говоря в стиле этих людей)! Мне гадают маленькая лунатичка, о которой я тебе говорил, и сейчас она читает будущее в стакане воды. Затем я собираюсь проконсультроваться у другой женщины, которая практикует Мосарабский Обряд (Mozarabic Rite) и составляет гороскопы по нуту и

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Joanny Bricaud, *Huysmans, occultiste et magicien*, p.27.

бобам. Наконец у меня деловая встреча с бывшей Бенедиктинской аббатисой, и я надеюсь получить у нее некоторые любопытные документы. Как видишь, я времени не теряю.

С тех пор как я последний раз писал тебе, сражения начались опять — Ваграмская битва в пространстве. На время я подумал, что я в психушке. Булльян подпрыгивает как сумчатая куница, вцепившись в одну из своих облаков. Он взывает к помощи Св. Михаила и вечных судей вечной справедливости; затем стоя на его алтаре, он выкрикивает „Порази Пеладана, порази Пеладана, порази Пеладана!“ И Мадам Тибо, со сложенными на животе руками, объявляет: „Свершилось“.⁹⁷

К этому времени Гюисманс уже обращался в сторону Католицизма, ему было суждено окончить свои дни обращенным при Бенедиктинском монастыре. Но своим обращением он несомненно обязан своему оккультному опыту, без которого он, скорее всего, никогда бы не мелькнул в духовном мире; более того, он всегда вспоминал Аббата Булльяна с особой любовью.

Два года спустя после публикации *Là-Bas* Гюисманс все еще переписывался с экс-аббатом, и вначале 1893 он получил следующее зловещее письмо:

Quis ut Deus?

Лион, 2 января, 1893-го

Мой дорогой друг Гюисманс,

Я очень обрадовался, получив твое письмо, в котором ты шлешь мне добрые пожелания в Новом Году. Это роковое время открывает мрачные предзнаменования. Цифры 8-9-3 образуют комбинацию, которая предвещает плохие новости.

3 января

Я больше не писал ничего вчера, ожидая письма от дорогой мадам Тибо, но ночью произошло ужасное. В 3 часа ночи я проснулся от удущья. Я дважды выкрикнул, «Мадам Тибо.

⁹⁷ Роберт Балдик, *Жизнь Ж.-К. Гюисманса*.

Я задыхаюсь!» Она услышала меня, но, когда она прибыла, я был без сознания. С трех до половины четвертого я был между жизнью и смертью.

В Сант-Максимон (Saint Maximon) Мадам Тибо мечтала о Гуайте и утром прокричала черная птица смерти. Она была вестником приступа. Мистер Мизме (M. Misme) мечтал о том же. В четыре часа я вновь уснул, опасность миновала⁹⁸.

Временное облегчение долго не продлилось, и 4 января Булльян скончался. Мадам Тибо послала Гюисмансу заметки о том, как он уходил:

«Выпив чашку чая, он задыхался легче. Я подбросила в огонь дров и нагрела для него рубашку; он надел ее и, казалось, почувствовал себя как всегда. Он встал как обычно и принялся писать свою статью для *La Lumière*, которую его просила написать Мадам Луиза Гранж (Louise Grange). Затем он написал письмо другу. Он захотел сам отнести его на почту. Я не позволила, мотивируя тем, что слишком холодно.

Пришло время ужина. Он сел, хорошо поев, и казался очень веселым. Затем он нанес свой обычный визит своим друзьям, Les Dames G ... Вернувшись, он спросил, готова ли я к молитве. Мы совершили молитву и несколько минут спустя он почувствовал себя не в своей тарелке. Он воскликнул: „Что это?“ Сказав это, он рухнул на пол. Мистер Мизме и я смогли лишь дотащить его до его кресла, где он мог побыть, пока я молилась, что старалась сделать побыстрее, чтобы он поскорей отдохнул.

Его грудь была стеснена, а его дыхание — очень затрудненным. В разгар его борений его сердце и печень были поражены болезнью. Он сказал, „Я умираю. Прощайте“. Я сказала ему, „Но, Отец, Вы не можете умереть. Как же книга, которую вы писали? Вы должны закончить ее“. Мои слова пришлись ему по нраву, и он попросил о „l'eau de salut“ (спасительной воде). Сделав глоток, он сказал: „Это спасет меня.“

⁹⁸ H.T.F. Rhodes, *Сатанинская Месса*.

Я излишне не беспокоилась, потому что мы так часто видели, как он восстанавливался после того, как был на волосок от смерти. Я думала, что и эта опасность минует.

Я спросила: „Отец, как вы?“ Затем я осознала, что он уже более не мог говорить. Он окинул меня прощальным взглядом. Казалось, он находился в агонии. Это продлилось едва ли две минуты, и он скончался»⁹⁹.

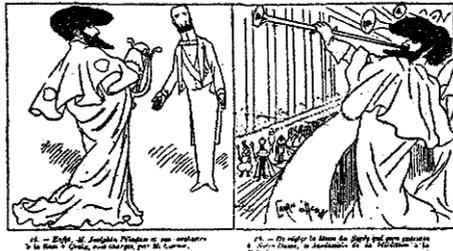

Рис. 15а

Иллюстрации, выполненные «Caran d'Ache» в Le Figaro, Изображающие Пелладана и его Розенкрейцерский оркестр

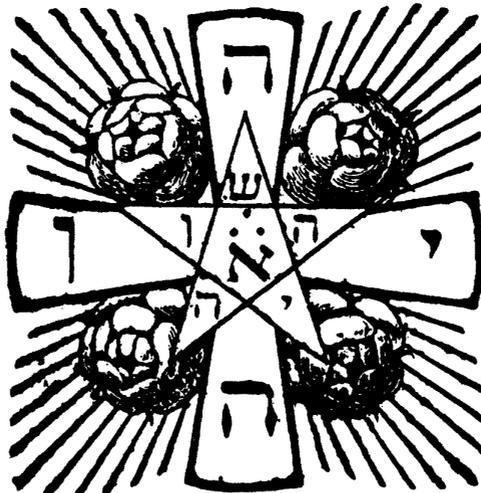

Рис. 15б

Символ Каббалистического Ордена Розы Креста Станисласа де Гуайта

⁹⁹ Там же.

Рис. 16

Станислас де Гуайта (1861 — 1897), лидер Каббалистического Ордена Розы и Креста. Фотография сделана в последние годы его жизни

Некролог Булляна появился в *Le Figaro* 7 января 1893. Автор, *Philippe Aucquier*, мелкий критик искусств, восхвалял Булляна и описывал его как великого апостола «наиболее неясных проблем сверхъестественного». Он так же намекал на то, что Станислас де Гуайта и его Розенкрейцеры, возможно, как-то причастны к смерти адепта из Лиона. Гюисманс и его друг, писатель Жюль Буа, высказывались более явно, и в колонках *Gil Blas* публично обвиняли де Гуайта в убийстве Булляна. Де Гуайта по началу молчал, но в конце концов был спровоцирован защищаться. 15 января он написал в *Gil Blas*:

«Несколько дней уже пресса распространяет про меня болтовню, которая по факту больше отражается не на мне,

а скорее на злонамеренных или простодушных людях, которые распустили слухи, что ходят беспрестанно за мной по пятам.

Не осталось никого, кто не был бы осведомлен о том, что я предался крайне отрицательным практикам колдовства; что я, глава Колледжа Розенкрейцеров, всецело посвященного сатанизму, члены которого посвящают свои досужие часы призыву Черного Духа; что те, кто нам противостоит, один за одним падают жертвами наших беззаконий; что лично я на расстоянии поразил многочисленных врагов, которые умерли от чар, обозначая меня своим убийцей... Это еще не все. Принято также считать, что я адски искусно смешиваю и использую самые неуловимые яды; я испаряю их с особой меткостью, с тем чтобы токсичные пары струились в бесчисленные дальние дали, в ноздри тех, кто не вышел для меня лицом; я играю партию *Жила де Ре* на пороге двадцатого века; у меня *дружеские и другие отношения с грозным Докрэ*, канон возлюбленный Господина Гюисманса; наконец, в чулане я держу узником фамильяра, который появляется по моей команде!

Достаточно? Нет. Все эти замечательные детали — ничто, лишь преамбула, основной предмет пересудов в том, что экс аббат Булян — кудесник из Леона, чья недавняя смерть вызвала ажиотаж — умер только благодаря моим заслугам, в купе со стараниями моих темных коллег, братьев *Розы Креста*».

Де Гуайта продолжал, отрицая то, что Булян умер по какой-либо иной причине, нежели слабое сердце и больная печень; и бранил Гюисманса и Жюля Буа за злостную ложь, которую они распространяли про него, затем объявил о том, что он вызвал их на дуэль и выслал своих секундантов, Мориса Барре (Maurice Barrès) и Виктора Эмиля Мишле (Victor Emile Michelet). Гюисманс секундантами выбрал своих друзей Гюстава Гиша (Gustave Guiches) и Алексиса Орса (Alexis Orsat). Секунданты обеих сторон были озабочены тем, чтобы обойти скандал, который обнажила бы дуэль, и все четверо сделали все для того, чтобы утихомирить де Гуайту. В результате их усилий было достигнуто согласие, и 15 января Гюисманс опубликовал заявление, отделяя себя от взглядов, которые выражал Буа и заявил, что никогда не имел намерений усомниться в чести де Гуайты как джентльмена. В свою очередь де Гуайта отозвал свой вызов Гюисманса.

Он также был успокоен и подобным примирительным заявлением от Буа. Однако несколькими месяцами спустя Буа опубликовал другую нападку на Маркиза. На этот раз возможности примирения не было, и двое сошлись в пистолетной дуэли в Tour de Villebon. Результат был не определен и позднее де Гуайта имел благородство записать, что Буа отважно вел себя на поле дуэли. Буа также позднее сражался с Папусом, который был умелым фехтовальщиком и легко ранил Буа в предплечье. После этого они стали лучшими друзьями.

Пять лет спустя де Гуайта умер, сраженный не магическими силами, а от передозировки наркотиков. Гюисманс тем временем стремительно отдалялся от оккультизма и был уже на пути ведущем его к Католицизму. Таким образом для этого исследования его роль уже не имеет значения.

Глава 17

ПИСАТЕЛИ И ОККУЛЬТНОЕ

Гюисманс был не единственным французским писателем на которого повлиял оккультизм. В самом деле влияние оккультного на французскую литературу девятнадцатого века было настолько широко распространённым, что исчерпывающее его изучение не ограничилось бы одним томом, не говоря уже о единственной главе. Литературный аспект оккультного возрождения, таким образом, лучше всего был бы показан на примере нескольких писателей, которые интересовались эзотерикой. Они, как правило, делились на две категории, которые иногда частично совпадали. К первой категории относятся писатели, для которых оккультизм выступает лишь как предмет изучения. Ко второй относятся те, для кого он играет роль стекла, через которое писатель видит мир, его явления и свою роль в нем как писателя.

Бальзак, вероятно, относился больше к первой категории, чем ко второй. Наиболее оккультная из его работ — это «Серафита» (*Séraphita*), в которой подробно раскрывается тему Сведенборга. В ранние годы девятнадцатого века интерес к шведскому провидцу как-то иссяк, но в 1820 с появлением первого завершённого французского издания работ Сведенборга, переведённых Моэ (Moët), интерес снова возродился. Другой перевод, выполненный Мальчиками Ле Ге (Le Boys de Guays) появился в 1840. *Séraphita* Бальзака была опубликована в 1835.

Действие романа разворачивается в городе Джарвис (Jarvis), на побережье Норвегии, где живет красивая и загадочная молодая персона, известная как Серафит (*Séraphitus*) или Серафита (*Séraphita*). Вскоре становится ясно, что Серафит/Серафита каким-то странным образом является двуполым или амбисексуалом, для одних представляющим мужской личностью, и женской — для других. Двое людей глубоко любят Серафиту. Одна из них — Минна (Minna), дочь местного пастора, Беккера (Becker). Другой — упрямый молодой

человек по имени Уилфред (Wilfrid). Серафита отвергает ухаживания обоих и объясняет, что у нее/него более высокие цели, нежели земная любовь. Недоумевая от поведения Серафиты, Уилфред навещает Беккера и спрашивает его, не объяснит ли он загадку, окутывающую эту странную личность. Беккер поясняет, что для того, чтобы сделать это, он для начала должен объяснить учения Эммануила Сведенборга. Далее следует краткое изложение жизни и доктрин Сведенборга. Беккер затем рассказывает, что одним из наиболее ярких последователей Сведенборга был некий Барон Серафит. «Барон, — поясняет он. — Был наиболее ревностным последователем шведского пророка, который открыл в нем глаза Внутреннего Человека и дал ему страстное желание жизни в соответствии с более высоким порядком». Сведенборг искал для него «Ангельский Дух», чтобы с ним сочетаться, и нашел его в видении. Она была дочерью лондонского башмачника. Барон женился на ней и своим чередом у них родилось дитя, но ребенку не дали имени. К этому времени Сведенборг умер, но в день рождения он проявил себя в Джарвисе и залил светом комнату, где спал ребенок. Он объявил: «Работа сделана, небеса ликуют». Десять лет спустя родители умерли, но ребенок был невозмутим и настаивал на том, что они продолжают жить в нем/ней. Для удобства ребенку дали имя Серафита.

Серафита пытается убедить Минну и Уилфреда сочетаться браком, но они все еще одержимы объектом их обожания. Однако постепенно они втягиваются в странный мир, в котором живет Серафита, и когда он/она сообщает им о том, что скоро покинет этот мир, они просят взять и их с собой. Их друг отказывает, но обещает оставить с ними «ключи от королевства, в котором сияет Его свет», предупреждая их о том, что первые шаги на пути трудны. Им говорили, что «тишина и медитация являются эффективными средствами на этом пути. Бог всегда открывает себя одиноким и созерцательным личностям». Побудив их истово помолиться, чтобы обрести единение с Богом, Серафита прощается.

Минна и Уилфред падают на колени, душа отходит и им является видение, в котором они видят дух Серафиты, восходящий к небесам и трансформирующийся в Серафима (Seraph). Они также видят «истоки, от которых земной, духовный и божественные миры начинают свое движение. Каждый мир имеет свой центр, к которому тянулись все точки его сферы. Эти миры сами по себе тянулись к центру

их группы. И каждая группа тянулась к великим небесным сферам, которые сообщались с сияющим и неисчерпаемым *источником всего существующего*». Когда видение закончилось Минна и Уилфред пообещали друг другу вместе идти по этому пути к небесам.

В каком-либо из этих экстраординарных описаний видений нет намек на то, что автор думал, что описывал галлюцинации. Не было намека и на неискренность поведения Серафиты. Меньше всего обласканный симпатиями Бальзака персонаж — это Беккер, который относит видения Серафиты к демоническому вмешательству. Во что верил сам Бальзак? Сложно разглядеть в Бальзаке новообращенного в Сведенборгианство, даже временно. Что кажется более вероятным, это то что он признал существование множества путей в мир духа, и что путь Сведенборга превосходно хорош для определенных людей. Рассмотренные таким образом видения становятся субъективной реальностью и имеют свой собственный вариант истины.

Вскоре после публикации «Серафиты» в 1838 вышел роман Альфонса Эскироса *Le Magicien*, который уже упоминался в связи с Элифасом Леви. Эскирос является значительной фигурой в том, что он был одним из первых поэтов эпохи, который отобразил оккультное влияние в творчестве. В своих *Chants d'un prisonnier* («Композиции заключенного») опубликованных в 1841м, он писал:

Dieu seul sait mes tourments et mes inquietudes,
Le but mysterieux des riles jeunes etudes.
Tout jeune, j'ai ehere Msur les pas de Mesmer
A sonder le sommeil, cette profonde mer.

(Только Бог знает мои страдания и тревоги, таинственную цель моих юношеских исканий. Как молодой человек, я стремился, вслед за Месмером, проникнуть в глубокое море сна.)

Эскирос относился к тому типу писателя, который верит в то, что наделен, в некотором смысле, оккультными силами. К той же категории можно отнести и Виктора Гюго. В случае Гюго оккультизм — или если быть точнее, спиритуализм — какое-то время оказывал очень сильное влияние как его на личную жизнь, так и на работу. Как и многие из его современников, он пришел к оккультному через чтение. Цитируя интересное исследование Левальяна (Levaillant), *La Crise*

mystique de Victor Hugo (Мистический кризис Виктора Гюго): «... была предпринята попытка восстановить список материала, который после 1830, был способен, и должен был прочитать Виктор Гюго, чтобы посвятить себя в великие секреты тех, кого называли „*illuminés*“. В *Les Contemplations* нетрудно было отыскать влияния, корни которых в Пифагореизме, Сенсимонизме и обольстительных теориях Сведенборга; можно было усмотреть отголоски его бесед с Фурьеристом¹⁰⁰ Пьером Леру (*Pierre Leroux*) сосланным рядом с ним, и доктрин Еврейской Каббалы, которые были изложены ему в 1852 году Еврейским Философом Александром Вейлом (*Alexandre Weil*)». Как некоторые другие поэты девятнадцатого века, Виктор Гюго верил, что у каждого поэта своя божественная миссия, и он наделяется особыми способностями, сродни способностям священника. Как показывают некоторые из его поэм, он видел себя в роли пророка, через которого свет из высших сфер сияет в массы человечества.

Интерес Гюго к оккультному, возможно, оставался чисто интеллектуальным, но не после смерти его дочери в 1843 году, которая не только обрекла писателя на великое горе, но и пробудила его интерес к ответу на вопрос, возможно ли общаться с мертвыми. Он не предпринимал каких-либо практических попыток в этом направлении до изгнания в Джерси за свою политическую активность десять лет спустя. Там он жил с женой и семьей в маленьком доме с видом на море в Сент-Хелиер (*St. Helier*). Именно здесь в 1853 он стал впервые проводить сеансы при поддержке семьи и небольшой группы друзей, его сын Чарльз часто выступал медиумом. Он начал с контактов, как он полагал, со своей мертвой дочерью, но понял, что общается со знаменитыми литераторами прошлого, такими как Шекспир, Данте, Эсхилом и Мольером. С Шекспиром он общался наиболее часто, и вскоре образовался любопытный вид астрального сотрудничества между духом Барда и его современного обожателя. Вот отрывок из странного диалога, собранный из записей, процитированных Левальяном в его *Crise mystique*.

Шекспир впервые проявил себя в пятницу 13 января 1854 — Виктор Гюго выбрал пятницу 13-е, как особо подходящий день для

¹⁰⁰ Чарльз Фурье — социалист, мыслитель, очень подверженный влиянию определенных эзотерических идей.

контакта с Бардом. После того, как великий человек дал знать о своем присутствии, Гюго, любопытствовавший о том, чему тот посвящал время на астральном плане, спросил его:

«Продолжаешь ли ты твою работу? Если это правда, тогда это должно быть истиной и о других гениях — истиной, которая подразумевает что, помимо прямого творения Божьего, существует еще, назовем это, косвенным творением — другими словами, творение Божье через великие умы. Желает ли ты ответить на мой вопрос? Продолжаешь ли ты свою работу? Если продолжаешь, то продолжаешь сообразно миру людей, в котором ты однажды обитал, или сообразно миру душ, в котором обитаешь теперь?»

Шекспир возразил, что вопрос был неверным. «Человеческая жизнь имеет человеческих создателей. Небесная жизнь имеет божественного создателя. Создавать это есть работа; созерцать (*to contemplate*) — это награда ... Небо было бы несовершенным, если бы я был способен сотворить что-либо, шедевр узурпировал бы Бога...»

Но неспособность Шекспира творить на божественном плане не помешала ему продолжать творить на плане человеческом. На другой сессии 22 января он сообщил Гюго, что у него есть стихи, которые он хотел бы продекламировать.

«На английском или французском?» — спросил Гюго, на что Шекспир дал удивительный ответ:

«Английский язык гораздо ниже французского языка». Затем великий Бард стал декламировать четыре четверостишия которые завершались следующим:

O mon Dieu j'agenouille à tes pieds mes victoires;
Hamlet, Lear, à genoux! À genoux Roméo!
Courbez-vous mes drapeaux, devant Dieu des glories!
Vous chantez *Homini*, la tombe dit *Deo*.

(О Бог, я заставляю свои победы преклонить колени пред тобой; Гамлет, Лир, на колени! на колени Ромео! Мои флаги кланяются перед Богом великолепий. Ты кричишь *Homini*, гробница кричит *Deo*.)

С тех пор Шекспир общался почти полностью в стихах. 6 февраля Гюго проводил сеанс с женой и Чарльзом, со своим другом Огюстом Вагри который записывал. Шекспир обозначил себя и принялся

диктовать стихотворение, выражая низкое положение поэта перед Богом как творцом. В середине стиха он поколебался и стал переписывать стих, окончив строчкой:

Vous fites le pardon, le soir de la douleur.
(Ты дал прощение в вечер скорби.)

Вакри поинтересовался о чистоте этой строки, и Гюго вмешался: «Я понимаю, что ты пытаешься сказать: прощение — это возвышенный плод скорби. Таков ли смысл?»

Шекспир ответил, да; затем Гюго сказал, что если стих перестроить с другой схемой, рифмования строчка бы была такой:

Tu fis la douleur enfanter le pardon.
(Ты вызвал скорбь чтобы дать рождение прощению)

Следуя дискуссии о различных альтернативах, Гюго решил, что наиболее красивым исполнением строки было бы:

Vous écriviez douleur; un ange lut: pardon.
(Ты пишешь скорбь; ангел читает прощение.)

Стихи для Гюго диктовали и Эсхил с Мольером. Во время сессий всегда обращался к своим знаменитым предшественникам как к равным, используя фамильярное «tu».

Бесчисленные посмертные шедевры могли бы изливаться от великих гениев прошлого, передаваемые через стол Гюго. Но этому не суждено было произойти. По какой-то причине он и его маленькая группа испугались и эксперименты были оставлены. Гюго признался, что он испугался того, куда они могли привести. Позднее у него были некоторые сожаления о том, что оставил свои спиритические сеансы, но он никогда к ним не возвращался.

Возможно Гюго был прав, свернув с этого пути до того, как увяз, потому что мир духов имеет свою ужасающую сторону, как показывают работы других писателей на эту тему. Примером является Шарль де Сиври (Charles de Sivry), чей рассказ *La Boule de verre* («Шар из стекла») появился в журнале *La Renaissance* (31 августа 1873), который уже опубликовал ряд статей на оккультные темы. В

La Bouille de verre к молодой чете с визитом приходит друг и приносит стеклянный шар, заявив, что он «нашел ключ от скрытых дверей». Он объясняет, что желает поэкспериментировать с гипнотизмом и ищет подопытного. Молодая жена, которая является рассказчиком истории, вызывается, и таким образом начинается странное приключение. Друг приходит трижды в неделю и вводит ее в транс. Затем однажды он говорит ей запомнить то, что она переживала во время своего гипнотического сна.

«Он положил палец мне на лоб и сказал: „Помни“. Какие странные ощущения я тогда пережила! Я была здесь и Там Внизу [*Là-Bas*] одновременно, и я помнила...»

Мир, который она помнила был довольно странным. Она видела:

«Великий свет, довольно тусклый, и в этом свете сцена колдовства: там были струи воды из которых возникали металлические бабочки, изумительные гобелены и великолепия странной архитектуры; и среди всех этих вещей кружился звук особенной музыки, мужчины и женщины высокого роста чья величайшая красота поражала меня».

Девушка углубляется все дальше и дальше в сомнамбулизм и чувствует приближение смерти. «Но, — пишет она, — эта близкая смерть — моя надежда и моя радость! Долгое время знакомые голоса Там Внизу взывали ко мне, и дорогой дух не оставляет своей добровольной жертвы». К концу истории становится ясно, что рассказчик скоро полностью исчезнет в другом мире.

Гипнотизер в этой истории упоминается как С.С..., подразумевая Чарльза Кроса (*Charles Cros*), поэта, чей стих был опубликован в том же журнале и чья работа показывает сильную озабоченность оккультизмом.

Вдохновение писателей вроде Кроса или де Сиври черпалось из стабильно увеличивающегося объема оккультной литературы. Чтобы познакомиться с Каббалой, они могли бы обратиться к исследованиям Адольфа Франка (*Adolphe Franck*) *La Kabbale*, опубликованной в 1843, серьезной и детальной работе посвященной тщательному анализу Сефер Йецира (*Sepher Jetzirah*) и Зоар (*Zohar*). По спиритуализму

они могли прочитать работы Аллана Кардека (Allan Kardec) или его журнал *La Revue spirite*. По истории магии и фольклоре, равно как и о психологии оккультизма они могли бы обратиться к Альфреду Мори (Alfred Maury), чьи работы включали: *Histoire des religions de la Grèce antique* (1857–9), *Des Hallucinations hypnagogiques* (1848). Мори был скептиком и рационалистом, но он подходил к своим предметам с честным и открытым разумом. Был также Рагон де Беттини (Ragon de Bettignies), который написал ряд книг, имея целью проследить мистические истоки масонского движения. Они читались в ложах, но также ходили и среди публики. Главная это *La Maçonnerie occulte* (1853), она имеет дело с вводными различных братств и их отношением к оккультным наукам. Рагон поставил себе цель напомнить масонскому братству о значении их символов и обрядов, отсылая к предполагаемым истокам в Греции и Египте. Свою наиболее радужную аудиторию он, вероятно, нашел в малом кругу религиозно и оккультно мыслящих лож, которые контрастировали с Великим Востоком и его прогнозами в духе свободомыслия Вольтера. Но наиболее широко читаемым среди оккультных авторов вероятно был Элифас Леви, влияние чьих работ на литературу было громадным. После появления книг Леви число писаний на оккультные темы драматично возросло. Леви не единственный, кто в ответе за этот рост, но его вклад наиболее значителен в сравнении с любым отдельно взятым автором.

Существовало мнение, высказанное Жюлем Мишле (Jules Michelet), что оккультные искусства были по сути мятежом против устоявшихся авторитетов. Именно эта сторона оккультизма впервые привлекла семнадцатилетнее дарование по имени Артюр Рембо (Arthur Rimbaud), который ко времени первого знакомства с оккультным досадно томился в своем родном городе Шарлевиль. Писал стихи, отчаянно пытаясь через мальчишеские легкомысленные развлечения выступить против авторитетов, символизируемых тираничной матерью. Именно в этот период жизни он знакомится с Чарльзом Бретаном (Charles Bretagne), таможенником с сильной склонностью к оккультному. Двое становятся близкими друзьями, и под влиянием Бретана Рембо пишет книги о мистицизме, магии и Каббале. Ведомый пробудившимся интересом он разграбил и муниципальную библиотеку, и личную коллекцию книг на эту тематику самого Бретана. Возможно, как раз, когда он перечитывал эти книги, он встретил работы Элифаса Леви.

Из идей, добытых в оккультном чтиве, Рембо сопоставил теорию поэзии и роли поэта. Поэт, решил Рембо, сперва должен стать *illuminé* (просветленным) посредством единения с абсолютот через само-аннигиляцию, и сам Рембо верил, что достиг этого. Он написал в *Une Saison en Enfer* («Сезон в Аду»):

Enfin, ô bonheur, ô raison, j'écartai du ciel l'azur, qui est du noir, et je vécus, étincelle d'or de la lumière nature.

(Наконец, о счастье, о благоразумие, я отделил синее от черного, от неба, и я жил, золотая искра света природы.)

Достигнув этого состояния поэт, посредством своей поэзии, теперь может воспитывать других до своей ясности видения. Это сознание абсолюта невозможно было бы передать обычным языком, поэтому надлежит выковать новый язык, в котором слова несут нужную ценность обозначаемых ими объектов. Эта идея происходит из оккультных теорий о силе слов и их соответствиях на внутреннем плане.

Возможно самым ярким примером влияния оккультного на Рембо это используемый им алхимический символизм, как например в его *Sonnet de Voyelles*:

A noir, E blanc, I rouge, U vert, O bleu; voyelles,
Je dirai quelque joir vos naissances latentes.
A, noir corset velu des mouches éclatantes
Qui bombinent autour des puanteurs cruelles,
Golfs d'ombre; E, candeurs des vapeurs et des tentes,
Lances de glaciers fiers, rois blancs, frissons d'ombelles!
I, pourpres, sang craché, rire des lèvres belles
Dans la colère ou les invresses penitents,
U, cycles, vibrations divins des mers virides;
Paix des patis sèmes d'animaux, paix des rides
Que l'alchimie imprime aux grands fronts studieux.
A, supreme Clairon plein des atrideurs étranges,
Silences traverses des Mondes et des Anges...
O l'Omega, rayon violet de Ses Yeux!

Как отмечает Энид Старки (Enid Starkie) в своем исследовании поэта:

«Цвета, используемые здесь, находятся в правильном алхимическом соответствии для получения философского золота, эликсира жизни. Первый цвет, который появляется в реторте — черный. Это цвет растворения, разложения — как говорят алхимики — когда химикаты разрушаются на несколько составных частей с тем чтобы получить элементы в чистейшем состоянии, так как без этого невозможно получить золото. В этом состоянии разложения, растворения или труп — для него существует много эпитетов — скрыто золото, хотя оно невидимо. На следующей стадии цвет постепенно светлеет, пока не станет белым, достигнув состояния чистоты, когда все посторонние и нечистые элементы удалены. Затем идет красный, когда, если фортуна улыбнется алхимику, появляется золото. Но согласно Филалету (Philalèthe), эксперимент не всегда так успешен, красный обращается в зеленый, остается так несколько дней и затем обращается в голубой. Это завершающий цвет, омега, перед тем как снова будет достигнута чернота, необходимо внимательно отнестись чтобы не дать этому произойти, ведь тогда процесс нужно начинать сначала. Если поддерживалась правильная температура и влажность тогда после гиацинтового голубого начинает появляться золото, зерна чистейшего золота, не схожие с обычным золотом, философское золото, превосходное золото, универсальное лекарство, которое продлевает жизнь.

Из этой поэмы видно, что Рембо, считает поэта практиком алхимии, и „А“, цвет черноты, вызывает образы растворения и разложения. В алхимии один из символов для белого цвета это буква „Е“ а также слово „vareur“ [пар]; и образы, которые автор связывает с гласной „I“ находятся среди тех, которые Дом Пернети (Dom Pernety) дает в своем *Dictionnaire mytho-hermétique* [мифо-герметический словарь], чтобы определить алхимический процесс, который достиг стадии красного цвета. Зеленый это цвет Венеры, и она была рождена морем — отсюда „vibrements divins“ зеленых морей. Наконец, самым последним идет голубой, ожидание пред появлением золота, звук победной трубы. В алхимии финальное получение золота часто принимается за символ достижения видения Бога. Рембо пишет, „Ses Yeux“ (Глаза Его) как будто указывает на Божественность».

Когда Рембо написал *Sonnet de Voyelles* алхимия пользовалась во Франции определенной модой — ведущим практиком был друг Папюса Альберт Пуассон (Albert Poisson). Другим автором, на которого она повлияла был Жерар де Нерваль (Gerard de Nerval) чей сборник стихов *Les Chimères* [Химеры] (впервые опубликованный в 1877м) полон смутных эзотерических образов. Нерваль выражает веру в возрождение древней оккультной мудрости, когда говорит в одном из этих стихов, в *Delfica*:

Ils reviendront, ces Dieux que tu pleures toujours!
Le temps va ramener l'ordre des anciens jours;
La terre a tréssailli d'un souffle prophétique.

(Они вернуться, эти Боги которых ты оплакивал! Время вернет порядок древних дней; земля задрожала от пророческого порыва.)

К тому времени, когда писал Нерваль, литературный оккультизм достиг своего апогея, и писатели черпали вдохновение во всех оккультных фронтах — алхимии, астрологии, каббализме, спиритуализме — во всем, что открывало двери во внутренний мир. Но любой автор, который использовал оккультный материал, вскоре сталкивался с законом уменьшения доходности, ведь пока более сенсационные формы оккультизма предоставляют отличный материал по предмету, те, кто желают исследовать тонкие сферы оккультного символизма, обнаруживают, что их опыты становятся все больше личными и все больше теряют возможность быть поданными в письменном виде. Конечно, оккультизм стал терять плавучесть в литературе к смене столетия, и писатели стали искать вдохновение из менее дремучих источников. С тех пор маятник качнулся обратно, и на сегодняшний день влияние оккультизма в литературе стало наблюдаться снова. Писатели будут периодически возвращаться к эзотерическому, потому что в нем живет вечное приглашение войти, как выразил это Эдгар Аллан По, говоря

... дикий, таинственный край, который возвышенно пролегал
вне Пространства — вне Времени.

Глава 18

САТАНИСТЫ И АНТИ-САТАНИСТЫ

Одним из побочных продуктов оккультного возрождения в девятнадцатом веке была широкая озабоченность сатанизмом. Воодушевленные большим количеством литературы на данную тематику, люди стали возбуждаться от идеи существования великого дьявольского заговора, но были и те, кто пришел к защитной от Сатаны позиции. Одним из них был Жюль Мишле (Jules Michelet), автор книги *La Sorcière*. В ней Мишле утверждает, что средневековое колдовство представляло собой протест против религиозных догм и моральной строгости Христианства того времени. Это был шаг к освобождению, далекий от сверхъестественного или злонамеренного. Основными практиками, говорит он, были женщины, потому что женщинам со стороны Церкви не оказывалось доверия, и их истинная природа подавлялась. В этом свете, черная месса могла бы быть интерпретирована как «освобождение Евы», триумф глубокого инстинкта над узкими рамками догмы. Эта теория была одним из источников, вдохновляющих интерес к дьявольщине у авторов движения символистов.

Довольно отличающийся взгляд на сатанизм представлен Жюлем Буа в его *Le Satanisme et la magie*, опубликованной 1985, с предисловием его друга Ж. К. Гюисманса и серией эксцентричных и пугающих иллюстраций Генри де Мальвоста (Henry de Malvost). Буа утверждает, что существует три Сатаны: Сатана обездоленных, которые обращаются к нему за утешением; Сатана, которому поклоняются для извращенных удовольствий развратные и богатые люди; и наконец Сатана дилетантов, которые отвлекаются от истинной религии интеллектуальным интересом в мистицизме. Он определяет сатанизмом все, что отклоняется от поклонения Единому Богу. Таким образом Зороастризм, Манихейство, Каббализм, церемониальная магия и спиритуализм — все это формы сатанизма. «Четвертая Книга по Оккультной

Философии» Корнелия Агриппы, добавлена как приложение к книге, как пример руководства «сатаниста». Мнения Буа относительно сатанинских практик в основном складывались из старых отчетов охотников на ведьм, и на информации о действиях Вентры и Булльяна, которой его снабжал Гюисманс. Доклад о сорванной Вентрой черной мессе, который я цитировал, довольно показательно говорит о стиле книги и о подходе.

Равно сенсационный взгляд на сатанизм представлен в *Le Diable au dix-neuvième siècle* («Дьявол в девятнадцатом веке») под авторством доктора Батейля (Dr. Bataille), опубликованной в 1892. «Доктор Батейль» в реальности был человеком по имени Чарльз Хакс (Charles Hacks), это был бывший судебный доктор, который заявлял о том, что из первых рук получил доказательство того факта, что Сатане, поклоняются во всем мире и в масштабах больших чем когда-либо. Книга в 800 000 слов была впервые опубликована серийно и запоем читалась публикой.

Взгляды Батейля на деятельность сатанистов в различных уголках мира создают достаточно красочное чтиво. Например, в Калькутте он был свидетелем пародии на брачную церемонию, на которой самец и самка обезьяны заключили брак с помощью священника, одетым в египетский головной убор, украшенный золотыми рогами, который затем вымыл руки в расплавленном свинце, читая дьявольские молитвы.

Исповедуя верность сатанизму, Батейль утверждал, что ему удалось получить посвящение в самые сокровенные круги братства и обнаружить, что тайное подполье управлялась сетью масонских организаций из Чарльстона в Соединенных Штатах. Но режиссёр происходящего один — Альберт Пайк (Albert Pike). Название, под которым он обычно обращается к организации Пайка — «Палладиум».

Хотя Хакс якобы был единственным автором *Le Diable au dix-neuvième siècle*, вероятно вдохновение для работы, и возможно большая часть текста пришли к нему от человека, называемого Габриэль Жоган-Пажес (Gabriel Jogand-Pagès), который, под псевдонимом Лео Таксиль был в ответе за множество якобы анти-сатанистских работ. С Жоганом мы приходим к одному из наиболее исключительных эпизодов во всей истории оккультизма, эпизоду на котором стоит остановиться, так как история сложная.

Сперва, необходимо пояснить что Жоган был мошенником особого формата, и его полемика против сатанизма была частью

хитрости, которая должна расцениваться как один из самых искусных розыгрышей всех времен. Эта сложная фальсификация Жогана было венцом достижений жизни, посвященной восстанию против власти, начиная с его мальчишества; сражений против тираничного отца. Его жизненный путь довольно причудлив, так что есть смысл проследить его с самого начала.

Габриэль Жоган родился в Провансе примерно в 1854. Девичья фамилия его матери была Паге (Pagès), и позднее она иногда использовала имя Жоган-Паге. Свое образование он начинал у Иезуитов в Марсельской школе Sacré Cœur (Священное Сердце). В 1863 он поступил в школу Notre Dame de Mongré в Villefranch-sur-Saône, и в 1867 пошел в Иезуитский Колледж Святого Людовика, где и случилось его первое знакомство с масонством. Через школьного приятеля, отец которого был масоном, ему досталась книга Филиппа Поль де Сегюра (Mgr. De Ségur), атакующая масонство и описывающая ряд масонских ритуалов; он читал ее запоем, пока ее не обнаружили в школьной парте и не конфисковали. Однако это только усилило его интерес к запретному предмету, который он продолжил изучать. Эти изучения привели его к отказу от религии, и в четырнадцать лет он объявил своему огорченному духовнику, что стал вольнодумцем.

Его дальнейшая деятельность революционного журналиста была предзнаменована, когда он запустил школьный журнал под названием *Le Type* («Тип»). Школьные власти не одобряли журнал и воспользовались возможностью запретить его, пока Жоган отсутствовал из-за брюшного тифа. Восстановившись, в школу он не вернулся. Он и его брат Морис вращались в революционных кругах Марселя и решили сбежать в Италию от их отца и его деспотического влияния. Они отправились к итальянской границе, вооруженные ножами и пистолетами, но их остановила и вернула жандармерия. Их отец не был расположен к снисходительности. В качестве наказания Габриэль на восемь месяцев был выслан в юношеское исправительное учреждение. Этот опыт привил ему стойкую ненависть к отцу и отождествление его с Церковью.

Далее следовал покороткий период обучения в Лицее, где он продолжает оставаться в центре революционной активности; затем польхнула франко-прусская война, он записывается в армию добровольцем и его отправляют на службу в Алжир. После войны в Марселе запустили деятельность два антиклерикальных республиканских журнала *La Marotte* и *L'Egalité*. Жоган стал редактором

первого и постоянным сотрудником последнего. Позднее он принял должность редактора подобного журнала *Le Frondeur*, но, подняв его тираж до 30 000, он ушел, чтобы сформировать эксклюзивно антиклерикальный журнал под названием *A Bas la calotte*.

Затем произошла резкая перемена (*volte-face*). Немногим позже после его посвящения в масоны в 1881, он оставляет масонство и начинает бурно против него выступать. Более того, он объявляет о своем примирении с Католической Церковью и в 1887 опубликовывает книгу мемуаров, озаглавленную «Признания-Экс Вольнодумца» (*The Confessions of an Ex-free-thinker*). В этом же году он получает аудиенцию Папы Льва XIII. Католические полемисты думали, что заполучили важного перебежчика из масонства. Только позднее стало очевидно, как тонко Жоган их провел.

Тем временем Жоган подготовил для католиков ловушку. Наживкой была перебежчица, сатанистка по имени Диана Воган (*Diana Vaughan*), которая, очевидно, занимала высокое положение в Палладиуме. Католики видели в ней возможность привлечь на свою сторону перебежчика, более ценного чем сам Жоган, человека, который мог бы предоставить им мощное оружие в виде информации о ее бывших коллегах. Чего они не представляли, так это того, что их потенциального новообращенного не существовало. Во всех отношениях она была вымыслом бурной фантазии Жогана. И все же Жоган так умело ее представил миру, что вскоре она стала знаменитостью. Он даже составил для нее весьма красочное генеалогическое древо, рассказывающее о её происхождении.

Согласно выдуманной Жоганом истории, Диана была потомком английского алхимика и розенкрейцера семнадцатого века, Томаса Вогана, который сделал целью своей жизни низвержение папства и подписал контракт с дьяволом¹⁰¹. В 1646 году он предпринял путешествие в Америку, и пока гостил у индейского племени, его посетила Венера-Астарты (*Venus-Astarte*), с которой он имел удовольствие совокупиться. Одиннадцать дней спустя богиня предстала перед ним с дочерью и ушла. Оставив дочь, которую он назвал Диана, на попечение индейцев, Томас Воган вернулся в Англию. Диана вышла замуж за вождя племени и зачала сына. От этого сына предположительно

¹⁰¹ Эта история, конечно же, далека от реальных фактов жизни Томаса Вогана.

происходила Диана Воган, ее отец, будучи пылким Палладистом посвятил дочь в культ, и пока она была еще юной девицей, обязался выдать ее замуж за демона Асмодея. 8 апреля 1889, когда ей было двадцать пять лет, она, по приказу Люцифера, была представлена своему суженому в Sanctum Regnum of Charleston. Асмодей появился на бриллиантовом троне и объявил Альберту Пайку, что он посвятил Диану как верховную жрицу и интерпретатора его желаний; затем он потребовал, чтобы это сообщили всем отделениям организации.

Это был человек, которого Жоган предлагал, как готового к разговору по делу католиков. Однако для того, чтобы осуществить данную аферу, ему необходимо было показать, что Диана уже предприняла шаг к отступлению от Альберта Пайка и его Палладиума. Центром причин ее разочарования Палладиумом была другая верховная жрица по имени София Вальдер (Sophia Walder), номинально дочь Филеаса Вальдера (Phileas Walder), протестантского министра и франкмасона высоких ступеней, а в действительности — дитя союза Люцифера и любовницы Вальдера Иды Якобсен (Ida Jacobsen). Согласно предсказанию, София отправилась бы в Иерусалим, где летом 1896 она, в результате соития с демоном Vitru, дала бы рождение дочери. Спустя тридцать три года, у этой дочери так же будет дочь от демона Decarabia, которая по прошествии будущих тридцати трех лет (1962) родила бы Антихриста.

Как потенциальная прапрабабушка Антихриста, София Вальдер была объектом великого почитания среди Палладистов и приняла особое обучение лично от Альберта Пайка. Вскоре она поссорилась со своей соратницей, верховной жрицей Дианой Воган (Diana Vaughan), события достигли точки кипения во время церемонии посвящения в Париже, когда Диана отказалась выполнять часть ритуала, которая требовала плюнуть на освященную облатку и проткнуть ее кинжалом. Это привело к уходу Дианы из Палладиума и организации ею собственного общества, верного Люциферу, но не Сатане — «Luciferians Indépendants et Régénérés» (Люцифериане Независимые и Возрожденные). «Монастырь» был учрежден в Лондоне, а организация пропаганды велась под руководством Дианы.

21 марта 1895 появился первый выпуск нового периодического издания под названием *Le Palladium Régénéré et libre — Directrice: Miss Diana Vaughan*. На самом деле, этот журнал запустил Жоган. Это позволило ему заручиться доверием к своей истории, а также

под личиной Дианы Воган играючи убедить церковников в серьёзном богохульстве. Доктрина новой секты, как отмечалось в журнале, была следующей. Есть два сверхсущества которые борются за превосходство: Люцифер, источник разума и света; и Адонай, источник материи и смерти. Адонай — создатель физического тела человека, в то время как Люцифер дает ему его разум и мощь размножения. Душа является эманацией Люцифера, которую Адонай всячески пытается совратить. Большая часть вселенной свободна от власти Адоная, но земля и планета под названием Улис (Oolis), все еще под его влиянием.

Главные ангелы Люцифера, который является истинным Богом: Молох, Вельзевул, Асмодей, Антихрист, Астарта, Левиафан и Бегемот. Они двух полов. Те что у Адоная, которые бесполы и называются малейхи (*maléakhs*), следующие: Михаэль, Габриэль, Рафаэль и Ауриэль. Другая из слуг Адоная, особенно злобная и очень могущественная — Святая Дева, зовущаяся Палладистами Мирзам (Mirzam). Иисус, сын Мирзам, изначально обладал хорошими качествами, но гордыня заставила его предать истинного Бога.

В году 1995, как гласит доктрина Мисс Воган, явится Антихрист, и Папа, новообращенный Еврей, оставит Католицизм и поклянется в верности Люциферу. Этому событию последует год войны, в которой католики будут истреблены. Затем последует небесное противостояние между двумя силами с последующей победой Люцифера и изгнанием побежденных на планету Сатурн.

Жоган, должно быть, наслаждался, стряпая эту смесь ребяческого богохульства с грубой перестановкой хорошего и плохого. Еще большим удовлетворением для него, должно быть, был тот ужас, с которым верующие отреагировали на эти ереси, и то рвение, с которым они умоляли Диану полностью оставить Палладиум и войти в христианскую паству. Спустя три выпуска журнала Жоган решил, что настало время для ответа на их мольбы. *Palladium régénéré* перестал выпускаться, и 1 июля 1895 был заменен другим периодическим изданием под названием *Miss Diana Vaughan: Mémoires d'une ex-Paladiste*. Диана, как следовало из этого издания, поссорилась с Лондонской штаб-квартирой ее организации и обратилась в Католицизм. Теперь она живет в уединении женского монастыря и работает над будущими выпусками своих мемуаров.

Эти мемуары, которые затем вышли в книжной форме, представляли дальнейшие потрясающие откровения о деятельности

Палладиума. Одно описание мессы Палладиума дает представление о характере книги и об изобретательности Жогана. Она описывает церемонию, под руководством мага, на ризах которого красным было вышито изображение перевернутого распятия. Его служба — старый еврей с хвостом дьявола, приделанным сзади. Присутствовали также Жрец и жрица в качестве помощников.

Месса начинается, когда маг предстает перед алтарем, посвященным Бафомету и говорит: «Святейший Палладиум, зарок победы, через тебя приходит всякая надежда». Затем литургия продолжается:

ЕВРЕЙСКИЙ СЛУЖКА: Братья и Сестры, Палладиум защищает нас от малейхов.

СОВЕРШАЮЩИЙ СЛУЖБУ МАГ: Через тебя приходит всякая надежда; наш Господь Бог Сатана учредил тебя среди нас.

ЕВРЕЙСКИЙ СЛУЖКА: все мы, в наших сердцах, приносим благодарность Господу Богу Сатане.

СОВЕРШАЮЩИЙ СЛУЖБУ МАГ: наш Господь Бог Сатана учредил тебя среди нас; ты — магический символ Того, кого мы называем Великим Архитектором Вселенной и Отцом Храма, который есть мир для всех людей.

ЕВРЕЙСКИЙ СЛУЖКА: Слава Палладиуму!

Отголоски вторят какое-то время; затем выступает жрец с блюдом, на котором лежат свежесрезанные сердца.

«Как коса срезает сердца, — говорит маг, — так и мы срезаем головы слугам Адоная, до славного дня Господа Бога Сатаны...»

Жрец ставит блюдо на землю и ложится головой рядом с ним. Маг затем продолжает:

«Сердца прерии, Сатана, Величайший, дадут тебе вечную жизнь. Добрые демоны нашего Господа Бога Сатаны, войдите в эти сердца. Михаэль, Габриэль и Рафаэль, если вы здесь убирайтесь! Я повелеваю вам. (Саракром) Sarakrom, если ты тут, убирайся! Я повелеваю тебе. Добрые демоны, добро пожаловать, войдите в эти сердца... Barum! Pella! Golgho! ... Мои Братья и Сестры, угощайтесь».

Жрец, все еще лежа, съедает большую порцию сердец; затем он встает и обходит с блюдом всех собравшихся, и каждый берет кусочек сердца и съедает его.

После этой пародии на причастие следуют другие различные непристойности, включая вдавливание паука в облатку. Церемония так же включала чтение письма Джулиана Отступника (Julian the

Apostate), которое было продиктовано Императором при эвокации его на предыдущей церемонии.

Все эти откровения жадно впитывались антимаасонской партией. Все же, несмотря на восторг, произведенный среди них обращением Дианы Воган, были и те, кто сомневался в ее полномочиях. Эти скептики ухватились за возможность уточнить существенные детали на специальном антимаасонском конгрессе, проводимом в Тренте 29 сентября 1896, вызвав Жогана. Их интересовали аспекты обращения Дианы, имена ее крестного отца и крестной матери и Епископа, который ее впервые причастил. Жоган заявил, что все эти доказательства у него в кармане, но он утаивает их из страха раскрыть ее врагам ее местонахождение. С самого «обращения» Жоган утверждал, что Диана должна содержаться в строгом уединении, потому что гнев ее бывших коллег не знал границ и они вполне могли попробовать убить ее.

То, что Жоган руководил ситуацией, принесло большое облегчение для тех, кто поддерживал Диану Воган, так как уже накопилось много людей, включая ряд высокопоставленных прелатов, которые были в ней лично заинтересованы. Докажи кто-либо, что она миф, они выглядели бы весьма глупо — что, конечно, и было изначальной целью Жогана.

Сейчас же Жоган был международной знаменитостью и какое-то время купался в шумных приветствиях антимаасонских сторонников. Но, тем временем, сомнения в существовании Дианы Воган продолжали выражаться. К примеру, в ноябре 1896, появилась статья в *Kölnische Volkszeitung*, заявляющая, что все сообщения о Диане Воган были сказками. Подписался под ней не кто иной, как Доктор Батай (Dr. Bataille), хотя было бы крайне непохоже, чтобы ответственным за это был Доктор Хакс (Dr. Hacks), *alter ego* Батая. Что казалось наиболее вероятным, так это то, что Жоган сам и написал эту статью, как часть компании посева сомнений о Диане Воган, готовясь к финальному славному моменту, когда он снимет маску. Многочисленные запросы новых подробностей о Диане стали навязчивыми, и Жоган решил, что настал момент сыграть свою финальную карту. В выпуске мемуаров Дианы от 25 февраля 1897 она объявила, что лично предстанет перед публикой 19 апреля в лекционном зале Географического Общества на Бульваре Сен-Жермена.

В назначенный день лекционный зал был переполнен смешанной публикой католиков и масонов с либеральной прослойкой журналистов.

В обозначенное время вместо Дианы Воган на платформе появилась импозантная фигура Габриеля Жогана, как обычно придирчиво одетого и с пенсне на кончике носа. Его большая, выдающегося вида голова, окинула взглядом и просканировала аудиторию. Затем с величайшим самообладанием, он начал речь:

«Преподобные Отцы, Леди и Джентльмены:

Прежде всего я должен принести слова благодарности моим коллегам и католической прессе, которые поддерживали мою компанию в течение прошедших двенадцати лет.

Но теперь, обращаясь к вам, я должен признать, что эта компания являет собой нечто отличное от того, что вы предполагали. Когда доктор Батай опубликовал *Le Diable au dix-neuvième siècle*, вы полагали что он был предан делу католиков, вы также верили, что он открывал темные стороны Массонства. Вы полностью это одобрили.

Теперь, я должен сказать вам, что Доктор Батай не католик, а напротив вольнодумец, который не из какого-то злого умысла, но для своего собственного, личного удовлетворения, написал это, чтобы посмотреть, сможет ли он вас обмануть. Я знаю это, потому что Батай — мой старый школьный друг, и я побудил его сделать это. На самом деле именно я являюсь тем, кто сочинил и составил эту книгу.

Теперь несколько слов о Диане Воган. Я мог бы представить ее сегодня перед вами, но, по причинам, которые я надеюсь разъяснить, я этого не сделал. Она — мой секретарь. Важно не это, важно то, что она не католик, а протестант, как, впрочем, и по отношению к любой религии. Мы втроем скооперировались для того, чтобы создать эту, как я предпочитаю называть „мистификацию“. Как говорят в искусстве кулинарии, хороший молочный поросенок рожден, а не приготовлен; так же и в искусстве шутить. Это у меня в крови; Я таким родился.

Если кому-то надлежит преуспеть в подобном плане, так это тому, кто никому не доверяет. Даже моя жена была не в курсе о том, чем я занимаюсь на самом деле. Когда я отрекался от моих антиклерикальных работ, я должен был быть очень осторожным. Анти-клерикальная Лига, которую я основал, изгнала меня 27 июля 1885, за постыдное поведение и измену

обществу. Я это принимаю, но не способен принять слово предатель. Я попросил их вычеркнуть это и сказал: „Вы пока не понимаете того, о чем я говорю, но позже вы поймете.“

Мне конечно стоило большого труда мириться с этим. Они сказали, что под прикрытием Анти-клериканского Конгресса в Риме, который я организовал, меня за миллион франков тайно подкупил Ватикан, для того чтобы я обратился против антиклерикалов.

Это было абсолютной неправдой. Я полагаю, мой друг Доктор Бодон (Dr. Baudon), с нами этим вечером. Он был со мной все время пребывания в Италии, и знает, что я никогда не посещал Ватикан, и знает также, что я часто виделся с Генералом Канцио Гарибальди (Canzio-Garibaldi), зятем великого Гарибальди, и был лояльным к антиклерикалам и республиканцам. Многие мои друзья считают меня безумцем, но ни один из них не считает, что я предатель. В некотором роде они знают, что на самом деле я с ними. Если доктор Бодон сейчас находится в этом зале, я собираюсь спросить, так ли то что они обо мне говорят.

[Несколько голосов закричали: „Это правда! Это правда!“]

И теперь я подхожу к самой мистификации. Я должен быть обращен, как Савл на дороге в Дамаск. Я убедил очень достойного священника, простую душу, об этом, а в последствии — Иезуита, который прежде был военным алмоном, и был куда более сложным делом. Он сказал мне попрактиковать духовные упражнения Св. Игнатия. Я о них ничего не знал, но мне пришлось изучить их для того, чтобы составить верное впечатление.

Все это произошло после того, как я написал мою книгу о Масонстве. В этом не было мистификации. Я думаю Масонство обязано мне за ту службу которую я сослужил, публикуя ритуалы. Мне кажется, что просвещенные масоны, должно быть, находят весь этот фокус-покус нелепым, и были бы рады умолчать о нем.

Это к слову, и мы должны вернуться к фактам. После моего обращения я обнаружил что довольно большое количество католиков считало, что титул „Великий Архитектор Вселенной“, был лишь вежливым эвфемизмом для имени Люцифера, Сатаны или Дьявола. Они связали это все со спиритуализмом и говорили,

что Сатана, бывало, появлялся в ложах и председательствовал на собраниях. Все это, мягко говоря, я навязал этим доверчивым людям. Они вынудили меня. Знаете ли, что был такой Канон из Фрибура (Canon of Fribourg) который пришел ко мне во время моего обращения и сказал:

„Месье Таксиль, вы святой. Бог вывел вас из такой глубокой бездны, что вы переполнены благодатью. Когда я услышал о вашем обращении, я немедленно сел на поезд, чтобы приехать и увидеть вас. Когда я вернусь, я бы хотел сказать не только что видел вас, но еще и то, что вы сотворили предо мной чудо“.

Я сказал, что не понял, ведь я не мог бы сделать это.

Он проигнорировал мои слова. „Да, — сказал он. — Чудо. Любое чудо какое хотите. Например, превратить этот стул в трость или в зонт“.

Я сказал ему мягко, насколько смог, что не могу делать подобные вещи, но я мог видеть по его лицу, что он не верил мне. Он отправился обратно во Фрибур, твердо веря, что я из скромности не сделал ему одолжение. Позднее он прислал мне сыр Грюйер с религиозными надписями и мистическими иероглифами, вырезанными на кожуре ножом. Это был превосходный сыр, я съел его с чувством глубокого уважения к отославшему.

В Риме дела обстояли не так, но даже там Епископ Паррочи (Parruchi) поздравил меня с глубоким познанием сатанинской природы масонских ритуалов, хотя я был всего лишь масонским подмастерьем. Святой Отец так же сказал мне, что прочитал все мои писания о масонстве, и что они подтвердили все свидетельства из других мест касательно сатанинского характера масонства.

На этом этапе я осознал, что мне нужна помощь, потому что работы для одного человека стало слишком много. Я обратился к старому школьному другу, и он согласился сотрудничать. Вы должны понимать, что Доктор Батай действовал совершенно добросовестно. Он был судебным доктором и очень интересовался спиритуализмом. Кроме того, в своих путешествиях он видел некоторые очень странные вещи. Было нетрудно убедить его в Сатанизме Палладиума, это было еще легче потому что Монсеньор Меурин (Meurin), Епископ

Порт-Луиса, великий студент археологии, был сам полностью в этом убежден. Я не склонен полагать, что Батай сам верит в вышеназванный феномен. Но он довольно-таки охотно принял идею о том, что есть определенное количество людей, которые верят, и он действовал, как действовали бы они.

Вот как дошло до написания *Le Diable au dix-neuvième siècle*. Это полностью моя задумка и вдохновение. Она была основана на моих ранних работах о Массонстве, но была дописана и расширена так, чтобы взывать к более широкой публике. Доктор Батай полностью пропитался ее духом, но реальным автором книги был я.

Из-за чего я в ранних работах сказал о женском культе в масонстве, его тоже пришлось разрабатывать. Это стало причиной введения в эту мистификацию такого персонажа, как Диана Воган. Как я сказал выше, Диана Воган фактически существует, но из того, что я уже сказал, будет очевидно, что не было никакой цели предъявлять ее вам.

Мисс Воган тоже тщательно прониклась духом этой мистификации. Для нее это было крайне увлекательным и по факту, удовольствие которое она от этого получала, было ее единственной наградой. Юная леди — француженка, но то что ее семья американского происхождения — это правда. Она высокоинтеллектуальна и очень хорошо образована, и ее религиозные традиции — лютеранские или кальвинистские. Я думаю, что это и позволило ей с таким пылом помогать мне в постановке моей комедии. Она была совсем не против вырваться из католицизма.

Мисс Воган была моим секретарем, и я впервые предложил ей сотрудничать, говоря, что ее жалование будет выше. Она не заинтересовалась. Сама по себе идея сильно привлекала ее и возбуждала ее чувство юмора. Ей было очень приятно быть верховной жрицей Люцифера и главным инспектором Палладиума. Было занятно фотографироваться в полу-мужском костюме с лентой ордена.

Конечно же она не писала «Исповедь экс-палладиста». Её автором был я, но я не сделал бы этого с таким успехом без ее вдохновения. Работа должна была иметь подлинно женский оттенок, и его бы не доставало, если бы не преимущественно ее помощи и руководства. Кроме того, существовала

корреспонденция с духовенством и другими сторонниками. Письма она сочиняла лично и своей рукой их писала. Это была очень оживленная переписка, и я уверен, что все те, кто получал письмо от мисс Воган, согласятся.

Её инстинктивный вкус к интригам и мистификациям также был очень кстати. Мне было бы очень сложно организовать эту переписку так, чтобы она велась из нужных мест в нужное время. Это было непростое дело, и она в высшей степени артистично справилась с ним.

Хоть и существуют те, кто так не сделает, я надеюсь, что существуют и те немногие, кто примет эту небольшую комедию, которую я благосклонно разыграл. Я должен извиниться, если моя мистификация кем-то воспринята слишком серьезно и кого-то ранила; но как бы то ни было, леди и джентльмены, возможно мне следует закончить на довольно серьезной ноте. Я здесь для того, чтобы объявить о кончине того, что было близко сердцам некоторых из вас. Палладиума больше нет. Я был его создателем, я его и уничтожил. Вам больше нет нужды бояться его зловещего влияния. Великий враг христиан и католической церкви мертв»¹⁰².

В конце своей речи Жоган вежливо поклонился своей изумленной аудитории, сошел с платформы и тихо удалился в кафе, что на другой стороне бульвара, где заказал кофе и коньяк. Сразу после его ухода началось столпотворение. Конфуз католиков быстро обратился в гнев, обостряемый издевками со стороны масонов. Только незамедлительная реакция полиции позволила избежать беспорядков.

За кульминацией изысканного розыгрыша Жогана последовали желаемые результаты. Анти-масонская партия была повержена в совершенное смятение. После случая с Дианой Воган для каждого стало сложно принимать Сатанизм за серьезную угрозу. По той же причине Сатанизму стало невозможно вызывать зловещее очарование, которое оно вызывало у писателей вроде Гюисманса. Поэтому экстраординарная выходка Жогана в конце концов возымела целительный эффект в том, что помогла разрушить нездоровую одержимость сатанизмом.

¹⁰² Н.Т.Ф. Rhodes, *Сатанинская Месса*.

Глава 19

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ ОККУЛЬТИЗМА

На рубеже века более экстравагантные формы магической деятельности стали уступать дорогу доктринерскому оккультизму, который был скорее точкой зрения нежели доктриной. Стало модным принимать «оккультный» взгляд на историю на подобие предлагаемого Мадам Блаватской в «Тайной Доктрине» и Эдуардом Шуресом (Edouard Schurés) в *Les Grands Initiés* («Великие Посвященные»). Последняя работа имела необычайный успех как во Франции, так и за границей. Впервые опубликованная в 1889 году, она претерпела восемьдесят пять переизданий за следующие тридцать семь лет. Шурес заявлял, что основатели великих религий, включая Христа, были посвященными одного и того же базового учения. Его ссылки указывают на то, что на него сильно повлиял Фабр д'Оливе (Fabre d'Olivet).

Однако все еще активными были и те, кто был не согласен с доктринерским оккультизмом. Группа Папюса с ее множеством ответвлений стала центральной точкой эзотерической деятельности, а его два журнала, *La Voile d'Isis* и *L'Initiation* были главными органами движения. Существовали и другие оккультные журналы, в список которых входили: *Le Progrès spirite*, *L'Echo du merveilleux*, *La Vie mystérieuse* и *La Revue spirite*. Количества практикующих в Париже оккультистов было достаточно для того, чтобы поддерживать бизнес хотя бы одного поставщика товаров для их нужд, в *L'Initiation* регулярно появлялась реклама о том, что Léonis по адресу 391 Rue des Ruyénées, Paris 20e, был готов предоставить «гипнотические сферы, гипнотические зеркала... планшеты... волшебные палочки, предметы для магических алтарей» и другую всячину. Последователи Папюса действовали как в провинции, так и в Париже. Письмо от президента аффилированной группы в Гавре (Le Havre) которое появилось в *L'Initiation* в начале 1895-го сообщало: «Так как мы вовлекаемся во все ответвления оккультизма, группа обязательно состоит из людей,

увелеченных магнетизмом, спиритуализмом, гипнотизмом и т. д., и, следовательно, неоднородна по составу. Одни — пламенные Кардецисты, другие интересуются только спиритизмом». Далее автор пишет, что группа однажды пробовала магию без особого результата и оставила ее, но он продолжал практиковать ее самостоятельно, так как считал ее «единственной истинной наукой». Другой очень активной провинциальной группой было Общество философских и психологических исследований в Туре (*Société d'études philosophiques et psychiques at Tours*), регулярно печатавшее доклады в *L'Initiation*.

Так же процветал и Орден Мартинистов Папюса, и в 1910 к существующим четырем степеням добавились еще три. Заместителем Папюса в группе, а позднее и его преемником был Чарльз Детр (*Charles Detré*), который называл себя Тедер (*Teder*). В 1913 *Hermanubis Lodge* (Ложа Германубис), принадлежавшая ордену, выпустила следующее провозглашение мартинистам: «По воскресеньям между вторым и третьим часом, и по средам между десятью и одиннадцатью вечера, братья Мартинисты, выражая почтение высшему плану в пылких молитвах, приглашаются сконцентрировать мысли, озаренные превосходной силой Любви, на воззвании к нашему владыке Христу о исцелении и избавлении для больных».

Похоже, Мартинисты были высокоэффективной группой, так как к этому времени их отделения появились и за границей. Статьи в *L'Initiation* сообщали о росте Мартинизма как в Италии, так и в России. Например, в выпуске за июль 1910 появилось сообщение о том, что отделение ордена появилось в Санкт-Петербурге. Другая статья, вышедшая в январе 1911, сообщала читателям, что в России «Мартинистские и оккультные движения принимают огромные масштабы ... Через учения, изложенные в работах Папюса, Элифаса Леви, Станисласа де Гуайты и Сент-Ив д'Альвейдра, идеи этих Мастеров заявляют о себе в чрезвычайной степени». В росте оккультных движений в России на кануне революции 1917, мы видим конкретную параллель расцвету таких движений перед Французской Революцией и в периодах, ведущих к различным кризисам девятнадцатого века.

Интересным ответвлением ордена мартинистов была Гностическая Католическая Церковь (*Gnostic Catholic Church*), основанная Жюлем Дойнелем (*Jules Doinel*), служащим библиотеки Орлеана. Позднее она была возглавлена Фабром де Эссартсом (*Fabre des Essarts*), который

называл себя Патриарх Синезий (Patriarch Synesius), а также был поэтом движения Символистов. Доктрины его церкви основывались на традиционной Гностической идее о том, что мир был сотворен злым богом для того, чтобы поймать дух в ловушку материи и лишить его возможности вернуться к истинному источнику творения. Для членов Французской Гностической Церкви путь к спасению лежал через две крайности — либертинизм или аскетизм.

В дополнение к Мартинизму продолжали свою активность и несколько других организаций. У Теософского Общества была небольшая группа преданных сторонников, и в 1908 стартовало ответвление под названием Рыцари Круглого Стола. Другой из возникших групп была группа под названием Друзья Сент-Ив д'Альвейдра которая была сформирована с целью сопоставления и публикации некоторых рукописей Сент-Ива, а также для распространения его идей. Общество опубликовало целые серии работ о Сент-Иве. Кроме того, штаб-квартира общества имела библиотеку и лекционный зал.

Меж тем Наундорфисты все продолжали теплить надежду на возвращение французской монархии в форме семьи Наундорфа. Они издавали журнал под названием *La Revue Naundorffiste historique*, который содержал статьи о генеалогии королевской семьи и их предполагаемых настоящих потомках, а также на тему исчезновения Дофина. В 1906 в журнале вышел доклад о памятной мессе в честь Марии Антуанетты, на которой присутствовали Наундорфисты и некоторые представители аристократии. После того как группа вышла из церкви, послышался крик «Vive le roi» (Да здравствует король). Но это был одинокий крик, так как мир двадцатого столетия не волновала судьба Дофина, и публикации прекратились в ноябре того же года.

Последователи Пророка Вентры чувствовали себя лучше; Вентровские обряды практиковались в Париже по меньшей мере до 1930-х, и возможно практикуются и сегодня, хотя у меня нет на этот счет информации. Пьер Жеро (Pierre Geraud), в *Les Religions nouvelles de Paris*, дает интересное описание Вентровской церемонии, на которой он присутствовал предположительно незадолго до публикации книги в 1939. Жеро видит связь в том, что в результате его расследований в оккультных сектах для своей книги, он обнаружил, что за ним охотится группа сатанистов, которые творили заклинания против него. Его друзья оккультисты давали ему разные советы. Один из них предложил поход к знакомому жрецу Вентрианцу

и совершить Жертву во Славу Мельхиседека для защиты Жеро. Вот генеалогия Вентровской группы: после смерти Пророка, большинство последователей, которые не признали Булляна новым главой, сгруппировались под лидерством Эдуарда Сулейона (Edouard Souleillon). Они праздновали Жертву Славы в святилище Шампиньи-сюр-Сен и также в двух Вентровских часовнях в Париже, одна находилась на Рю Сент Энн (Rue Sainte-Anne), другая — возле церкви Монруж. Преследования, спровоцированные Римом, ослабили группу, но они продолжили практиковать подпольно и как раз жрец из этого членства пришел на помощь Жеро.

Ритуал, описанный Жеро, происходил в квартире на четвертом этаже в квартале Жавель. Прижатый к стене комод, покрытый красной тканью, выступал в роли алтаря. На нем стоял бокал для шампанского, небольшая тарелка с облатками и зажженная свеча в подсвечнике. На стене над алтарем была приколотая ткань с вышитыми на ней четырьмя буквами Тетраграмматона, слева висела рамка с портретом Вентры. Празднующий был бос и одет в длинные ризы, поверх которых носил большой крест из белой ткани, пересечение которого свисало ниже живота, символизируя «распятие фаллоса». Ему ассистировала его жена, тоже босиком, одетая в белую тунику и зеленую накидку. Других поклоняющихся было только двое.

Жрец начал с чтения молитв, которым вторила жена. Призвав Архангела Михаила, он налил немного белого вина в бокал для шампанского, в то время как жена наполняла второй стакан красным вином — очевидно, белое вино было привилегией мужской половины жречества. Празднующий затем обернулся и указал левой рукой на лоб Жеро, а вторую поднял, интонируя длинную формулу экзорцизма. Затем, все еще бормоча формулы, которые Жеро был не способен понять, он взял облатку и, разломав ее надвое, опалил оба фрагмента в пламени свечи и сказал: «Вот причастие хлеба и огня». Затем он съел один из кусочков и предложил второй Жеро, который, к ужасу жреца вежливо отказался. Кинув на Жеро осуждающий взгляд, жрец выпил вина, затем жена выпила из своего бокала. Прозвучали ещё несколько молитв и затем процедуры закончились призывом Святого Духа.

После церемонии Жеро спрашивал жреца о его доктринах. Ему ответили, что новые Вентрийцы остались верны старому, но делают большой акцент на неизбежность царства Параклета.

Вне мейнстрима французского оккультизма — если термин «мейнстрим» применим для оккультизма — особняком стояла мистическая форма бретонского национализма, параллель кельтского романтизма, распространявшегося в Британии и Ирландии такими фигурами как Уильям Батлер Йейтс (W.B. Yeats), Джордж Рассел (George Russell) и Уильям Шарп (William Sharp). В 1899 бретонец по имени Жан Ле Фустец (Jean Le Fustec) начал то, что он называл французским ответвлением Уэльского Горседда (Welsh Gorsedd). Это развилось в общество под названием Барды (The Bards), которое Жеро обсуждает в его *Les Sociétés secretes de Paris* («Тайные общества Парижа»). Члены были поделены на три градации: Барды, которые были стражами слов и песен и которые одевались в голубое; Оваты (Ovates), хранители традиций и символов, носили зеленое; и Друиды, посвященные в божественные науки и мудрость, носили белое.

В той же книге Жеро предлагает довольно дразнящее упоминание о сверхсекретной розенкрейцеровской группе. Он цитирует следующий отрывок из *Histoire des Rose Croix Пола Седира* (Paul Sèdir) (опубликованной в 1910):

«Чтобы ничего не упустить мы должны тут упомянуть о появлении очень возвышенного розенкрейцеровского центра, F.T.L. чей режим вербовки и сам центр никогда не описывались. Мы знаем, что общество стало распространяться примерно в 1898, и мы полагаем, что неофиты соприкасаются с членами ордена путем, сравнимым с описанным в розенкрейцеровском постере, расклеенном по Парижу в 1623 году. Инициация очень чиста и в основе христианизована».

Дальше Жеро пишет:

«Долгое время я безрезультатно искал, существуют ли адепты это F.T.L. в Париже. Многие, кто посвятил свою жизнь изучению истории эзотерики и преподают ее, были не осведомлены о существовании этого тайного общества. Большой редкостью был тот, кто был способен заверить меня, что оно все еще существует и что в нашей столице, у него очень малое количество последователей».

Однако я встретил одного. Это был человек работавший в кино. Он был очень удивлён узнать, что я осведомлен о его принадлежности. Признаваясь в искренней цели моего любопытства, которую я в дружеской манере преподнес, он не был способен пролить хотя бы лучик света о пресловутом F.T.L., его целях, рекрутинге, обрядах — или даже названии!

Этот F.T.L. конечно окружен загадкой! Не больше, не меньше того, что я смог нарыть это то, что его настоящий глава M.C..., друг Барле (Barlet), который был Гранд Мастером Каббалистического Ордена Розы и Креста; что у него есть филиал в Бордо (Bordeaux) под названием Святой Грааль; и что его основатель... сам Седир».

Большинство группировок, активных в ранние годы двадцатого века, были, в каком-то смысле, возобновлениями оккультных движений предыдущего столетия, чьих потомков я отследил в этом исследовании до периода предшествующего Революции. Импульс от де Гуайты, Папюса и Пеладана сейчас ослабевал. Хотя возобновление оккультной активности все же доходило до наших дней, и после Первой Мировой Войны представлялось возможным разглядеть новый импульс. Если оккультизму свойственно расцветать перед кризисом, то, когда приходит сам кризис, опьянение оккультизмом проходит, и человеку надлежит обратить внимание на то как выжить, или на то как защитить свою страну. Эра, предмету изучения которой призвана эта книга, можно сказать, закончилась с холокостом Первой Мировой Войны. Когда дым рассеялся, все наиболее значимые фигуры оккультного движения были мертвы. Папюс умер в 1916, а Пеладан — в 1918. Живы только взгляды, которые они питали. Царству Параклета все еще предстоит прийти.

Приложение А

ПОТОМКИ ЭЛИФАСА ЛЕВИ

Сын Элифаса Леви, на которого Шакорнак (Chacornac) ссылается как на «М.А.С.», был одним из тех людей, кто сопровождал тело до последнего места его отдыха. Жизнь Леви по Шакорнаку, предоставляет следующую информацию:

«Знакомство с М.А.С. было особенным. Это удовольствие мы имели весной 1914. М.А.С. жил на Рю Шаноина (Rue Chanoinesse), возле Нотр-Дам (Notre Dame). Это был милый пожилой человек, среднего роста и беловласый; нас сразу поразило его сходство с Элифасом Леви. Его лицо излучало великодушие и любезность, и он был очень добр.

Мы объяснили цель визита и М.А.С. радостно улыбнулся, услышав имя отца, которого, по его словам, что очень почитал. Затем он показал нам многочисленные рукописи, которые он терпеливо составлял в соответствии с работами Элифаса Леви. Затем, открыв книжный шкаф, он показал нам собрание работ отца в роскошных переплетах той эпохи.

В память о нашем дружелюбном диалоге М.А.С. подарил нам бюст Элифаса Леви и одну из его рукописей...

К сожалению, наши взаимоотношения на этом и остановились в силу ужасных бедствий, сотрясавших весь мир на тот момент; и в 1916 мы с прискорбием узнали о смерти М.А.С.

В 1919-м мы познакомились с сыном М.А.С. Мы в долгу перед ним за максимально ценную информацию о жизни его бабушки, и мы искренне его поблагодарили за помощь в нашей задаче».

Единственная дочь Леви умерла еще ребенком.

Приложение Б

ЭЛИФАС ЛЕВИ И АЛИСТЕР КРОУЛИ

Английский маг, который умер в 1947 году, после примечательно красочной и в каком-то роде пользующейся дурной славой жизни, думал о себе, что он реинкарнация Леви. В его книге *Magic in Theory and Practice* («Магия в Теории и на Практике»), он цитировал несколько пунктов в подтверждение своих верований.

Дата смерти Элифаса Леви на шесть месяцев предваряла дату рождения Алистера Кроули. Реинкорнирующее это предположительно должно овладеть эмбрионом на этом этапе развития...

Для Алистера Кроули показался непостижимо знакомым и привлекательным конкретный квартал в Париже. Это не было обычным *déjà vu*, это, главным образом, было чувство, словно он вернулся домой. Лишь многим позже он выяснил, что Леви жил по соседству долгие годы.

Между жизнью Алистера Кроули и Элифаса Леви много любопытных сходств. Намерение родителей, что их сын должен пойти по религиозному пути; поразивший его необъяснимый остракизм, виновникам которого в некотором роде стыдно за себя; события, связанные с женитьбой: все это включает в себе удивительно близкие параллели...

Более интересной все же является копия жизни Шакорнака, выполненная Кроули, с карандашными заметками на полях, с комментариями конкретных абзацев, содержащих его теорию реинкарнации.

На странице 108 в книге Шакорнака есть цитата из писем Леви к Барону Спедальери, описывающая случай, когда его маленькая дочь была ужасно больна и при смерти в результате некомпетентии няни. Констан оголил грудь и положил на нее ребенка, при этом осторожно дуя в ее рот и ноздри. Затем, взяв немного теплой воды, сбрызнул ей лоб, призывая Отца, Сына и Святого Духа. Это мгновенно оживило ребенка, она открыла глаза и улыбнулась. В примечании Кроули: «Cf. saving Lola Zaza», указывающее на его веру в то, что он спас жизнь

своей дочери такими же средствами. Лола Заза (Lola Zaza) — это дочь Кроули от первой жены Розы.

На 213 странице помещен абзац, описывающий то, как часто Леви писал под влиянием своего рода, непреднамеренного импульса и затем прочитав то, что он написал, замирал, чувствуя «смесь восторга и страха». Кроули отметил этот абзац тремя вертикальными штрихами и словом «Да!» Книга Закона Кроули была написана таким же способом, и его реакции на это тоже сходились.

В качестве еще одного примера на странице 242 есть описание способности Леви ставить на место людей, возмнивших о себе:

«Однажды вечером он присутствовал на ужине где адвокат, мнивший себя пупом земли, рассказывал историю, как если бы она была его собственной. Пока хороший рассказчик подбирал фразу, Элифас Леви вдруг перебил его, продолжив историю, декламируя старую поэму пятнадцатого века, которую адвокат присвоил». В заметке Кроули на полях говорится: «Я так же поступил с Фрэнком Харрисом (Frank Harris)».

Избранная Библиография

Далее следует список книг, оказавшихся полезными для этого исследования. Где было возможно, я приводил имя издателя, и в некоторых случаях добавлял свои комментарии. В случае Элифаса Леви я попытался дать список важных работ, написанных автором под этим именем; так же я привел список неизданных рукописей, к которым я обращался.

Bibliographies

Caillet, Albert L., *Manuel bibliographique des sciences psychiques et occultes* (3 vols., Paris, Dorbon, 1912). This monumental work, covering all aspects of occultism, is an invaluable source of reference.

Châteaurhin, G. de., *Bibliographie du Martinisme* (Lyons, Derain-Raclet, 1939). By definition limited in scope, but extremely useful.

Yves-Plessis, R., *Bibliographie française de la sorcellerie* (Paris, Chacornac, 1900). Very useful classified list of books on all aspects of occultism, though not as wide in scope as Caillet.

Texts

Barruel, the Abbé Augustin, *Mémoires pour servir a l'histoire du Jacobinisme* (French version, London, Le Boussonnier, 1797-8; English version, London, the author, 1797-8).

Christian, Paul (pseud. for J.-B. Pitois): (i) *L'Homme-rouge des Tuileries*.

(ii) *L'Histoire de la magie* (Paris, Furne, Jouvot, 1870)

Court de Gébelin, Antoine, *Le Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne* (9 vols., Paris, the author, 1773-84).

Esquiros, Alphonse, *Le Magicien*, a novel (Paris, Desessart, 1838).

- Etteilla (pseud. for Alliette): (i) *Cours théorique et pratique du livre de Thot* (Paris, 1791).
(ii) *Etteilla, ou manière de se récréer avec un jeu de cartes* (Paris, 1770).
(iii) *Le Zodiaque mystérieux, ou les oracles d'Etteilla* (Amsterdam and Paris, 1820).
- Fabre d'Olivet, Antoine: (i) *Les Vers dorés de Pythagore* (Paris, Treuttel et Wurtz, 1813).
(ii) *La Langue hébraïque restituée* (2 vols., Paris, Barrios, Eberhart, the author, 1815-16).
(iii) *Histoire philosophique du genre humain* (Paris, Brière, 1824).
- Franck, Adolphe, *La Kabbale* (Paris, Hachette, 1843).
- Grimoires: (i) *Le Grand Grimoire, ou l'art de commander les esprits célestes* (Paris, 1845).
(ii) *Le Grimoire du pape Honorius*, various editions including:
(a) dated 1800 'à Rome', but probably published in France;
(b) dated 1760 'à Rome', but probably published in France in about 1800—has coloured illustrations and minor textual differences from edition (a); (c) published at Lille in 1840.
(iii) *Grimorium Verum*, various editions including: (a) 1780, translated into French by Plaingière; (b) French edition dated 1517 'à Memphis, chez Alibeck, l'Egyptien'—this is obviously false, and the book is more likely to have been published in France in 1817.
- Guaita, Stanislas de, *Essais des sciences maudites: I, Au Seuil du mystère* (Paris, Carré, 1886); II, *Le Serpent de la Genèse* (Part i, Chamuel, 1891; Part ii, *ibid.*, 1897).
- Huysmans, J.-K., *Là-Bas*, a novel (Paris, Tresse et Stock, 1891; latest edition. Plon, Livre de Poche series, 1966).
- Lenain, *La Science cabalistique* (Amiens, the author, 1823).
- Kardec, Allan (pseud. for Léon Hippolyte Rivail), *Le Livre des esprits* (Paris, Dentu, 1857).
- Lévi, Eliphas (pseud. for Alphonse-Louis Constant): (i) *Dogme et rituel de la haute magie* (first published as one volume, Paris, Germer Baillièrre, 1856. English translation by A. E. Waite, latest edition, London, Rider, 1968).
(ii) *Histoire de la magie* (Paris, Germer Baillièrre, 1860. English trans. by A. E. Waite, latest edition, London, Rider, 1969).
(iii) *La Clé des grandes mystères* (Paris, Alcan, 1897. English translation by Aleister Crowley, latest edition, London, Rider, 1969).

- (iv) *Paradoxes of the Highest Science* (English translation of a hitherto unpublished manuscript by Lévi, published in *Theosophical Miscellanies*, Calcutta, 1883).
- (v) *Le Livre des splendeurs* (Paris, Chamuel, 1894).
- (vi) *Clés majeures et clavicules de Salomon* (Paris, Chamuel, 1895).
- (vii) *La Science des esprits* (Paris, Germer Baillière, 1865).
- (viii) *Le Livre des sages* (Paris, Chacornac, 1912).
- (ix) *The Magical Ritual of the Sanctum Regum* (translated by Wynn Westcott, latest edition, London, Crispin Press/Thorsons, 1970).
- (x) *Les Portes de l'avenir* (unpublished manuscript, 1870).
- (xi) *Libres pensées sur des idées nouvelles* (unpublished, undated manuscript).
- Papus (pseud. for Gérard Encausse): (i) *Traité méthodique de science occulte* (Paris, Carré, 1891).
- (ii) *Traité élémentaire de magie pratique* (Paris, Chacornac, 1906).
- (iii) *Le Diable et l'occultisme* (Paris, Chamuel, 1895).
- (iv) *La Magie et l'hypnose* (Paris, Chamuel, 1897).
- (v) *Catholicisme, satanisme et occultisme* (Paris, Chamuel, 1897).
- Pasqually, Martines de, *Traité de la réintégration des êtres* (Paris, Chacornac, 1899).
- Péladan, Joséphin: (i) *Comment on devient mage* (Paris, 1892).
- (ii) *L'Art idéaliste et mystique, doctrine de l'ordre et du salon des Rose Croix* (Paris, Chamuel, 1894).
- (iii) *La Décadence esthétique* (Paris, Dalou, 1888).
- (iv) *Le Vice suprême* (Paris, Librairie de la Presse, Laurens, 1886).
- (v) *Curieuse* (ibid., 1886).
- Saint-Yves d'Alveydre (pseud. for Joseph-Alexandre Saint-Yves), *L'Archeomètre* (Paris, 1934).
- Star, Ely (pseud. for Eugène Jacob), *Les mystères de l'horoscope* (Paris, Dentu, 1885).
- Vaughan, Diana (the name under which Gabriel Jogand-Pagès masqueraded): (i) *Mémoires d'une ex-palladiste* (Paris, Pierret, 1896).
- (ii) *La Restauration du Paganisme* (ibid., 1896).

Studies

- Alem, Jean-Pierre, *Enfantin, le prophète aux sept visages* (Paris, Pauvert, 1963).

- Aubrun, R. G., *Péladan* (Paris, Sansot, 1904).
- Baldick, Robert, *The Life of J.-K. Huysmans* (Oxford, Clarendon Press, 1955). A masterly work containing a penetrating analysis of the occult influences on Huysmans.
- Barlet, François Charles, *Saint-Yves d'Alveydre* (Paris, Durville, 1910).
- Barrès, Maurice, *Un Rénovateur de l'occultisme, Stanislas de Guaita* (Paris, Chamuel, 1898).
- Berlet, Charles, *Un Ami de Barrès, Stanislas de Guaita* (Paris, 1936).
- Bois, Jules: (i) *Le Satanisme et la magie* (Paris, Chailley, 1895).
(ii) *Le Monde invisible* (Paris, Flammarion, 1902).
- Bricaud, Joanny: (i) *J.-K. Huysmans et le satanisme* (Paris, Chacornac, 1912).
(ii) *Huysmans, occultiste et magicien* (ibid., 1913).
(iii) *L'Abbé Boullan* (ibid., 1927).
(iv) *Les Illuminés d'Avignon, étude sur Dom Pernety et son groupe* (Paris, Nourry, 1927).
- Chacornac, Paul, *Eliphas Lévi, rénovateur de l'occultisme en France* (Paris, Chacornac, 1926).
- Cooper-Oakley, Isabel, *The Comte de Saint-Germain* (New York, Steiner Books, 1970)
- Encausse, Philippe, *Papus (Dr. Gérard Encausse), sa vie, son œuvre* (Paris, 1932).
- Erdan (pseud. for A. A. Jacob), *La France mystique* (Paris, Coulon-Pineau, 1855).
- Garçon, Maurice, *Louis XVII ou la fausse énigme* (Paris, Hachette, 1968).
- Geyraud, Pierre: (i) *Les Sociétés secrètes de Paris* (Paris, Emile-Paul Frères, 1939).
(ii) *Les Religions nouvelles de Paris* (ibid., 1939).
Both of these are fascinating works containing much information of a journalistic nature on a wide variety of sects and cults.
- Glass, Justine, *The Story of Fulfilled Prophecy* (London, Cassell, 1969).
- Lea, H. C., *Léo Taxil, Diana Vaughan et l'Eglise Romaine: histoire d'une mystification* (Paris, 1901). The best account of the Diana Vaughan affair.
- Le Forestier, René: (i) *La Franc-maçonnerie occultiste au XVIIIe siècle et l'ordre des Elus Coëns* (Paris, Dorbon, 1928).
(ii) *La Franc-maçonnerie templière et occultiste au XVIIIe et*

- XIXe siècles* (Paris, Aubier-Montaigne/Louvain, Editions Nauwelaerts, 1970).
- Both of these are monumentally detailed works, invaluable for any study of occult masonry of the period.
- Levaillant, M., *La Crise mystique de Victor Hugo* (Paris, Corti, 1954).
- Martin, Gaston, *La Franc-maçonnerie française et la préparation de la Révolution* (Paris, Les Presses Universitaires de France, 1926).
- Mercier, Alain, *Les Sources ésotériques de la poésie symboliste* (Paris, A.-G. Nizet, 1969). An extremely interesting and informative analysis.
- Michelet, Victor-Emile, *Les Compagnons de la hiérophanie, souvenirs du mouvement hermétiste à la fin du XIXe siècle* (Paris, Dorbon, 1937). Anecdotal and undetailed but quite interesting account of some late-nineteenth-century occultists.
- Millet Saint-Pierre, J. B. *Recherches sur le dernier sorcier (Ettiella) et la dernière école de magie* (Le Havre, Le Pelletier, 1859).
- Praz, Mario, *The Romantic Agony* (latest edition, London, Oxford University Press, 1970). Contains some interesting references to occult influences in literature.
- Rhodes, H. T. F., *The Satanic Mass* (latest edition, London, Jarrolds, 1968). A work of uneven detail, but useful for Vintras, Boullan and Leo Taxil).
- Rijnberk, Gerard van, *Le Tarot* (Lyons, 1947). The most thorough and objective history of the Tarot yet written.
- Starkie, Enid, *Arthur Rimbaud* (London, Hamish Hamilton, 1947).
- Viatte, Auguste, *Les Sources occultes du romantisme* (2 vols., Paris, Champion, 1928).
- Webb, James, *The Flight from Reason, Vol. I, The Age of the Irrational* (Macdonald, 1971). An interesting study of occultism in Europe from about 1820 to 1910, well documented and including useful information on most of the leading French occultists of the period.
- Wirth, Oswald, *Stanislas de Guaita, souvenirs de son secrétaire* (Paris, Editions du Symbolisme, 1935).